ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065 2(16) 2015

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 2 раза в год
Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:
Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калиниченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:
Абылгазиев И. И. (*Россия*), Акаев А. А. (*Киргизия*), Ань Цинянь (*Китай*), Ближковский П. (*Бельгия*), Вебер А. Б. (*Россия*), Грачев В. А. (*Москва*), Гэй У. (*США*), Гусейнов А. А. (*Россия*), Данилов-Данильян В. И. (*Россия*), Дафферн Т. (*Великобритания*), Камуселла Т. (*Польша*), Киш Э. (*Венгрия*), Коротаев А. В. (*Россия*), Кучуради И. (*Турция*), Лисеев И. К. (*Россия*), Мазур И. И. (*Россия*), Назаретян А. П. (*Россия*), Робертсон Р. (Великобритания), Сергеев М. Ю. (США), Степин В. С. (*Россия*), Теймури В. (*Иран*), Урсул А. Д. (*Россия*), Хасбулатов Р. И. (*Россия*), Юдин Б. Г. (*Россия*).

Адрес редакции:
119992, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 102, Президиум РФО.
Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:
400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Гринин Л. Е. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? 3

Назаретян А. П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мегаистории 18

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира 35

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Санаи М. Глобализация и мультикультурализм: изменение в понятиях и основах 48

Моисеев А. А. Феномен глобализации и международное сообщество 59

Думнов А. Д., Рыбальский Н. Г. Макроэкономические оценки на основе экосистемного учета как важнейшая международная задача..... 73

Мартин Г. Т. Глобализация и конституция Земли: ключевые стадии в борьбе за человеческое освобождение 90

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Макаров В. Г. Международный трансферт атомных технологий как угроза режиму нераспространения ядерного оружия 108

Щенникова Н. В. Языковой фактор глобализации 119

Зинькина Ю. В. Мальтузианская ловушка в век глобализации? 130

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Грачев В. А. Научные идеи В. И. Вернадского как основа для нового мировоззрения и устойчивого развития 143

Напсо М. Д., Напсо М. Б. Право индивида и право народа на самобытность в реалиях глобализации 158

Давлатов И. Х. Экономическая природа глобализации и ее влияние на банковскую систему Таджикистана 170

Кацура А. В. Современное конфуцианство: глобальные мотивы 183

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Кондратов Д. И. Международные инвестиции российских компаний и финансовых институтов 190

Саямов Ю. Н. Глобальное управление наукой – химера или требование жизни? 209

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Global Studies Encyclopedic Dictionary (аннотация) 221

Contents 223

ТЕОРИЯ

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК И ЭПОХА ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

АМЕРИКАНСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ: АПОГЕЙ И ОСЛАБЛЕНИЕ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Гринин Л. Е.**

В настоящей статье рассматривается, как формировался, развивался и начал ослабевать мировой порядок, основанный на американской гегемонии, анализируются истоки установления современного мирового порядка. Дается анализ характерных черт и методов, которые используют США для поддержания своих позиций в мире. Автор показывает также, каким образом глобализация стала более выгодной для развивающихся стран, а не для развитых, а также как постепенно формировалось убеждение в неизбежности ослабления лидерских позиций США. В статье дается характеристика современной ситуации в международных отношениях как обстановки, в которой началась реконфигурация Мир-Системы. Последнее должно означать наступление эпохи турбулентности и формирования новых коалиций. Это будет своего рода переходная эпоха к более устойчивому новому мировому порядку, установление которого будет нелегким делом. Во второй статье будет рассмотрено, в каком направлении и как этот новый порядок будет формироваться, каковы могут быть его принципы и возможные механизмы установления.

Ключевые слова: *мировой порядок, глобализация, суверенитет, турбулентность, новые коалиции, дипломатия, гегемония, ослабление США, сверхдержава, дипломатия доллара, санкции, Мир-Система.*

The present article considers the process of the formation, development and weakening of the world order based on the American hegemony. The origins of the current world order are analyzed. The article presents the analysis of the characteristic features and methods applied by the USA to maintain their position in the world. The author shows how globalization has become more favorable for developing countries than for the developed ones. The

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-30063).

** Гринин Леонид Ефимович – д. ф. н., главный научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», шеф-редактор журнала «Век глобализации». E-mail: lgrinin@mail.ru.

gradually forming conviction in the inevitable weakening of the US leadership positions is also analyzed. The article describes the characteristics of the current situation in international relations as a situation of a started reconfiguration of the World-System. The latter should mean the coming of the epoch of turbulence and formation of new coalitions. There will take place a transition to a more sustainable world order which will be a difficult task. The second article will consider the direction and ways of the formation of this new world order, the possible principles and mechanisms of its establishment.

Keywords: *world order, globalization, sovereignty, turbulence, new coalitions, diplomacy, hegemony, weakening of the US positions, superpower, dollar diplomacy, sanctions, World-System.*

Глобализация за последние три-четыре десятилетия существенно повлияла на систему мирового порядка. Вначале был разрушен установившийся послевоенный порядок. Далее она способствовала установлению полной гегемонии США и в целом Запада, а в последующем начала менять баланс экономических сил в мире в пользу развивающихся стран [см.: Гринин 2013; Grinin, Korotayev 2015]. Однако изменение экономического баланса вовсе не влечет за собой автоматическое изменение и военно-политического расклада сил. Для этого, образно говоря, требуется подтягивание политической составляющей мирового развития (политической глобализации) к экономической. Очевидно, что вторая значительно опередила первую. И дальнейшее развитие без такого подтягивания будет затруднительным. Такое неизбежное сокращение разрыва между экономической и политической глобализацией мы назвали реконфигурацией Мир-Системы [см.: Гринин 2012; 2013]. В итоге это рано или поздно должно привести к формированию нового мирового порядка. Но надо иметь в виду, что такое подтягивание происходит рывками и означает более или менее сильные политические и геополитические кризисы в тех или иных местах. Мы рассматриваем последние кризисы и потрясения на Ближнем Востоке и Украине именно как такие «реконфигуративные» кризисы, которые одновременно становятся и геополитическими, требующими изменения мирового порядка. Процесс подтягивания политической составляющей приведет к тому, что мир достаточно длительное время (возможно, два десятилетия) будет находиться в весьма турбулентной эпохе с кризисами, усилением напряженности, формированием новых и непривычных союзов и коалиций [см. об этом: Он же 2009; 2012; см. также: Бреммер 2015]. Все это будет происходить на фоне ослабления лидерских позиций США. Однако последние события показали, что Соединенные Штаты отнюдь не готовы добровольно смириться с этим.

В 2008 г. Фарид Закария, известный политолог и редактор *Newsweek International*, писал, что у США есть два варианта. Они могут укрепить формирующийся миропорядок, сотрудничая с новыми великими державами, поступившись частью своего могущества и привилегий. Или же они могут пассивно наблюдать за тем, как «взлет других» порождает рост национализма и раздробленности, который постепенно разорвет в клочья тот миропорядок, который США строили последние 60 лет [Закария 2009]. Но он ошибался. Соединенные Штаты, едва восстановившись после кризиса, избрали третий вариант – подорвать мощь соперников и тем самым остаться на прежних позициях единственной сверхдер-

жавы. Это увеличивает турбулентность. При этом цена, которую мир заплатит за их амбиции, США, похоже, не волнует.

Все это означает, что новый мировой порядок будет устанавливаться с сопутствующими трудностями. Однако рано или поздно он установится, и это будет уже не американский мир.

Настоящая работа состоит из двух статей. В первой речь пойдет о том, как формировался, развивался и начал ослабевать мировой порядок, основанный на американской гегемонии. Во второй статье будет показано, какие этапы может пройти человечество на пути к новому мировому порядку, каковы могут быть принципы этого порядка и возможные механизмы его установления.

От «концерта великих держав» к бесполярному миру

Мировой порядок как некая система отношений и представлений о том, на каких принципах должны выстраиваться отношения между странами, начал формироваться в XVI в. (тогда это был еще европейский порядок), когда стала складываться система «великих держав» в Европе, а также система колониальных империй. Прообраз правовых принципов мирового порядка наметился в результате Вестфальского мира 1648 г., завершившего опустошительную Тридцатилетнюю войну, приведшую к депопуляции германских государств. С тех пор система «великих государств» с изменениями действовала до середины XX в. Существенной вехой на пути формирования принципов международных отношений стал Венский конгресс 1815 г. и возникший в результате его работы Священный союз монархов, которые стремились сохранить в Европе статус-кво и совместно бороться с революциями. Тогда же возникла концепция и система «Европейского концерта», призванного поддерживать систему равновесия, баланса сил и не доводить проблемы до войн. Она предусматривала многостороннюю дипломатию и возможность регулярных международных конференций. В конце XIX – начале XX в. возникновение двух блоков европейских государств, как известно, привело к Первой мировой войне. В ее результате также появился первый всемирный орган, который пытался влиять на формирование новых принципов международных отношений – Лига Наций, а также стала развиваться система международных конвенций. Но мировой порядок после Первой мировой войны был установлен только на очень короткое время. Мощные изменения, произошедшие в это время, включая появление СССР, а также развитие новых систем вооружения, грандиозный экономический кризис и другие причины привели к новому обострению отношений и новой войне.

Порядок, который установился после Второй мировой войны, имел существенные отличия от предыдущих. Во-первых, теперь имелись только две сильнейшие державы (США и СССР), то есть мир стал двуполярным, а затем он стал двублоковым (НАТО и Организация стран Варшавского договора). Во-вторых, он впервые прочно формировался по идеологическим основаниям. Не исключено, что именно идеологизация и обеспечила довольно длительное существование послевоенного мирового порядка.

В-третьих, США, в отличие от предшествующих мировых лидеров, сосредоточили в себе очень большой спектр лидерства: от технологического, финансового и военного до научного и культурного. Это был первый (и, видимо, единствен-

ный) подобный случай в мировой истории [об истории развития американского гегемонизма и доктринах, сопутствующих этому, см. также: Шишков 2014].

После распада СССР на полтора десятилетия установился однополярный мир. Таким образом, эволюция систем мирового порядка прошла путь от группы «великих держав» до двуполярного мира, а далее и до однополярного. В настоящее время она движется то ли к бесполярному, то ли к многополярному миру (как считать), то ли вообще к какой-то новой структуре. Но об этом подробнее будет сказано во второй статье.

Представления о новом мировом порядке в конце XX в.

Идеи о новом мировом порядке стали активно развиваться в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Этому весьма способствовали распад СССР и социалистического блока и нарастающий процесс глобализации.

Естественно, что представления о новом мировом порядке были прежде всего смоделированы как идея о безраздельном господстве западных экономик, институтов и идей [см., например: Attali 1991], совершенствующих остальной мир. Характеристики нового мирового порядка в ряде работ по этому поводу стали едва ли не синонимичны идее Pax Americana. Надо сказать, что США активно устанавливали такую систему через дипломатическое и экономическое влияние, через международные финансово-экономические институты и договоры, существенно ограничивавшие суверенитет государств, а равно через распространение демократии всеми способами, включая подрывную работу, «цветные революции» и военные интервенции [см.: Гринин и др. 2015].

Роль глобализации в установлении американского порядка

Глобализация (до поры до времени) казалась выгодной только Западу. Такое мнение укреплялось также тем, что на первых порах глобализация особенно наглядно проявилась именно в финансовой сфере, так как были сняты многие ограничения на перемещение капиталов. Поскольку капиталами обладали ТНК и финансовые организации западных стран, неудивительно, что практически стали ставить знак равенства между углублением интеграции мировой экономики и глобализацией. Такая финансовая глобализация одновременно вызвала и большие проблемы, включая многочисленные финансовые кризисы, от которых Запад и международные финансовые организации могли теперь «спасать» попавшие в сложное положение страны, одновременно навязывая им свои стандарты и свою волю. Неудивительно, что с легкой руки американских политологов глобализация стала представать в некоторых работах как процесс установления Pax Americana (то есть американского мира).

Упущенные возможности

Распад СССР создал уникальную (прежде не существовавшую никогда) возможность для того, чтобы наиболее могущественная сила, которая – не без основания – рассматривала себя как наиболее прогрессивную и динамичную в мире, могла бы принести мировому сообществу наибольшую пользу без чрезмерного сопротивления со стороны геополитических противников. Отметим, что критика международной деятельности США не должна мешать видеть значительное позитивное влияние, которое оказывала эта страна в течение десятилетий (и, хотя

в гораздо меньшем объеме, продолжает оказывать сегодня). Итак, шанс был уникальным, но что получилось в результате? В целом, если сравнивать с итогами предшествующих десятилетий, позитивное влияние Соединенных Штатов в 1990–2000-х гг. оказалось намного скромнее. В отличие от серии успешных экономических подъемов в 1950–1980-е гг. (в Японии, Корее, на Тайване и др.), вклад в которые со стороны американцев был значительным, в 1990-е и 2000-е гг. с их помощью не произошло ни одного экономического чуда. А те, что имели место, например в Китае, Индии, Вьетнаме и других странах, случились скорее вопреки США[1]. Продвижение демократии, ради которой было сделано столько усилий, совершались интервенции и перевороты, было довольно скромным. Демократия установилась только там, где население было готово к ней и без влияния США. В остальном мире это только дискредитировало демократическую идею.

Почему же столь большие возможности не привели к значительным улучшениям не только в мире, но даже и в самих США? Это, конечно, тема особого исследования. Но нельзя не отметить, что важнейшая причина коренится в решении американских политиков: в настоящее время у них есть карт-бланш на любые действия. В итоге в представлении США мировой порядок стал выглядеть таким, при котором американские интересы становились мировыми интересами (то есть все должны были считаться с ними и почитать за честь выполнять требования США, быть им полезными). В случае коллизии приоритетом должны были быть именно американские интересы, а американские порядки должны были стать прообразом мировых. Отсюда участившиеся попытки США навязать свои внутренние стандарты, законы и юрисдикцию всему миру. Америка присвоила себе право вмешиваться в дела любой страны и организации, навязывать ей свою волю, добиваться ее исполнения. Нарушение международных традиций и норм было допустимо, если это служило их интересам, соответственно двойные стандарты стали более откровенными.

Pax Americana – характерные черты

В принципе, все нижеперечисленные черты и методы американской дипломатии и внешней политики сложились уже после 1945 года[2], но представляется, что в последний период они стали более наглядными и откровенными, зато их обоснование намного более слабым. Конечно, многое из нижеперечисленного можно найти и в политике других держав, но в США с учетом их силы и кажущейся неуязвимости они составляют совершенно особую смесь.

1. Злоупотребление силой в ущерб дипломатии, в том числе в отношении союзников. (Так, один американский дипломат, требуя от Пакистана помощи в поимке Бен Ладена, угрожал в случае отказа, что Пакистан вернется в каменный век.) С 1945 г. США осуществили много войн и интервенций, но их частота существенно возросла в последние два десятилетия – с 1991 г. по 2011 г. [см., например: Ларисон 2015].

2. Использование так называемой «мягкой силы» (эвфемизм вмешательства во внутренние дела с помощью различных агентов и методов) для оказания влия-

[1] Только соседняя с США Мексика получила реальные дивиденды от сотрудничества с ними.

[2] Неслучайно и выражения, очень характерные для современной политики Соединенных Штатов («дипломатия доллара», «политика большой дубинки», «политика выкручивания рук»), определение США как «мирового жандарма» появились давно.

ния на правительства, законодателей, бизнес и пр. При необходимости осуществление подрывной деятельности и переворотов («цветных революций»)[3].

3. «Дипломатия доллара» через займы, помощь, влияние на международные финансовые организации усилилась благодаря росту позиции доллара и навязыванию правил работы национальным ЦБ.

4. Узкий прагматизм внешней политики, доходящий до того, что одни действия начинают противоречить другим, а главное – общим целям внешней политики и интересам страны (см. ниже).

5. Перенесение законов бизнеса во внешнюю политику (это выражается, например, в стремлении обязательно «дожать» конкурента или союзника, а не найти такой компромисс, который обеспечит сотрудничество в будущем). Чрезмерная увязка бизнес-интересов с внешней политикой.

6. Частое определяющее влияние внутренней политики на внешнюю, в результате чего многие важнейшие мировые проблемы оказываются, по выражению одного дипломата, в «заложниках внутриполитической борьбы» (см. также: Киссинджер 2002: 283).

7. Навязывание собственных стандартов (в том числе в политическом и юридическом устройстве), что вкупе с высокомерием сверхдержавы иногда оказывается губительным для тех, кто принимает эти стандарты.

Формы и методы американского влияния

Из особенностей арсенала внешнего влияния США стоит отметить следующие.

• Расширение форм давления на страны, лидеров, СМИ, бизнес и на любые другие силы для собственных целей (например, шантаж, фабрикация уголовных дел), все более частое применение всего арсенала в совокупности. После 2001 г. стали активно использовать возможности перехвата электронной корреспонденции и разговоров.

• Подрыв и ослабление национального суверенитета различных государств, а также злоупотребление системой наказаний для тех стран, которые, по их мнению, ведут себя неправильно[4].

• В ряде случаев применяется военная сила либо начинается поддержка вооруженной или иной оппозиции с одновременным и бездоказательным (а иногда и откровенно лживым) утверждением о преступности режима, который надо свергнуть.

• Идеологическая работа и активное использование пропаганды в разных видах усиливаются активизацией поиска в разных странах подходящих для обучения и соответственной обработки лиц.

Отметим, что, во-первых, вместе с ростом убежденности в своем превосходстве и исключительности указанные методы приобретают все большую значимость в общем балансе внешнеполитической деятельности США; во-вторых, после кризиса и частичного восстановления экономики акцент смещен на силовые

[3] О цветных революциях см.: [Чумаков 2015; Гринин и др. 2015].

[4] В арсенале наказаний изоляция непокорных, использование региональных или мировых коллективных органов (ООН, МВФ, МБ, для этого также очень хорошо подошла структура ЕС), понижение рейтингов с помощью рейтинговых агентств и т. п., использование юридических институтов (как международных, так и американских судов) и др. Участилось применение санкций. Все вместе это называется «силовой дипломатией».

моменты, и это неслучайно, так как денег стало меньше, а вызовов лидерству больше. В-третьих, в период президентства Б. Обамы усилилось давление на союзников и на многие другие общества, с тем чтобы заставить их действовать в угоду США.

Глобальная геополитика Соединенных Штатов базируется на создании превосходства в технологии, военной сфере и финансах, с тем чтобы всегда быть сильнее возможных противников. Следует отметить ее характерные черты:

- стремление установить глобальный контроль над всеми мировыми и по возможности региональными органами и организациями;
- всяческая поддержка гегемонии доллара и американских финансовых институтов;
- контроль или возможность потенциального контроля над наиболее важными ресурсами (возможность блокирования поставок нефти из Персидского залива; в этой же плоскости – попытки контролировать поставки газа Россией в Европу);
- военно-технологическое превосходство, чтобы можно было угрожать и вести войну без жертв со своей стороны. Правда, это не только сила, но и слабость Соединенных Штатов, которая не дает им возможности довести войну до конца, так как население не готово к подобным жертвам, поэтому США готовы блокироваться с различными силами, чтобы использовать их людские ресурсы;
- попытка ослабления (или возможности ослабления) потенциальных противников [см., например: Милн 2008] и создание атмосферы страха (что США все равно как-то накажут непокорных).

США всегда были уверены, что они недосягаемы для противника, поэтому могут наносить удары, не опасаясь возмездия. Однако теракты 11 сентября 2001 г. показали, что это не так. Данный момент становится поворотным пунктом, после которого политика США перестает быть управляемой и приобретает черты какого-то хаотического стремления предотвратить любые возможности нанести ущерб Америке любыми способами, а также продемонстрировать, что месть США будет быстрой и ужасной. В итоге после 11 сентября многие черты и меры становятся гипертрофированными. Соединенные Штаты отказываются от собственных принципов свободы, начинают слежку за собственным населением, а также за лидерами и населением других стран. Они окончательно теряют уважение к нормам международного права и принципу государственного суверенитета.

Закат лидерства США и Запада

Однако 11 сентября было не только сигналом того, что Америка уязвима. Эта дата также совпала в целом с процессом быстрого ослабления лидерских возможностей США, хотя это стало ясным уже после 2008 г.

Тем не менее о неизбежном закате американского могущества стали говорить еще в 1970-х гг., когда страна столкнулась сразу с политическим, экономическим и валютным кризисами. В эти и последующие годы также нередко прогнозировалось, что Япония сменит США в роли экономического лидера. Но новый всплеск технологической волны в Соединенных Штатах в 1990-е гг., проходивший на фоне экономической стагнации Японии, показал ошибочность таких взглядов.

Лидерство Соединенных Штатов оказалось не только достаточно прочным, но и поднялось на новый уровень в результате распада коммунистического блока и СССР.

Однако именно с 1990-х гг. количество прогнозов относительно неизбежного ослабления американской гегемонии и одновременно грядущего выхода Азии на лидирующие позиции стало увеличиваться [см., например: Arrighi 1994; Тодд 2004; Валлерстайн 2001; Капхен 2004; Мир… 2009; см. также: Гринин 2009]. Сначала такие прогнозы воспринимались скептически. Однако по мере нарастания негативных явлений в Америке и успехов азиатских стран идея о закате США становилась все более обоснованной, вызывая в зависимости от предпочтений торжество или тревогу. С 2008 г. (еще до начала глобального кризиса) появляется все больше статей, в той или иной мере утверждавших мысль о том, что американское могущество под угрозой, оно сокращается, что США перестают быть абсолютным гегемоном, а однополярный мир трансформируется [см., например: Милн 2008; Закария 2009]. Многие из статей носили весьма выразительные заголовки, например: «Иллюзорность американского могущества» [Гринуэй 2008], «Величие Америки рухнуло и раскололось на куски» [Грей 2008]; «“Американский век” на закате» [Reid 2008]. Такого рода исследования постоянно появлялись и появляются [см., например: Бреммер 2015; Клэр 2015; Уитни 2015], хотя некоторая стабилизация американской экономики и активизация внешней политики поддерживает надежды тех, кто верит, что американский век будет длиться долго. Также многие надеются на некое технологическое или иное чудо, которое возродит американскую мощь, либо на способность США сдержать соперников.

Тем не менее нет сомнения, что гегемонии США, которая длилась более шестидесяти лет, приходит конец. Рано или поздно Соединенные Штаты Америки не смогут более быть лидером Мир-Системы в привычном для нас смысле, в результате чего геополитический ландшафт мира серьезно изменится [см. подробнее: Гринин 2009; 2014; Grinin 2012]. Роль США и Запада сократится, а развивающихся стран (особенно крупных) – возрастет.

В то же время надежды некоторых политологов и экономистов на скорый и обвальный крах США беспочвенны: такое сокращение, скорее всего, будет происходить постепенно, по мере того как объективные обстоятельства, включая рост периферийных стран, будут этому способствовать. Кроме того, надо учитывать, что мир в целом пока еще заинтересован в сохранении американского лидерства [см., например: Барбер 2014].

Глобализация меняет расклад сил

В начале 2000-х гг. представления о новом мировом порядке при западной гегемонии вошли в противоречие с реальными процессами. Что же произошло? Во-первых, ослабели экономический рост и роль западных стран, во-вторых, возросла роль остального мира (развивающихся стран).

Сокращение могущества США и Запада, если рассматривать ситуацию в ретроспективе, было неизбежным. Кризис 2008–2013 гг. только обнажил то, что фактически уже имело место и в чем заключается логика истории, которую, правда, до конца еще не все поняли. А именно: развитие глобализации с некоторого момента оказалось несовместимым с устоявшейся моделью американской и западной гегемонии [см.: Гринин 2013]. Таким образом, именно глобализация, ко-

торую американцы активно навязывали, которую клеймят антиглобалисты всех стран, в которой видят источник трудностей развивающихся государств, и сделала данную тенденцию ослабления богатых стран и усиления бедных неизбежной [Гринин 2013].

Открытость экономических границ создает ситуацию, когда в мировой экономике фактически начинает действовать закон сообщающихся сосудов. Капитал и производственные мощности развитых стран с целью удешевления производства и сокращения расходов перемещаются в развивающиеся страны, где имеются сотни миллионов молодых людей, ищущих работу. Вместе с этим и мотор мирового экономического роста перемещается из центра на периферию. В итоге роль развивающихся стран в мировой экономике (особенно в создании ее прироста) увеличивается, разница в уровнях развития уменьшается, хотя пока еще остается очень большой.

Таким образом, к настоящему моменту глобализация в целом оказалась более полезной развивающимся странам, вопреки утверждениям о том, что она лишь увеличивает их отставание от развитых. И пока не наблюдается причин, по которым тенденция к более быстрому росту периферийных стран должна исчезнуть.

Помимо объективных причин, связанных с глобализацией, было, конечно, немало причин, связанных с неверной политикой США и Запада. Повторим, со времени окончания Второй мировой войны установилась уникальная ситуация, когда одна страна – Соединенные Штаты – стала мировым лидером во многих отношениях: политическом, военном, валютно-финансовом, экономическом, технологическом, инновационном. Поскольку длительное время данное лидерство укреплялось соперничеством с мировым коммунизмом, это стимулировало мощную энергию в самих Штатах. С момента распада СССР США стали абсолютным гегемоном. Причем, как ни парадоксально, именно получение статуса абсолютного гегемона способствовало началу заката их могущества. С одной стороны, это ослабило готовность страны и населения к жертвам (которые Америка несла ранее в рамках холодной войны), с другой – на фоне кажущегося всемогущества американские лидеры допустили много ошибок. Даже к своим союзникам они стали относиться как к вассалам. В различных акциях они растратили запас прочности, что пошатнуло их могущество, накопили непомерные долги, стали детонатором мирового кризиса, последствия которого до конца еще не ясны. А за эти двадцать с небольшим лет, с 1991 г., на фоне ослабления Европы и продолжающейся стагнации Японии выросли экономические гиганты в Азии (Китай и Индия), а также появилась целая когорта быстро развивающихся стран (от Мексики до Малайзии и Эфиопии), которые продолжают расти (хотя и не без трудностей) и займут лидирующие позиции в мире в не столь отдаленном будущем.

Неадекватность принципов и подходов внешней политики США как отражение ослабления их лидерских возможностей

Как уже было сказано, определенную преемственность в подходах к внешней политике и по отношению к союзникам и противникам США, без всякого сомнения, найти нетрудно. Однако создается впечатление, что в последние годы, особенно при Б. Обаме, происходят определенные негативные процессы во внешней политике США, которые делают ее более непредсказуемой и разрушительной для мира, чем раньше. Соединенные Штаты оказались в центре иррациональных войн

и кризисов. И это при том что при вступлении в должность Обамы в 2008 г. декларировались смягчение и даже смена внешнеполитического курса. Понять смысл и цели этой политики часто довольно затруднительно. С одной стороны, многие ругают Обаму за непоследовательность. Его есть за что ругать. Но все же мне представляется, что дело не только в Обаме и его команде. За всем этим чувствуется кризис не только внешней политики США, но и кризис Соединенных Штатов как сверхдержавы.

Объективно США при Обаме, с одной стороны, столкнулись с тем, что сил и возможностей стало существенно меньше, а соперники окрепли. Поэтому Обама на первых порах пытался сократить американское присутствие в Ираке и других местах. По этой же причине он пытался маневрировать, перебрасывая силы из одного региона в другой (его доктрина – от Ближнего Востока к АТР). Однако оказалось, что крайне трудно просто уйти откуда-то, где уже прочно увязли, при этом уход воспринимается как слабость. Кроме того, внутриполитические соперники в самих США начинают обвинять администрацию в слабости, мягкотелости и т. п., а значит, внутриполитические позиции ослабевают, что недопустимо. Все это мешает проводить взвешенную политику за рубежом.

Вышеназванные противоречия, которые к тому же резко обнажились перед всем миром, в определенной мере (но не полностью) объясняют противоречия и сумбурность в самом внешнеполитическом курсе США. Многие конкретные шаги в нем не до конца понятны, так как логика в них явно хромает. В частности, нелогичны были переговоры с Ираном и заключение с ним договора, как была нелогична поддержка революций «арабской весны» [см. подробнее: Гринин 2012; Гринин и др. 2015].

Мы говорили выше, что узкий прагматизм в политике США начинает превалировать в ущерб общей стратегии, то есть ради конкретной цели могут использоваться средства и силы, с которыми потом придется очень долго бороться. Политика США, образно говоря, заключается в том, чтобы ради непосредственной конкретной задачи выпустить джинна из бутылки, не беспокоясь, что в итоге этот джинн окажется неконтролируемым. Так, Соединенные Штаты, по мнению некоторых обозревателей, хотят использовать снятие санкций с Ирана, чтобы окончательно обвалить нефтяные цены, создать российскому газу в Европе сильную конкуренцию и этим ослабить экономику и бюджет России [Уитни 2015]. Но что это может привести к неприятностям для самих США, администрация президента, кажется, не хочет видеть. А между тем более вероятен союз Ирана с РФ, что создаст для США и их союзников очень сложную ситуацию (я не говорю уже об охлаждении отношений США из-за Ирана с союзниками – Израилем и странами Залива, а также Турцией и Египтом). Иногда американская политика похожа на то, как тушат пожар керосином. Так произошло с образованием ИГИЛ в результате усилий Штатов во что бы то ни стало свергнуть Башара Асада, взращивая оппозицию в Сирии.

Иногда (глядя на результаты действий Соединенных Штатов в Ираке, Ливии, Йемене, Косово, Афганистане, Украине, Сирии и других местах) можно предположить, что на самом деле США не заинтересованы в установлении в результате своего вмешательства какого-то порядка, что хаос их больше устраивает, что они надеются на управление этим хаосом. Возможно, в отдельных случаях такая циничная стратегия избирается реально (так, похоже, было при развале Югославии).

Однако в других случаях это, очевидно, происходит ненамеренно, в результате, во-первых, указанного сверхпрагматизма, когда за деревьями не видится лес, когда решение конкретной задачи противоречит общей стратегии страны; во-вторых, вследствие непрофессионализма дипломатической службы (см. ниже). Фактически непрофессионалы не понимают, чем грозят те или иные их действия. Наконец, в результате безнаказанности. Никто не ответил за варварства, тем более никого не привлекли к международному суду за содеянные преступления.

Так или иначе, внешняя политика США выглядит достаточно противоречивой, их взаимодействие даже с союзниками – весьма эгоистичным. Они пытаются не брать на себя каких-либо постоянных обязательств и действовать в силу сиюминутных побуждений, в то же время полагая, что все страны будут с радостью сотрудничать с ними в любой сфере и в любой момент, когда США того пожелают.

В этой противоречивости, однако, понятно, что Соединенные Штаты пытаются ослабить любой режим, который полностью ими не контролируется, а также стремятся достичь своей цели любой ценой, даже возможным ослаблением отношений с союзниками. Все это выглядит весьма самонадеянно и близоруко, свидетельствуя, с одной стороны, о падении профессионализма в области внешней политики, а с другой – о том, что элита США не в состоянии выйти из иллюзии своего сверхмогущества. А в целом ведет только к усилению хаоса и появлению сил, которые никто не сможет контролировать. В итоге США могут растратить свое могущество гораздо быстрее, чем в случае взвешенной и реалистичной политики (см. об этом в отношении украинского кризиса мнение П. Коэна [Смит 2015]).

В свое время мы указывали, что борьба мирового сообщества с растущим эгоизмом США, не желающих признавать общие интересы, будет составлять главную интригу современного глобального противоречия [Гринин 2005: 17]. Последние годы, особенно в связи с «арабской весной» и украинскими событиями, все заметнее это подтверждают.

Подобная политика ведет к усилению противодействия США, расколу мира и созданию новых коалиций [как мы и предсказывали, см., например: Он же 2009; 2012; 2013]. «В данный момент переоценка США своих сил не только дает возможность подняться другим державам, она вынуждает их буквально создавать полномасштабную империю» [Томас 2015]. В свою очередь Америка также стремится к новым коалициям в глобальном масштабе (см. об этом ниже).

Одна из главных причин текущего кризиса Соединенных Штатов как сверхдержавы – это их внутренние проблемы. Можно согласиться, что сегодня проблема заключается в том, что политическая система США, похоже, утрачивает способность корректировать собственные изъяны [Закария 2009], а главная угроза исходит от неполадок в ней.

Падение профессионализма в дипломатии также можно рассматривать как один из показателей кризиса в лидерстве США. Бывший дипломат и человек, служивший в военном ведомстве, Час Фримэн рассуждает о проблемах внешней политики и дипломатии США, показывает исторические причины этих проблем и слабостей [Фримэн 2015]. Основные идеи его статьи состоят в том, что Соединенные Штаты сегодня не понимают дипломатии и не знают, как ею заниматься. Соответствующие гражданские политические руководители – это почти всегда неопытные любители, попадающие во власть благодаря системе распределения

государственных должностей за услуги. При этом система в последнее время (то есть при Обаме) захватывает даже кадры дипломатов низшего звена, что окончательно подрывает профессионализм. Все чаще дипломатами назначают американских военных, что приводит к дальнейшей милитаризации иностранных дел США. Фримэн считает, что со времени распада СССР внешняя политика США стала основываться почти исключительно на экономических санкциях, превращающихся в самоцель, военном устрашении и применении силы.

От однополярного мира к мировому беспорядку?

Современный кризис продемонстрировал, насколько затруднительно поддерживать однополярный порядок даже сверхдержаве. Невозможно все время уверять, что интересы США – это интересы мира, вмешиваясь во все. Неудивительно, что даже претензии на это становятся непосильными, а реакция на недостаток сил все более нервной. В итоге однополярный отрезок времени приближается сегодня к своему бесславному концу. Однако на смену ему пока не наступил никакой внятный новый мировой порядок. И это неудивительно. С одной стороны, США слабеют, а на смену им не приходит равноценный лидер. Причем возрастает число сторонников сокращения присутствия США в мире в самих Соединенных Штатах [см.: Бреммер 2015]. С другой стороны, в Соединенных Штатах попрежнему влиятельны силы, которые не готовы хоть как-то умалить позиции своего государства в мире. При этом неуклюжие действия гегемонистов вызывают сопротивление во многих странах мира. Таким образом, имеется много поводов предположить дальнейшую неразбериху по мере продвижения к новому миропорядку, каким бы он ни был [Там же].

Как бы ни было названо то, что движется на смену, ясно, что это пока, по выражению публицистов, больше напоминает беспорядок. Неудивительно, что усиливается тоска по системе международных отношений, основанной на определенных правилах, и призыв к ее возрождению [Милн 2008]. Беспорядок усиливают действия многих, если не всех, мировых игроков. Но в последние годы особенно заметный беспорядок вызывают действия США. При этом создается впечатление, что Соединенные Штаты для этого довольно глупо сняли прикрытие (завесу) со своих тайных способов воздействия и, образно говоря, палят изо всех орудий, так что даже невеждам становятся понятны те пружины, которые ими используются. Говорят, «деньги любят тишину». Точно так же дипломатия любит тайну. А Обама раскрыл все тайны, причем без всякой нужды. Вероятно, это также связано и с падением профессионализма американской дипломатии, о котором мы говорили выше.

Необходимость нового порядка и его проблемы

Итак, все больше аналитиков приходят к мысли, что хотя новых сверхдержав на горизонте и не видно, однополярный мир прекратил свое существование, лидерство США будет ослабевать, а с этим должен меняться и мировой порядок. «Необходимо признаться в том, что американское могущество ограничено, а глобальное доминирование – невозможная фантазия», – справедливо утверждает, например, Майкл Клэр. И далее он вполне прагматично предлагает вариант развития. По его мнению, следует принять очевидную реальность: Америка делит планету с другими крупными державами: ни одна из них не равна США по силе,

но и не слаба настолько, чтобы ее можно было запугать угрозой американского военного вмешательства. Выбрав более реалистичную оценку американских возможностей, Вашингтон должен сосредоточиться на том, как ему сосуществовать с такими державами, как Россия, Иран и Китай, улаживать разногласия с ними, не воспламеняя катастрофические региональные бури [см.: Клэр 2015]. Похожие советы дают и другие аналитики. У США есть возможность формировать меняющийся глобальный ландшафт и занять в нем видное место, но для этого они сначала должны осознать, что постамериканский мир стал реальностью, и не только принять, но и приветствовать этот факт [Закария 2009]. «Вашингтону нужно принять неизбежность упадка империи» [Уитни 2015].

Ситуация весьма сложная. С одной стороны, на смену США не может прийти новый гегемон, который бы обладал столь большим набором лидерских преимуществ, каким сегодня обладают Соединенные Штаты [подробнее об этом см.: Гринин 2009; 2012; Grinin 2012]. С другой стороны, США, несмотря на ослабление, еще долго будут владеть рядом преимуществ [см., например: Бреммер 2015]. Однако ослабление лидерских возможностей Соединенных Штатов неизбежно и будет проявляться все заметнее. В этой ситуации попытки постоянно диктовать всем остальным, что делать, считать, что у них есть право нарушать суверенитеты и права других, – значит неизбежно создавать постоянную напряженность и конфликтность. Мир в определенной мере заинтересован в мягком лидерстве США, но никак не в диктаторе, задача которого любыми методами подорвать мощь соперников. Таким образом, сегодня все отчетливее просматриваются тенденции к тому, что новый мировой порядок будет иным – миром без гегемона, хотя и будет включать в себя те или иные центры силы и влияния. При этом США могут претендовать только на звание «первого среди равных», а не на звание сверхдержавы и гегемона. Для перехода к такому состоянию требуется находить и формировать принципы и условия, создавать прецеденты и нужные комбинации. Естественно, поиск нового основания для мирового порядка не может не быть достаточно долгим и трудным. И как всегда, путь к новому мировому порядку связан с временным усилением турбулентности и конфликтности, нестабильности, борьбы различных версий нового порядка.

Движение к новому состоянию требует мудрости и компромиссов, прежде всего от США, но и от всех остальных стран. Пока же, к сожалению, мудрости не видно. Напротив. Попытки американцев во что бы то ни стало удержать лидерство все чаще приводят к трудностям и кризисам, причем даже там, где этого вполне можно было бы избежать. Сегодняшние США все заметнее стремятся переложить расходы по поддержанию своего бремени гегемона на других, то есть использовать ресурсы разных стран для того, чтобы решить свои задачи, привлечь ресурсы одних стран, чтобы ослабить другие. Сегодня они делают ставку на создание нескольких глобальных объединений (с Европой в Атлантике, в АТР и в плане торговли услугами), надеясь доминировать в них и использовать ресурсы входящих в них государств себе на пользу[5]. Такие объединения можно было бы приветствовать, если бы не изначальное стремление США выжать соки из партнеров. Но мы вернемся к этому во второй статье.

[5] Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство между США и Евросоюзом (TTIP); Транс-Тихоокеанское партнерство (TPP); договор по торговле услугами (Trade in Services Agreement, TISA). Последнее ведется в обстановке секретности.

США не случайно все чаще сравнивают с поздней Римской империей, пророча им ту же судьбу [см., например: Тодд 2004; Шишков 2014]. Сходств действительно немало. Ведь неограниченная власть неизбежно допускает злоупотребления. И результатом становится цепь ошибок, несправедливостей, преступлений, нарушений международного права. Еще Геродот сделал блестящее заключение о том, что в истории наций наблюдаются три стадии: успех, последствия успеха – высокомерие и несправедливость, а затем уже, как их следствие, падение. Так что, возможно, Дж. Уайт прав, когда пишет: Вашингтон скоро узнает, что постоянна в мире только одна вещь – это то, что мир непостоянен, особенно имперская мощь, основанная на лицемерии и несправедливости [Wight 2015].

Литература

Барбер Л. Генри Киссинджер: «США должны сохранить лидерство, чтобы сохранить мировой порядок» (“The Financial Times”, Великобритания) // ИноСМИ: [сайт]. 2014. URL: http://inosmi.ru/world/20140909/222867679.html.

Бреммер И. Чего мы ждем от США? // ИноСМИ: [сайт]. 2015. URL: http://inosmi.ru/world/ 20150616/228614822.html.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

Грей Д. Величие Америки рухнуло и раскололось на куски // ИноСМИ: [сайт]. 2008. URL: http://inosmi.ru/world/20081001/244365.html.

Гринин Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. 2005. № 1. С. 6–31.

Гринин Л. Е. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? // Век глобализации. 2009. № 2. С. 117–140.

Гринин Л. Е. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего) // История и современность. 2012. № 2. С. 3–27.

Гринин Л. Е. Глобализация тасует карты (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс мира) // Век глобализации. 2013. № 2. С. 63–78.

Гринин Л. Е. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире // Куда движется век глобализации? / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014. С. 378–394.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Исаев Л. М. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М. : Московская ред. изд-ва «Учитель», 2015 (в печати).

Гринуэй Х. Д. С. Иллюзорность американского могущества (“The Boston Globe”, США) // ИноСМИ: [сайт]. 2008. URL: http://inosmi.ru/world/20081022/244810.html.

Закария Ф. Постамериканский мир будущего. М. : Европа, 2009.

Капхен Ч. Закат Америки. Уже скоро. М. : АСТ; Люкс, 2004.

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М. : Ладомир, 2002.

Клэр М. Галлюцинации в Вашингтоне. Отчаянное положение угасающей сверхдержавы // ПолиСМИ: [сайт]. 2015. URL: http://polismi.ru/politika/obratnaya-storona-zemli/ 1149-gallyutsinatsii-v-vashingtone.html.

Ларисон Д. Четверть века интервенций (“The American Conservative”, США) // ИноСМИ: [сайт]. 2015. URL: http://inosmi.ru/world/20150528/228266813.html.

Милн С. Грузия – могила однополярного мира Америки. Вызывающее поведение России на Кавказе покончило с миропорядком Буша-старшего – вполне своевременно (“The Guardian”, Великобритания) // ИноСМИ: [сайт]. 2008. URL: http://inosmi.ru/world/ 20080828/243620.html.

Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М. : Европа, 2009.

Смит П. Архитекторы политики США в отношении России и Украины разрушают национальную безопасность Америки. Ч. 1 (“Salon”, США) // ИноСМИ: [сайт]. 2015. URL: http://inosmi.ru/world/20150504/227843684.html.

Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М. : Международные отношения, 2004.

Томас Д. Следующая Империя // ПолиСМИ: [сайт]. 2015. URL: http://polismi.ru/politika/ kontury-novogo-mira/1032-sleduyushchaya-imperiya.html.

Уитни М. Еще один идиотский план навредить России. Америка формирует стартовую площадку // ПолиСМИ: [сайт]. 2015. URL: http://polismi.ru/politika/bolshoj-blizhnij-vostok/1110-eshchjo-odin-idiotskij-plan-navredit-rossii.html.

Фримэн Ч. Кризис американской дипломатии (“The American Conservative”, США) // ГеоПолитика: [сайт]. 2015. URL: http://geo-politica.info/krizis-amerikanskoy-diplomatii-the-american-conservative-ssha.html.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2. С. 35–47.

Шишков В. В. Становление и развитие гегемонии США: имперское доминирование и глобализация в XX в. // Век глобализации. 2014. № 1. С. 133–146.

Attali J. Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order. New York, NY : Times Books, 1991.

Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. London : Verso, 1994.

Grinin L. E. Macrohistory and Globalization. Volgograd : Uchitel, 2012.

Grinin L., Korotayev A. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. N. p. : Springer International Publishing, 2015.

Reid T. National Intelligence Council Report: Sun Setting on The American Century. Common Dreams. 2008. URL: http://www.commondreams.org/news/2008/11/21/national-intelligence-council-report-sun-setting-american-century.

Wight J. American Empire Imploding both at Home & Abroad // RT. 2015. URL: http://rt.com/op-edge/266824-america-empire-decline-washington.

НЕЛИНЕЙНОЕ БУДУЩЕЕ: СИНГУЛЯРНОСТЬ XXI ВЕКА КАК ЭЛЕМЕНТ МЕГАИСТОРИИ

Назаретян А. П. [*]

Независимые расчеты, проведенные исследователями разных стран и разных специальностей, выявили логарифмический закон ускорения, который охватывает фазовые переходы в истории биосферы и антропосферы на протяжении 4 млрд лет. Экстраполяция математической гиперболы демонстрирует перспективу беспрецедентной глобальной полифуркации около середины XXI в. В статье рассматриваются варианты развития событий за пределами большой эволюционной Сингулярности в контексте Мегаистории и синергетики. Такой подход обеспечивает универсальные основания полученного математического вывода и, кроме того, помогает привлечь новейшие данные психологии и культурной антропологии для прорисовки аттракторов и сценариев. Судьба земной и, вероятно, любой иной планетарной цивилизации может решающим образом зависеть от того, успеет ли носитель разума усовершенствовать качество внутренней регуляции, соответствующее потенциально беспредельному развитию технологической мощи.

Ключевые слова: *Мегаистория, синергетика, универсальная эволюция, стрелы времени, векторы, ускорение, фазовый переход, техно-гуманитарный баланс, XXI век, сингулярность, аттракторы, сценарии, религия, идеология.*

The independent calculations conducted by the researchers of different countries and different specialties revealed the logarithmic law of acceleration which covers phase transitions in the history of biosphere and anthroposphere over the period of four billion years. Extrapolation of a mathematical hyperbole shows the prospect of unprecedented global polyfurcation in about the middle of the 21st century. Different scenarios outside the big evolutionary Singularity in the context of Megahistory and synergetics are considered in the present paper. Such an approach provides the universal bases of the obtained mathematical conclusion and, besides, helps to attract the latest data of psychology and cultural anthropology for the identification of attractors and scenarios. The destiny of the terrestrial and probably any other planetary civilization can depend decisively on the fact, whether the carrier of mind will manage to improve the quality of internal regulation corresponding to potentially boundless development of technological power.

Keywords: *Megahistory, synergetics, universal evolution, arrows of time, vectors, acceleration, phase transition, techno-humanitarian balance, the 21st century, singularity, attractors, scenarios, religion, ideology.*

[*] Назаретян Акоп Погосович – д. ф. н., к. псх. н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН, главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории». E-mail: anazaret@yandex.ru.

Математический термин *сингулярность* – точка, в которой значение функции обращается в бесконечность, – в контексте глобального прогнозирования впервые использовал Дж. фон Нейман. В 1958 г. он заметил в беседе со своим другом и коллегой С. Уламом: «Постоянно ускоряющийся прогресс в технологии и в жизни… наводит на мысль о приближающейся фундаментальной сингулярности в истории нашего вида, за которой знакомый нам человеческий мир не может продолжаться» [цит. по: Singularity... 2012: 4]. К этому образу обращались и советские историки, хотя трактовали его по-разному [Поршнев 1966; Дьяконов 1994].

Открытия последних лет вызвали растущий интерес ученых и философов к этой математической экстраполяции, касающейся близкого будущего. В 2008 г. при НАСА открыт Университет Сингулярности, аналоги которого образуются и за пределами США. Далее мы покажем, что категория Сингулярности получает универсальное основание в соотношении с Мегаисторией и синергетикой (теорией сложности), которые помогают проследить паллиативы планетарного развития в XXI в.

Конструкты всемирной, глобальной и Универсальной (Мега-) истории

В мировоззрении европейцев XIX–XX вв. конкурировали три версии истории. Евроцентрическая, линейная (позже обогащенная диалектической спиралью) и, по сути, телеологическая картина последовательного прогресса «от худшего к лучшему», направленного к идеальному состоянию общества, противостояла традиционному представлению (невольно подкрепленному термодинамикой) о нисхождении от божественного истока к безбожному хаосу. Третья модель вовсе отвергала «человеческую историю» как единый процесс, усматривая в прошлом исключительно циклы рождения, роста, процветания и краха региональных «цивилизаций», лишенные причинных зависимостей и глобально значимых событий.

Между тем в археологии, антропологии и других дисциплинах накапливались факты, позволившие выделить не менее семи переломных вех в общечеловеческой истории и предыстории (таких как неолитическая революция, осевой переворот и т. д.), а также отчетливую преемственность в развитии, несмотря на многочисленные циклы, завершавшиеся региональными катастрофами. Более того, преобладающие векторы социального развития оказались продолжением тех мегатенденций, которые прослеживаются в эволюции биосферы и далее – в космофизической эволюции Метагалактики.

Так сформировались предметы *всемирной*, *глобальной* и *Универсальной* (*Большой* или *Мега-*) истории, которые в совокупности составляют интегральную картину прошлого – настолько, насколько оно сегодня доступно ретроспекции [Мазур, Чумаков 2003]. Далее в статье тезисно представлены положения, которые подробнее и с пунктуальными библиографическими ссылками развернуты в книге [Назаретян 2015].

Парадигма всемирной истории сформировалась в конце XVIII в., вместе с национальными историями под влиянием идей гуманизма и прогресса. Она основана на эволюционной методологии и в нынешней версии охватывает все социальные и культурные события от палеолита до современности.

Концепция глобальной истории – продукт первой половины XX в., когда были доказаны преемственность, а также обоюдное влияние геологических, биотических и социальных процессов. В ее рамках изучается последовательное рождение и преобразование планетарных сфер по мере того, как сначала биота, а затем культура становились ведущими факторами эволюции. Провозвестники глобальной истории – П. Тейяр де Шарден и В. И. Вернадский, – как подавляющее большинство их современников, были убеждены в том, что область эволюции ограничена Солнечной системой, тогда как Вселенная бесконечна в пространстве и времени, стационарна и потому внеисторична. Эволюционный процесс на Земле – всего лишь локальная флуктуация, обреченная на то, чтобы раствориться, подобно океанической волне, во вселенной, которая не менялась и «не будет меняться с течением времени» [Вернадский 1978: 136].

Но по мере того, как космология отказывалась от стационарных представлений, интегральная картина эволюции распространилась до масштаба Метагалактики (или Вселенной с большой буквы). Окончательная кристаллизация предмета Мегаистории связана с еще одним фундаментальным обстоятельством: обнаружились сквозные векторы последовательных трансформаций в космической Вселенной, биосфере, социальной организации, материальной, гуманитарной культуре и психике. При этом, хотя прямых противоречий с физическими законами необратимости (время как рост энтропии) обнаружить не удается, направленность векторов явно расходится с парадигмой классического естествознания.

А именно: Метагалактика последовательно эволюционировала от более вероятных однородных состояний («естественных», с «энтропийной» точки зрения) к менее вероятным («неестественным»), так что истории биосферы и антропосферы суть локализованные фазы единого универсального процесса. Мегатенденция возрастающей сложности столь очевидно контрастирует с ожиданиями, вытекающими из естественно-научной картины мира, и вместе с тем столь надежно подкрепляется эмпирическими данными естественных и гуманитарных наук, что астрофизики вынуждены различать термодинамическую и космологическую стрелы времени и обсуждать причинную связь между ними [Chaisson 2006] (см. рис. 1).

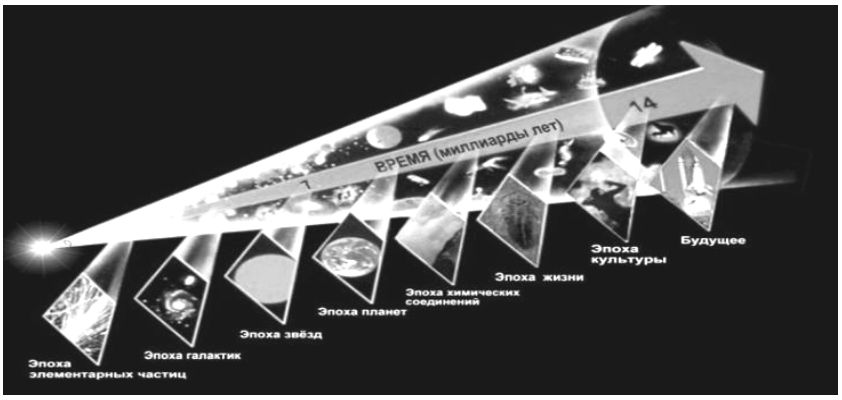


Рис. 1. Эпохи космической эволюции
(приводится с любезного согласия автора – Э. Чейсона).
См.: http://www.eskesthai.com/2010/07/cosmic-evolution-and-powers-of-ten.html

В специальной литературе встречаются различные подходы к объяснению такой удивительной направленности универсальной эволюции, вплоть до откровенно телеологических и даже теологических. Основу для междисциплинарной модели, свободной от потусторонних и/или целевых допущений, составляют современные теории самоорганизации[1]. В их рамках совершенствование антиэнтропийных механизмов рассматривается не как цель, а как средство сохранения неравновесных систем (природы и общества) в условиях снизившейся устойчивости. Отсюда, например, «человеческая история есть единая самовоспроизводящаяся система, существующая на протяжении около миллиона лет» [Christian 1991: 238] и вынужденная эволюционировать для регулярного восстановления устойчивости.

С тех пор как *Homo habilis* Олдовайского ущелья начали регулярно производить искусственные орудия, формировалась надприродная реальность, под которую со временем подстраивался внешний мир. О том, что, несмотря на бесчисленные дивергенции, миграции и изоляции, культура оставалась единым образованием, свидетельствует идентичность первых стандартизированных артефактов – ручное рубило – на территориях Африки и Китая. Взрывообразный же рост локальных различий, начавшийся в среднем палеолите, стал типичным для эволюционирующей системы проявлением внутренней диверсификации.

Масштабный обзор делает очевидной преемственность глобальных изменений, их векторность, а также сопряженность эволюционных векторов. Удалось выделить 6 тесно переплетенных векторов, прослеживаемых на протяжении 2 млн лет с последовательным ускорением: *рост населения, технологической мощи, организационной сложности и информационной емкости интеллекта, совершенствование механизмов культурной регуляции и увеличение удельного веса виртуальной реальности*.

Первые три вектора представляют собой «эмпирические обобщения» и легко подкрепляются числовыми выкладками. Следующие три выведены при помощи специальных методов и аргументов. Но все они укладываются в интегральную гротескную формулу «удаление от естества», то есть единая социоприродная система последовательно удалялась от «естественного» («дикого») состояния, приобретая все более выраженные антропоморфные качества. Возрастала степень орудийного (в том числе знакового) опосредования в социоприродных и внутрисоциальных отношениях, а также в индивидуальном психическом отражении. Так ядро глобальных причинно-следственных зависимостей сдвигалось в сторону ментальных процессов, особенно после того, как неолитические агроценозы обозначили решающий перелом в становлении антропосферы (или Ноосферы).

Лидерство в многотысячелетнем марафоне многократно переходило от одного региона или континента к другому, включая Австралию: 40–60 тысяч лет назад предки нынешних аборигенов создали первые наскальные рисунки, каменные орудия с полированной рукояткой, первые средства для передвижения по воде и т. д. Европа и затем Северная Америка выдвинулись на передовые рубежи эволюции в последние века.

Анализ антропогенных, особенно глобальных, кризисов обнаружил парадоксальный факт. Вопреки лозунгам некоторых современных экологов («Назад

[1] Их эквиваленты в Германии и России обозначаются как *синергетика*, в Бельгии и Франции – как *нелинейная неравновесная термодинамика* или *теория диссипативных структур*, в США – как *теория динамического хаоса*. В последнее время появился также обобщающий термин *теория сложности*.

к природе!» и проч.), обострения в социоприродных отношениях радикально преодолевались не приближением общества к природе, а напротив – очередным витком «денатурализации» общества вместе с его естественной средой. В этом легко убедиться, сопоставив присваивающее хозяйство охотников-собирателей с производящим хозяйством неолита или информационное общество с индустриальным. Каждый скачок предварялся системным кризисом прежних форм деятельности и сопровождался преобразованиями по всем сопряженным параметрам. В результате экологическая ниша человека расширялась и углублялась, население росло вместе с мощью технологий, потребностями и амбициями и… продолжался путь к следующему кризису [Global… 2014: 17–19].

Модель техно-гуманитарного баланса

Выдающийся философ и социолог Н. Элиас, еврей, потерявший родных в холокосте, интернированный в Англии как немец, по выходе на свободу работал в лондонских архивах, собирая (под аккомпанемент мировой войны!) доказательства того, что на протяжении веков уровень насильственной смертности в обществе сокращался [Элиас 2001]. В последующем его выводы были подтверждены сравнительными расчетами, проведенными британскими, американскими [Pinker 2011] и российскими учеными. В наших исследованиях [Назаретян и др. 2005] использовался кросс-культурный показатель – *коэффициент кровопролитности (Bloodshed Ratio, BR)*: отношение среднего числа убийств (K) к численности населения (P) в единицу времени (Δt):

$$BR = \frac{K(\Delta t)}{P(\Delta t)}. \quad (1)$$

Число убийств определяется как сумма жертв войн, политических репрессий и бытового насилия. Дополнительная формула позволяет также сравнивать уровни смертоносного насилия по векам. Сопоставительные оценки показывают, что, хотя разрушительный потенциал технологий и демографическая плотность на протяжении тысячелетий возрастали, то есть убивать становилось легче, уровень насильственной смертности нелинейно, но последовательно снижался[2].

Едва ли такая парадоксальная динамика отражает «снижение агрессивности»: напротив, психологический опыт показывает, что у людей, как и у животных, плотность популяции выше естественной экологической нормы сопровождается ростом агрессивности. Более правдоподобное объяснение противоречивого сочетания долгосрочных тенденций представляет модель, построенная на независимых эмпирических данных.

Обобщение исторических, антропологических и психологических сведений, касающихся антропогенных катастроф, позволило выявить системную зависимость

[2] Так, XX в. оказывается вовсе не столь беспримерно кровавым, каким мы привычно его представляем, исходя из евроцентрической позиции. В действительности Европа жила относительно спокойно (по сравнению с другими регионами) в течение 266 лет, между Вестфальским мирным договором (1648) и Первой мировой войной (1914), пока внешний мир оставался огромным резервуаром для сброса агрессии. При глобальном рассмотрении XIX в. не уступает ему даже по абсолютному числу жертв войн, геноцидов и повседневного насилия (например, китайские историки оценивают суммарное число жертв Опиумных войн и Тайпинского восстания от 60 до 100 млн человек [Wang Yumin 1993; Cao Shuji 2001]), а по отношению к количеству населения превосходит его в разы. При сравнении же отдаленных исторических эпох (даже сосуществующих во времени) различие достигает порядков величины [Keeley 1996].

между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурной регуляции и социальной устойчивостью. *Закон техно-гуманитарного баланса гласит, что чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства внутренней регуляции необходимы для сохранения общества.*

То, что мы называем *законом*, выведено из эмпирических наблюдений. Соответствующая *гипотеза* состоит в том, что механизм техно-гуманитарного баланса изначально стимулировал отбор жизнеспособных социальных образований. Для проверки следствий этой гипотезы нами и проводились сравнительные расчеты уровней социального насилия.

Обстоятельства жизни ранних гоминидов сложились так, что только радикальное развитие орудийного интеллекта давало им шанс на выживание. Но, начав производить искусственные орудия, они драматически нарушили *этологический баланс* между естественной вооруженностью животных и инстинктивным ограничением внутривидовых убийств. Убойная мощь чопперов сразу превзошла прочность инстинктивного торможения агрессии (хабилисы разбивали черепа заостренными галечными отщепами), и доля смертоносных конфликтов стала несовместимой с дальнейшим существованием вида. Это могло стать главной причиной того, что «на полосу, разделяющую животное и человека, много раз вступали, но далеко не всегда ее пересекали» [Кликс 1985: 32].

Коль скоро особи с нормальной животной мотивацией были обречены на взаимное истребление, в новых неестественных обстоятельствах селективное преимущество приобрели популяции с преобладанием психастенических и истерических индивидов. Выживание требовало искусственной (отличной от биологических инстинктов) коллективной регуляции, которая была обеспечена патологическими изменениями в психике, аномальной умственной лабильностью, внушаемостью и фобиями. Наиболее разработанная гипотеза связывает ограничение агрессии с первыми признаками анимизма, иррациональным страхом мертвых и посмертной мести. Дополнительным эффектом психологических сдвигов стала забота о калеках: свидетельства таких «биологически несообразных» действий археологи находят уже в нижнем палеолите.

Предположение о том, что у истоков рода *Homo* находится «стадо невротиков», исследовалось неврологами, антропологами и психологами. Здесь важно отметить, что исходные формы протокультуры и протоморали связаны с первым *экзистенциальным кризисом* человеческой предыстории.

С тех пор сверхприродная способность к внутривидовым убийствам составляла стержневую проблему прасоциальной и социальной истории: способы ее решения определяли формы организации, культурные и духовные процессы. Поскольку дальнейшее существование семейства гоминидов (включая вид неоантропов) было лишено естественных гарантий, оно в значительной степени обеспечивалось адекватностью культурных регуляторов технологическому потенциалу. По мере того как мощь орудий и демографическая плотность возрастали, культура совершенствовала средства сублимации агрессии для адаптации к растущим разрушительным возможностям; механизм техно-гуманитарного баланса отсеивал социумы, не сумевшие своевременно совладать с достигнутой мощью технологий.

Предложенная модель помогает объяснить не только парадокс снижавшегося физического насилия при растущем деструктивном потенциале, но также факты неожиданного коллапса процветавших обществ и прорывы человечества в новые исторические эпохи (которые часто выглядят еще более загадочно).

Жизнеспособность социальной системы определяется соотношением *внешней* и *внутренней устойчивости*, которые по-разному зависят от технологического потенциала. Первая (*External Sustainability, Se*) выражает способность социальной системы противостоять спонтанным колебаниям природной и геополитической среды. Вторая (*Internal Sustainability, Si*) – способность избегать разрушительных последствий собственной деятельности. При этом внешняя устойчивость является положительной функцией технологического потенциала *(T)*[3]:

$$S_e = g\,(T). \qquad (2)$$

Связь же между технологическим потенциалом и *внутренней* устойчивостью тоньше и носит скорее отрицательный характер; для ее формального представления необходима еще одна переменная – качество регуляторных механизмов культуры *(R)*. В итоге мы получаем основную формулу техно-гуманитарного баланса:

$$Si = \frac{f_1(R)}{f_2(T)}. \qquad (3)$$

Таким образом, *рост технологического потенциала делает общество менее уязвимым по отношению к спонтанным колебаниям природной и геополитической среды и вместе с тем более уязвимым по отношению к колебанию массовых настроений, импульсивным решениям авторитетных лидеров и т. д. – в том случае, если мощь технологий не компенсирована совершенствованием культурных регуляторов.*

Углубляющийся дисбаланс обычно провоцирует социально-психологические эффекты, которые, в свою очередь, форсируют кризисогенное поведение. Когда новые технологии перестают соответствовать прежним культурным ограничениям, массовые установки и чувства приобретают специфические особенности. Интенсифицируется ощущение всемогущества и вседозволенности, растут потребности и амбиции. Эйфория успеха рождает нетерпеливое ожидание все новых успехов и иррациональную жажду «маленьких победоносных войн» – массовый комплекс катастрофофилии, по выражению голландского политического философа [Sloterdijk 1983]. Процесс покорения и поиск умеренно сопротивляющихся врагов становится самоценным, а из специальных психологических экспериментов [Петренко 2010] известно, что сильные эмоции уплощают картину мира (снижают размерность семантического пространства). Уплощенная картина, в свою очередь, толкает к импульсивным решениям, и числитель в уравнении (3) вместо того, чтобы расти пропорционально знаменателю, снижается. С ним снижается и жизнеспособность («дуракоустойчивость») общества.

Отвлекаясь здесь от дополнительных психологических деталей, отметим только, что дисбаланс чреват разрушительными последствиями в случае как боевых, так и производственных технологий. Например, А. Тойнби [1991] иллюстрировал примерами отрицательную зависимость между «военным и социальным прогрессом» и с удивлением указывал на то, что такая зависимость фиксируется и при увеличении мощи оружия, и при развитии сельскохозяйственных орудий. У. Макнил писал: «Выходит, что <…> каждый раз рост эффективности производства оборачивается новой угрозой обвала» [McNeill 1992: 148].

Многочисленные факты, собранные в историко-географической литературе, свидетельствуют о печальной судьбе обществ, не сумевших предвидеть отсрочен-

[3] Само собой разумеется, что $T > 0$, поскольку при нулевой технологии мы имеем дело уже не с социумом, а со «стадом», где доминируют механизмы зоопсихологии.

ные последствия своей хозяйственной активности [Григорьев 1991; Global... 2002]. При всех особенностях каждого конкретного случая общая схема развития событий достаточно проста: нарастающее вторжение в экосистему → разрушение ландшафта → социальная катастрофа.

Итак, совершенствование культурно-психологических регуляторов на протяжении тысячелетий обусловлено не небесным промыслом и не капризами великих моралистов, а прагматикой жизнеспособности и жестоким отбором. Причудливая динамика параметров внешней и внутренней устойчивости испокон веков служила фактором взаимодополнительного развития двух параметров социального интеллекта: инструментального и гуманитарного – развития, опосредованного драматическими катастрофами. Отсюда вытекает еще одно наблюдение: удельный вес антропогенных кризисов по сравнению с кризисами внешнего происхождения (колебаниями климата, геологическими и космическими катаклизмами, внезапным появлением агрессивных кочевников и т. д.) исторически возрастал. И самое примечательное, что эта тенденция продолжает тенденцию ускорения эволюции, сложившуюся задолго до появления человека.

Гипербола планетарной эволюции и ее «загадочная Сингулярность»

На рис. 1 космологическая стрела времени изображена прямой линией, но в действительности кумулятивные изменения Вселенной происходили неравномерно. Считается, что с первых долей секунды после Большого взрыва (по новейшим оценкам, около 13,85 млрд лет назад) эволюция замедлялась, и постепенно ее скорость свелась к минимуму. Но к тому времени в недрах звезд первого поколения были синтезированы и выброшены в космос взрывами сверхновых ядра тяжелых элементов. Тяжелые элементы, в отличие от легких, нуждаются в энергетической подпитке извне, и с их появлением в космосе включился дополнительный механизм самоорганизации, построенный на конкуренции за свободную энергию. Так около 10 млрд лет назад эволюция продолжилась в сторону органических молекул и живого вещества, а замедление сменилось ускорением [Панов 2005; 2008] (см. рис. 2).

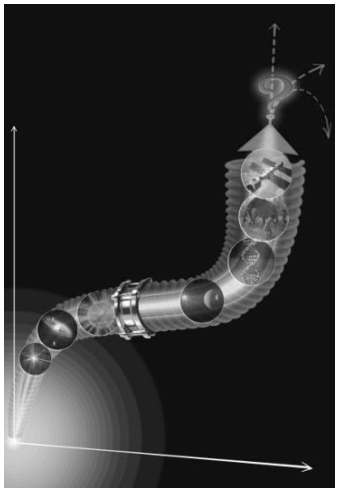


Рис. 2. Два рукава универсальной эволюции
(рис. А. Пинкина из [Назаретян 2015])

Солнечная система образовалась около 4,6 млрд лет назад, а самые первые признаки жизни на Земле насчитывают до 4 млрд лет[4]; таким образом, наша планета стала одной из (вероятно, множества) точек, на которых локализовалась последующая эволюция Метагалактики. Хотя ее ускорение замечено давно, в последнее время обнаружилось новое обстоятельство. Австралийский экономист и историк-глобалист Г. Снукс, российский физик А. Д. Панов и американский математик Р. Курцвейл независимо, по разным источникам и с использованием различного математического аппарата сопоставили временны́е интервалы между глобальными фазовыми переходами в биологической, прасоциальной и социальной эволюции [Snooks 1996; Панов 2005; 2008; Panov 2005; Kurzweill 2005]. Расчеты показывают, что периоды сокращались по строго убывающей прогрессии, то есть ускорение эволюции на Земле следовало логарифмическому закону (см. рис. 3).

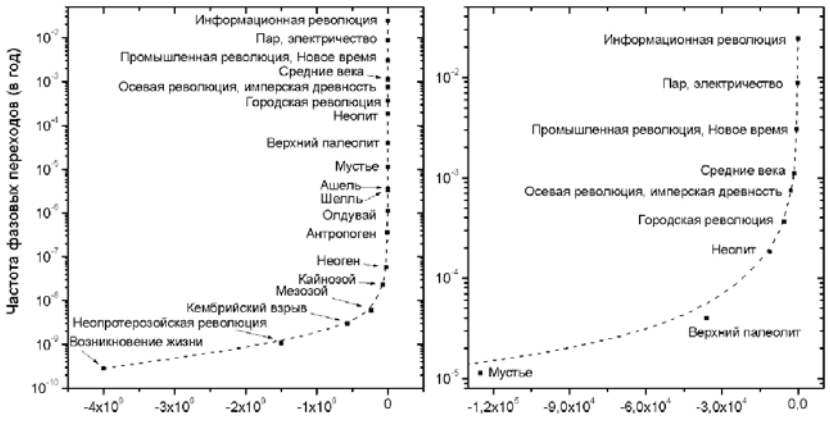


Рис. 3. Масштабная инвариантность распределения биосферных фазовых переходов во времени [по: Панов 2005]

Как все фундаментальные открытия, логарифмическая шкала эволюции заметно контрастирует с интуитивными представлениями. Традиционно исследователи склонялись к тому, чтобы объяснять глобальные катастрофы (типа исчезновения ящеров на границе мезозоя и кайнозоя или гибели мегафауны в начале голоцена) внешними факторами: падением крупных метеоритов, извержением мощных вулканов, климатическими изменениями и т. д. Такие объяснения в каждом конкретном случае весьма уязвимы, но таблица гиперболического ускорения окончательно дискредитирует такой подход.

На протяжении 4 млрд лет дрейфовали континенты, извергались вулканы и радикально изменялся климат; затем в процессы вмешался своенравный *Homo sapiens* с его свободой воли и бесконечными сумасбродствами, и около 10 тысяч лет назад (в неолите) начали формироваться антропоценозы. Тем не менее гло-

[4] Новейшие открытия в палеонтологии, биофизике и космологии подкрепили гипотезу о внеземном происхождении жизни: первые организмы, образовавшись в какой-то точке Галактики, разносились метеоритами и населили все пригодные космические тела за 215 млн лет (галактический год). В частности, их первые признаки на Земле предшествуют появлению океанов [Розанов 2009].

бальные переломы, каждый раз предварявшиеся кризисами и катастрофами, следовали как по расписанию. Это нетривиальное обстоятельство возвращает нас к синергетике, в которой на передний план выдвигается накопление энтропии и совершенствование антиэнтропийных механизмов, обеспечивающих рост сложности.

Анализ переломных эпизодов – или промежуточных сингулярностей – показывает, что в каждом случае события могли развиваться иначе: эволюция биосферы и затем антропосферы могла «зависнуть» (в соответствии с известным из экологии колебательным контуром Лотки – Вольтерра) или глобальная устойчиво неравновесная система могла рухнуть. В синергетических терминах быструю деградацию и упрощение системы в полифуркационной фазе (возвращение к равновесию с внешней средой) иногда называют *простым аттрактором*. Зависание на достигнутом уровне неравновесия (временная стабилизация, не обеспеченная усложнением и чреватая деградацией в долгосрочной перспективе) – *горизонтальным странным аттрактором*. Но мы с вами живем на этой планете, наслаждаясь плодами и переживая трудности постиндустриальной цивилизации благодаря тому, что в каждом переломном пункте эволюция устремлялась к *вертикальному странному аттрактору*, то есть глобальная устойчивость восстанавливалась на более высоком уровне неравновесия и сложности.

Еще одно соображение вытекает из принципа *имплементации* – важного компонента теории систем: все возможные события непременно происходят. Отсюда приходится допустить, что во Вселенной существует множество очагов эволюции, в которых осуществляются все возможные сценарии. Очень немногие из них достигают уровня, сравнимого с тем, какой мы наблюдаем на Земле, тогда как на других планетах реализуются тупиковые варианты развития.

Наконец, экстраполировав линию гиперболического ускорения в будущее, исследователи пришли к единодушному и еще более шокирующему выводу: около середины XXI в. она упирается в точку финальной (Большой) Сингулярности. Кривая заворачивает в вертикаль, то есть скорость эволюционного процесса устремляется к бесконечности, а интервалы между фазовыми переходами – к нулю.

Как же можно интерпретировать загадочный математический вывод? По всей видимости, эволюция на Земле не может продолжаться по тому алгоритму, какой сложился в последние 4 млрд лет, и в XXI в. следует ожидать завершающего фазового перехода, сопоставимого по значению с появлением жизни. Иначе говоря, интрига планетарной эволюции должна так или иначе разрешиться в ближайшие десятилетия!

Самое элементарное предположение состоит в том, что антропосфера приближается к пределу возможной сложности, за которым начнется «нисходящая ветвь» эволюции: антропосфера выродится в дикую биосферу с дальнейшей деградацией к сфере термодинамического равновесия. Таким образом, простой аттрактор – превращение со временем Земли в «нормальное» космическое тело вроде Луны или Марса, свободное от *res cogitans* и живого вещества вообще. В рамках одного аттрактора возможны несколько сценариев, и длительность деградационного процесса зависит от того, какой именно из них осуществится.

Всегда труднее прочертить заранее странные аттракторы и даже доказать, что они в принципе возможны. Горизонтальный вариант можно представить по аналогии с гегелевским «концом истории». Хотя долгосрочную стабилизацию на пике возможной сложности едва ли можно описать в деталях, приходится признать ее компромиссный статус: рано или поздно известные законы природы приведут антропосферу к коллапсу.

Еще труднее вообразить вертикальный аттрактор. В этом контексте обратим внимание на удивительный поворот в мышлении современных космологов. В XX в. только некоторые советские астрофизики (или выходцы из СССР), испытавшие на себе влияние философии русского космизма, осмеливались допустить возможное влияние человечества на процессы и перспективы космического масштаба. Большинство же западных ученых были убеждены в том, что жизнь, общество, культура и разум суть не более чем эпифеномены (побочные эффекты) спонтанно эволюционирующих материальных структур, неспособные к какому-либо обратному влиянию на космические процессы и обреченные временем на бесследное растворение. Лауреат Нобелевской премии С. Вайнберг [1981] выразил общее убеждение, заметив, что только понимание неизбежности конца придает «фарсу» человеческого существования оттенок «высокой трагедии».

Но к началу XXI в. «натуралистические» сценарии в астрофизике стали непопулярными, и в новейших публикациях заметна радикальная смена настроений. Почти общепринятыми стали суждения в том духе, что сознание есть «космологически фундаментальный фактор», последующая эволюция Метагалактики зависит от развития наших знаний, в перспективе – образование «живого космоса» и т. д. Серьезно обсуждается гипотеза о том, что разумный субъект, овладевший физическими процессами в своей вселенной, целенаправленно создает каждый раз новые вселенные с заданными параметрами (делающими возможным последующее образование жизни и разума) посредством детерминированного взрыва черной дыры [см.: Дойч 2001; Дэвис 2011; Каку 2013; Rees 2003; Smolin 2009и др.].

Со своей стороны, исследования по гештальтпсихологии и эвристике показали, что всякие пределы, налагаемые на технические решения известными законами физики, преодолимы путем смены когнитивного контекста: те параметры задачи, которые являются неуправляемыми константами в рамках исходной модели, становятся управляемыми переменными в более комплексной метамодели. Отсюда следует, что масштаб сознательного управления масс-энергетическими процессами потенциально неисчерпаем, а в сочетании с принципом имплементации это обстоятельство приводит к еще одному важному выводу. Если разум, сформировавшийся на Земле, уничтожит себя прежде, чем сделается космически значимым фактором, то эту задачу осуществит иной, «предположительно какой-то внеземной разум» [Дойч 2001: 356].

Еще в начале 1990-х гг., учитывая опыт эволюции творческого разума и его возрастающее влияние на материальные процессы в рамках Земли, автор настоящей статьи высказал предположение, что человечество невольно участвует в универсальном естественном отборе планетарных цивилизаций [Назаретян 1991]. Коль скоро мы допустили, что лишь очень немногие из планетарных очагов эво-

люции достигают уровня, сравнимого с нынешним состоянием земной цивилизации, логично сделать следующее предположение. Только те из технологически продвинутых цивилизаций (возможно, единственная), которые смогут последовательно адаптировать качество саморегуляции к неограниченно растущему инструментальному могуществу, благополучно завершат планетарную – утробную? – стадию развития. Все прочие останутся расходным материалом универсальной эволюции, как и те био- и антропосферы, развитие которых прервалось на более ранних стадиях. Так селективный механизм, описанный в модели техногуманитарного баланса, может сыграть решающую роль и на заключительной стадии планетарной эволюции, отсекая цивилизации, не готовые к переходу в космическую стадию.

Беспределен ли гуманитарный интеллект?

До сих пор мы молчаливо исходили из того, что способность к внутренней регуляции потенциально неограниченна; между тем такое предположение небесспорно для психолога. Может оказаться, что некоторые фундаментальные свойства разума (врожденные гештальты?) сковывают его свободу таким образом, что диапазон интеллектуального самоконтроля несоразмерен диапазону технологической изобретательности. Например, изучение исторических эпизодов оставляет подозрение, что люди нуждаются в образе врага для эффективной групповой консолидации (архетип «они – мы») и стратегическое смыслообразование затруднено при длительном отсутствии конкурирующего агента. Эмоциональная амбивалентность, запрограммированная в лимбической структуре нашего мозга, периодически побуждает к поиску негативных переживаний – страха, злости – и провоцирует на соответствующие действия. Хотя культура испокон веков формировала средства – от ритуалов, искусства, спорта до программ ТВ и компьютерных игр – для замещения и сублимации функциональных мотивов, рано или поздно у людей активизировалась тяга к страстям «не понарошку». Выражаясь гротескно, все выглядит так, как будто природой встроена некая программа саморазрушения, блокирующая космическую перспективу разума, и неясно даже, в какой мере дальнейшая «денатурализация» с развитием симбиозных человеко-машинных конструкций способна преобразовать его архетипическое устройство.

Если эффективные стратегические меры против иррациональных колебаний в настроении невозможны, то остается допустить, что эволюция сложности в любой из планетарных ноосфер имеет предел; в таком случае «молчание космоса» получает самое тривиальное и пессимистическое объяснение. Это бы означало, что, вопреки нашему интуитивному убеждению, в мире образов и эмоций действуют более жесткие законы, чем в мире вещества и энергии. Иначе говоря, носитель разума обладает потенциально большей властью над масс-энергетическими процессами, чем над собственными мотивациями, и то, что принципиально реализуемо с точки зрения физики, исключено имманентными законами психологии и культурной антропологии. Столь неожиданное обстоятельство способно сыграть фатальную роль в судьбе цивилизаций, именно по этой причине жизнь и разум действительно останутся не более чем эпифеноменами, а будущее

Вселенной исчерпывающе описывается натуралистическими сценариями [Глобалистика... 2012: 147–148].

Если же все-таки допустить, что способность разума к саморегуляции в принципе соизмерима с безграничным технологическим развитием, то мы возвращаемся к гипотезе универсального естественного отбора. Тогда ключевой вопрос меняет содержание: успеет ли земной разум усовершенствовать качество самоконтроля в соответствии с ускоряющимся технологическим ростом, прежде чем разрушительные последствия станут необратимыми?

Новейшие биофизические и палеонтологические исследования показывают, что спонтанное образование живой клетки – слишком маловероятное событие, чтобы оно могло происходить независимо на разных планетах: усиливаются аргументы в пользу того, что биота, однажды возникнув, «заражала» все точки в космосе, где могла угнездиться (см. выше сноску 4). По всей видимости, если образование космического разума в принципе не исключено, то такое событие столь же уникально и может произойти лишь единожды на определенной стадии космической эволюции.

Реализует ли земная цивилизация эту уникальную возможность? Более десяти лет назад знаменитый английский астроном М. Рис оценил ее шанс пережить XXI в. (и стать космически релевантной) как 50/50 [Rees 2003]. Это согласуется с нашими тогдашними оценками, однако сегодня они выглядят слишком оптимистичными.

Человечество установило исторический рекорд ненасилия в первом десятилетии текущего века: по данным ООН и ВОЗ, с 2000 по 2010 г. суммарное число жертв всех форм насилия (вооруженные конфликты, политические репрессии и повседневные разборки) в мире составляло около полумиллиона человек в год, притом что население приближалось к 7 млрд [Насилие... 2002; Global… 2011]. Хотя само по себе число жертв выглядит ужасающе, оно уступало ежегодному числу самоубийств в тот же период, а совокупный коэффициент кровопролитности был беспримерно низким. В некоторых регионах индекс составлял одно и менее убийств в год на 100 000 населения.

У аналитиков возникла робкая надежда на то, что тенденция виртуализации (насилие преобладало в новостях СМИ, фильмах и компьютерных играх) продолжится. Ожидали в скором будущем чего-то вроде усовершенствованных компьютерных программ с полисенсорным вовлечением в виртуальные сражения для снятия психологических напряжений путем замещающей активности и т. д.

Видимо, мы недооценили динамизм иррациональных колебаний в настроениях политических лидеров и масс. К сожалению, с 2011 г. обстановка ухудшается. Симптомы эйфории и катастрофофилии начали проявляться уже в 1990-х гг. в США (как последствие победы в холодной войне) и в некоторых исламских регионах, далее эпидемия тоски по «маленьким победоносным войнам» охватила другие регионы планеты и превратилась в значимый мотивационный импульс. Интеллектуальное качество политических лидеров и их готовность просчитывать отсроченные последствия своих решений снижаются (по сравнению с их предше-

ственниками в 1970–1980-х гг.), международное право остается ностальгическим воспоминанием, и глобальная геополитическая система теряет устойчивость.

Земная цивилизация успешно завершила XX в. благодаря тому, что смогла справиться с глобальными угрозами того времени. Сегодня мы худо-бедно научились решать проблемы, связанные с ростом населения и экологическими нагрузками, психологически адаптировались к ядерному оружию, но сталкиваемся с новыми проблемами. По словам известного программиста Б. Джоя, век оружия массового поражения сменился веком «знаний массового поражения» [Joy 2000]. Грани между состояниями войны и мира, равно как между военными, производственными и бытовыми технологиями, размываются (в данном отношении мы воспроизводим эпоху палеолита), а расширяющиеся возможности обучения делают новейшие средства разрушения все более дешевыми и доступными. Так они выскальзывают из-под контроля правительств и попадают в руки безответственных групп и отдельных персонажей.

Еще более парадоксально связан с грандиозными успехами гуманистической культуры углубляющийся генетический кризис. В начале XIX в. только 1/3 английских детей доживали до пяти лет, а сегодня младенческая смертность рассчитывается в промилле. За двести лет средняя продолжительность жизни в развитых странах возросла в четыре раза, и платой за беспримерно высокую ценность индивидуальной жизни становится экспоненциальное накопление генетического груза. Физиологическое благополучие людей все более зависит от жизненного комфорта, совершенствования медицины и прочих искусственных условий. Линейная экстраполяция показывает, что если не принять эффективных мер, то около середины XXI в. биологическое вырождение необратимо поразит человеческий мозг. Значит, без развития генной инженерии и прочих форм технологического вмешательства в самые интимные основы человеческого бытия наш вид обречен на угасание, а новые изощренные технологии несут с собой дополнительные угрозы разрушительных ошибок и злоупотреблений.

Исследуя глобальные угрозы XXI в., мы упираемся в проблему, которая становится ключевой – проблему *смыслообразования.* Тысячелетиями люди искали смыслы жизни преимущественно в контексте религиозных или квазирелигиозных идеологий, которые неизменно строились на групповом размежевании. Племена, государства, конфессии, нации и классы обеспечивали внутреннюю солидарность общим неприятием «чужих». Служение священным идолам и ожидаемое вознаграждение за борьбу с их врагами составляли подоплеку групповых и индивидуальных смыслов. Как только идеологическое содержание с общей групповой идентичностью охватывало обширный географический и культурный регион, следовали новые размежевания и конфронтации (по принадлежности к религиозным сектам и движениям, нациям и народностям, сословиям и классам), необходимые для переноса агрессии на внешний мир. Этот антиэнтропийный механизм эффективно работал на протяжении всей истории.

Но, согласно синергетическому *закону отсроченной дисфункции*, механизмы, продуктивные на некоторой стадии развития системы, становятся чреватыми катастрофическим ростом энтропии на последующей стадии. Так, пока задача гума-

нитарной культуры состояла в том, чтобы *упорядочивать* социальное насилие за счет переориентации его на внешние объекты (и тем самым по возможности предотвращать внутренний хаос), идеологии способствовали социальной устойчивости. Поскольку же новая историческая фаза выдвинула на передний план задачу *устранения* физического насилия как условие глобального самосохранения, многие устаревшие средства сохранения становятся контрпродуктивными.

Обратившись еще раз к модели техно-гуманитарного баланса, отметим, что ключевой вопрос, определяющий судьбу земной и любой иной планетарной цивилизации за порогом Большой Сингулярности, в том, возможно ли выстроить стратегические смыслы жизни помимо идеологий и макрогрупповых размежеваний, обеспечив тем самым неконфронтационную солидарность. Тот же вопрос допускает множество формулировок. Насколько далеко способно зайти совершенствование морали и прочих ограничителей агрессии? В какой мере может развиваться совесть, не блокируя мотивацию и волю к действию? Теоретически современное междисциплинарное мировоззрение, аккумулированное в Мегаистории, в отличие от классического натурализма, способствует формированию новых универсальных смыслов, свободных от идеологий, но реальны ли шансы на то, что такие смыслы будут освоены в ближайшие десятилетия? Или неискоренимая жажда рабства и боязнь взросления сохранят в нас приверженность к поиску сакрального Хозяина и, соответственно, Врага, к размежеванию на «своих» и «чужих», предвещая близкий крах цивилизации?

Ускоряющееся технологическое развитие и возрастающая доступность образования беспрецедентно повышают глобальную роль индивидуального мышления и действия. На подходе к Сингулярности перепутье текущей исторической фазы видится особо драматично. Возможно, наши земные жены сегодня рождают потенциальных богов, которым будут доступны какие-то формы бессмертия и космического господства. Или они рождают поколение самоубийц, которые окончательно обрушат здание Ноосферы…

Литература

Вайнберг С. Первые три минуты. Современный взгляд на происхождение Вселенной. М. : Энергоиздат, 1981.

Вернадский В. И. Живое вещество. М. : Наука, 1978.

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / под ред. И. В. Ильина, И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М. : Альфа-М, 2012.

Глобалистика: Энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М. : Радуга, 2003.

Григорьев А. А. Экологические уроки прошлого и современности. Л. : Наука, 1991.

Дойч Д. Структура реальности. М.; Ижевск : НИЦ РХД, 2001.

Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М. : Вост. лит-ра, 1994.

Дэвис П. Проект Вселенной. Новые открытия творческой способности природы к самоорганизации. М. : ББИ, 2011.

Какý М. Физика будущего. М. : Альпина нон-фикшн, 2013.

Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. История развития человеческого интеллекта. Киев : Вища школа, 1985.

Назаретян А. П. Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. М. : Недра, 1991.

Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М. : Аргамак-Медиа, 2015.

Назаретян А. П., Ениколопов С. Н., Литвиненко В. А. Эволюция насилия и динамика компромисса: коэффициент кровопролитности как верификатор гипотезы техногуманитарного баланса // Известия Таганрогского гос. радиотехнического ун-та. 2005. Спец. вып. № 7. С. 148–149.

Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. Всемирная организация здравоохранения. М. : Весь мир, 2002.

Панов А. Д. Сингулярная точка истории // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 122–137.

Панов А. Д. Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI). М. : ЛКИ, 2008.

Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М. : Новый хронограф, 2010.

Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М. : Наука, 1966.

Розанов А. Ю. Условия жизни на ранней Земле после 4.0 млрд. лет назад // Проблемы происхождения жизни. М.: ПИН РАН, 2009. С. 185–201.

Тойнби А. Постижение истории. М. : Прогресс, 1991.

Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб. : Университетская книга, 2001.

Cao Shuji. Zhongguo Renkou shi: Qing shiqi (A History of the Chinese Population: The Qing Dynasty). Vol. 5. Shanghai : Fudan University Press, 2001.

Chaisson E. J. Epic of Evolution. Seven Ages of the Cosmos. New York : Colombia University Press, 2006.

Christian D. The Case for ‘Big History’ // Journal of World History. 1991. Vol. 2. No 2. Pp. 223–238.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by N. A. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay; with a Foreword by M. Gorbachev. Editions Rodopi B.V., Amsterdam; New York, 2014.

Singularity Hypotheses. A scientific and Philosophical Assessment / Ed. by A. H. Eden, J. H. Moor, J. H. Søraker, E. Steinhart. Berlin; Heidelberg : Springer-Verlag, 2012.

Global Environmental Outlook-3. 2002. Vol. 3, Aug. London : Earthscan Publications Ltd, 2002.

Global Study of Homicide. Trends, Contexts, Data. UNODC, 2011.

Joy B. Why the Future doesn't Need Us? // Wired 2000. April. Pp. 238–262.

Keeley L. H. War Before Civilization. The Myth of the Peaceful Savage. New York : Oxford University Press, 1996.

Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. New York : PG, 2005.

McNeill W. H. Control and Catastrophe in Human Affairs // The Global Condition: Conquerors, Catastrophes and Community. Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1992. Pp. 133–149.

Panov A. D. Scaling Law of the Biological Evolution and the Hypothesis of the Self-Consistent Galaxy Origin of Life // Advances in Space Research. 2005. Vol. 36. Pp. 220–225.

Pinker S. The Better Angels of Our Nature. The Decline of Violence in History and its Causes. New York : Viking Penguin, 2011.

Rees M. J. Our Final Century: Will the Human Race Survive the Twenty First Century? New York : Basic Books, 2003.

Sloterdijk P. Kritik der zynischen Vernunft. Bd 1, 2. Frankfurt am Main : Edition Suhrkamp, 1983.

Smolin L. The Unique Universe. 2009. URL: http://physicsworld.com/cws/article/indepth/39306.

Snooks G. D. The Dynamic Society. Exploring the Sources of Global Change. London; New York : Routledge, 1996.

Wang Yumin. Taiping tianguo geming shiqi 'renkou sunhao yu yi shuo' bian zheng. (Debating the so-called 'death toll exceeding one hundred million' during the Taiping Revolution period) // Xueshu Yuekan (Academic Monthly). 1993. No. 6. Pp. 41–50.

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ РАЗЛОМЫ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА[*]

Чумаков А. Н.[**]

В статье поднимается ряд острейших проблем современности и предлагается оригинальный взгляд на их природу, что открывает новые возможности для преодоления их посредством соответствующей культурной и цивилизационной политики, которую в условиях глобализации могут и должны проводить национальные государства, в том числе и Россия. В этой связи рассматриваются культурные и цивилизационные основания общественных систем, анализируются условия, при которых разность в культурно-цивилизационном развитии различных стран становится детонатором социальной нестабильности и «цветных революций». При этом предлагается по-новому посмотреть на международные санкции, в частности как на альтернативу открытым военным столкновениям и сохраняющуюся возможность для урегулирования разногласий мирным путем.

Ключевые слова: *культура, цивилизация, культурно-цивилизационная система, ойкумена, литосфера, конфликт, проблема, социальная нестабильность, «цветная революция», санкции, взаимодействие.*

The article raises a number of topical problems and offers an original explanation of their nature. This opens up new opportunities to overcome such problems in the context of globalization through cultural and civilizational policy of the different states, including Russia. In this context, special attention is paid to cultural and civilizational foundations of social systems, analyzes the conditions, when the difference in the cultural and civilizational development of different societies becomes the detonator of social instability and "color revolutions". The author offers a fresh look at international sanctions, in particular, as an alternative to military confrontation, and as an opportunity to overcome problems peacefully.

Keywords: *culture, civilization, cultural and civilizational system, ecumene, lithosphere, conflict, problem, social instability, color revolution, sanctions, interaction.*

Современный мир – единая, динамично развивающаяся система, где ни одна страна не может существовать отдельно от мирового сообщества. С этим трудно не согласиться, даже если недооценивать объективные тенденции глобализации, ее интегративную роль в международной жизни и, как следствие, скептически относиться к перспективе установления сбалансированных культурных и цивили-

[*] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период»), проект № 15-23-21002.

[**] Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., проф., заведующий кафедрой «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ; ведущий научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: chumakov@iph.ras.ru.

зационных отношений в планетарном масштабе. Вместе с тем вовсе не очевидно, что целостность этой системы предзадана самим ходом исторического развития. Достаточно сказать, что пережив в XX в. две мировые войны, а затем и холодную, человечество и в новом столетии пребывает в разрозненном состоянии, фактически балансируя на грани войны и мира. И дело не только в том, что в разных точках планеты периодически вспыхивают горячие точки, в которых конфликты то затухают, то вновь накаляются, а в ряде регионов и вовсе идут локальные войны с применением фактически всех видов вооружения, за исключением разве что ядерного, химического и бактериологического.

По существу такое состояние дел в мировой практике, за вычетом каких-то коротких периодов времени, всегда было и остается теперь скорее правилом, чем исключением. Однако в последние полтора-два десятилетия ситуация принципиально изменилась в сторону усиления напряженности как внутри отдельных стран, так и между национальными государствами и их альянсами. И вполне очевидно, что мы все больше втягиваемся в новую холодную войну. Происходит же это на фоне все усиливающейся многоаспектной глобализации [Глобалистика… 2006: 568–572], когда в глобально взаимозависимом мире многочисленные субъекты международных отношений, преследуя эгоистические цели и отстаивая собственные интересы, при отсутствии внешней силы (образно говоря, соответствующего «левиафана»), способной заставить их действовать с учетом интересов не только своих, но и других, а тем более общих, объективно оказываются в ситуации ***войны всех против всех***.

Всевозможные санкции, которые в последнее время все больше становятся инструментом воздействия на отдельные страны и организации с целью вынудить их изменить свою политику и линию поведения, являются наиболее характерным выражением такого положения дел. Еще более ярким примером усилившейся нестабильности, несомненно, являются «цветные революции», ставшие отличительной чертой мирового порядка с конца XX в. При этом если революции вообще и «цветные» в частности обусловлены внутренними противоречиями того или иного государства и являются квинтэссенцией таких противоречий, то санкции касаются внешней сферы, то есть возникают в области взаимоотношений субъектов международного права.

Использование санкций в качестве особого инструмента для решения тех или иных проблем, по которым не удается договориться, явление довольно новое, а его эффективность обусловлена глобальными связями и глобальной взаимозависимостью, до появления которых в санкциях не было никакого смысла. Однако теперь, когда мир вступил в стадию многоаспектной глобализации, они стали реальностью, и как бы ни показалось странным, их вполне можно отнести к цивилизованным методам отстаивания своих интересов в международных делах глобального мира, построенного на противоречиях и противоборстве различных субъектов международного права. По существу, это применение «мягкой силы», когда не удается найти решение путем переговоров или на правовой основе [Чумаков 2014: 192–195].

Разумеется, санкции – это плохо. Это сворачивание торговых, деловых, финансовых и иных отношений, ухудшение экономического положения дел и снижение жизненного уровня, испытывая которые, та или иная сторона конфликта

идет или не идет на уступки и соглашения. Как показывает опыт, например, Северной Кореи, Кубы или Ирана, а теперь и России, санкции могут игнорироваться достаточно долгое время, а альтернативой им могут быть либо уступки и последующее соблюдение достигнутых договоренностей, либо обострение конфликта и продолжение выяснения отношений, но уже с помощью военной силы. Однако важно подчеркнуть, что санкции, как односторонние, так и двухсторонние, – это не просто закономерное следствие нерешенных противоречий в международных отношениях, а достаточно эффективный способ выразить свое несогласие и мирно противодействовать другой стороне конфликта в условиях, которые складываются под влиянием многоаспектной глобализации, где все структурные элементы глобального мира оказываются в тесной взаимозависимости. В этих обстоятельствах альтернативой санкциям, при неумении или нежелании сторон договориться, может быть лишь непосредственное применение жесткой силы и развязывание военных действий. Вот почему применение санкций (как одной из форм «мягкой силы»), тем более в конфликтных ситуациях с участием стран, обладающих ядерным оружием, следует рассматривать не только как крайнюю меру, но и как выбор между плохим и худшим, когда выбирая плохое, все-таки воздерживаются от худшего сценария, сохраняя при этом возможность возвращения к переговорам и достижения взаимоприемлемых договоренностей.

Другое дело «цветные революции». Они также дестабилизируют социальную жизнь и представляют угрозу сложившимся общественным отношениям, причем не только внутри той или иной страны. Имея непосредственное сходство с социальными переворотами, происходившими во все века и в различных формах, они тем не менее обладают и своей спецификой. Как это и было всегда в истории, революции являются закономерным порождением нерешенных общественных противоречий, когда субъективный фактор хотя и играет порой очень важную роль, тем не менее не является определяющим в конечном счете. Так, если отсутствуют объективные условия для массовых протестов, возможности использования субъективных факторов оказываются незначительными. Однако там, где накопились серьезные противоречия и не предпринимаются адекватные и своевременные усилия для их решения, массовые выступления оппозиционных сил и протестные акции практически гарантированы. А в условиях глобальной мобильности и планетарной системы коммуникаций, к тому же при широком использовании медийных и информационных технологий, они могут привести к смене власти и без насильственных действий, вероятность которых прямо пропорциональна уровню развитости гражданского общества в данной стране.

Поскольку участники таких протестов в целях консолидации широких масс и позиционирования мирного характера своих выступлений используют обычно в качестве символических отличительных знаков цветы или какие-то предметы определенного цвета, то за ними закрепился термин «цветные революции», который следует рассматривать как собирательное понятие. Такие революции с полным основанием можно именовать, например, и «твиттерными», поскольку в процессе их организации и проведения обычно активно используются социальные сети в Интернете.

В зависимости от строгости критериев, завершенности или незавершенности процессов и т. п. разные авторы по-разному выделяют и классифицируют «цвет-

ные революции». Одни причисляют к ним лишь бесспорные события, другие считают, что их более полусотни, но, как правило, практически все сходятся во мнении, что таковыми являются: «революция гвоздик» (Португалия, апрель 1974 г.); «Желтая революция» (Филиппины, февраль 1986 г.); «Бархатная революция» (Чехословакия, ноябрь – декабрь 1989 г.); «Революция роз» (Грузия, ноябрь 2003 г.); «оранжевая революция» (Украина, ноябрь 2004 – январь 2005 г.); «тюльпановая революция» (Киргизия, февраль – апрель 2005 г.); «васильковая революция» (Белоруссия, март 2006 г.); «сиреневая революция» (Молдавия, апрель 2009 г.); «жасминовая революция» (Тунис, декабрь 2010 – февраль 2011 г.); «революция лотоса» (Египет, январь – февраль 2011 г.); «Евромайдан» (Украина, 2013–2014 г.); «революция зонтиков» (Гонконг, сентябрь 2014 – июнь 2015 г.); «революция розеток» (Армения, июнь 2015 г.).

Некоторые из этих революций закончилась сменой власти, другие не удались, но вполне очевидно, что список подобных событий незавершен, и вопрос лишь в том, где и когда повторится похожий сценарий. Там, где уже свершились «цветные», «твиттерные» и т. п. революции, ситуации тем не менее, как правило, далеки от стабильности и благополучного положения дел. Там, где они не окончились – дестабилизация, а то и вовсе разруха, насилие и людское горе. А где для этого есть соответствующая почва, но революции еще не свершились или не удались, – нервозность и опасения, что они могут произойти [Гапич 2010; Кагарлицкий 2007].

Отсюда повышенный интерес к такого рода событиям и стремление разобраться в причинах данного явления. При этом, поскольку «цветные революции» нередко проходят при нескрываемой поддержке извне, в частности США и отдельных стран Запада, как, например, в Грузии, Киргизии или Украине, то сложилось мнение, что в их основе непременно лежит внешний фактор, вмешательство со стороны других государств. И именно такое вмешательство объявляется главной причиной подобных революций [Мадсен… 2015; McFaul 2006]. Но проблема остается, и острота ее не снижается, поскольку еще нет основательно проработанных и вполне обоснованных ответов на вопросы: какова же истинная природа данных явлений? Что лежит в их основе? Почему именно с конца XX в. и почему именно в это время они стали регулярным явлением общественной жизни? Наконец, закончилась ли эпоха таких революций и можно ли их предотвратить?

Начнем с последнего вопроса. На мой взгляд – нет, данная эпоха не закончилась и предотвратить такие революции практически невозможно. Их можно лишь при определенных обстоятельствах и соответствующей реакции властей отсрочить или «спустить на тормозах», понизив опасность до какого-то уровня и то лишь на определенное время, поскольку причина в таком случае не устраняется.

А когда истинная природа явлений или событий остается нераскрытой, то и реагируют на них по большей части методом проб и ошибок, а по существу – на ощупь, вслепую. При этом не понимая реальных причин происходящего, все силы бросают на «тушение пожаров», применяя зачастую неадекватные меры, что еще больше усугубляет проблему. Иными словами, главным недостатком существующих решений является то, что они носят в лучшем случае тактический характер, тогда как стратегическое видение проблемы и соответствующая стратегия действий отсутствуют. По большей части это происходит потому, что нет достаточ-

ной теоретической базы и соответствующих исследований, которые затрагивали бы основы общественной жизни и показывали фундаментальные противоречия, проистекающие из культурных и цивилизационных различий отдельных стран и народов в условиях глобализации. А это как раз и является ключевым моментом в понимании природы «цветных революций», на чем и следовало бы сосредоточить основное внимание.

Изначально рассмотрим географическое расположение центров нестабильности. Обратившись к карте планеты, нетрудно заметить, что страны, где произошли «цветные революции» или были попытки их совершить, располагаются в основном на «стыках» принципиально отличающихся друг от друга культурно-цивилизационных систем [см.: Чумаков 2006: 377–440]. Именно там вполне отчетливо просматриваются зоны нестабильности, в особенности та из них, которая проходит по линии, соединяющей страны, располагающиеся вокруг Западной Европы. Так, вполне очевидно выстраивается практически сплошная линия, которая начинается от Гибралтара и далее проходит по Северной Африке вдоль средиземноморского побережья через Ближний Восток к Армении и Грузии, далее через Украину, Белоруссию к бывшим прибалтийским республикам. Также достаточно четко прослеживается линия, проходящая по азиатским республикам бывшего Советского Союза. В то же время мы практически не видим ничего подобного в Северной Америке, Африке южнее Сахары, Австралии, а также, с некоторыми оговорками, в Южной Америке, равно как и на азиатском пространстве (помимо уже упомянутых регионов этого континента), где наблюдаются лишь отдельные очаги подобия «цветных революций», примером чего могут быть события на Филиппинах (1986 г.) или в Гонконге (2014–2015 гг.). Почему это так, станет понятным, когда выяснится истинная причина социальных взрывов.

Итак, почему именно по отмеченным выше линиям пролегает прежде всего зона нестабильности, почему именно такие, а не иные очертания приобретают очаги социального напряжения? Если рассматривать «цветные революции» как результат и внешнее проявление глубинных противоречий и разногласий в общественных системах, а именно так и следует их понимать, то объяснение данного феномена следует искать не только в социально-политическом устройстве и экономическом состоянии отдельных стран, но и в том, как они соотносятся с окружающими их общественными системами [Куда движется… 2014].

Пониманию сути происходящего в определенной степени может помочь сравнение хотя и весьма далеких друг от друга, но схожих по внешнему проявлению социальных и природных процессов. Так, взрывы социальной активности и очаги повышенной турбулентности в обществе можно уподобить землетрясениям, вулканической деятельности и горообразованию, которые характерны для естественной природы. Все знают, что время от времени случаются землетрясения, вулканы проявляют свою активность, а в определенные геологические эпохи появляются новые горы, но никто не может сказать точно, когда это произойдет и каких масштабов достигнет природная стихия. При этом следует заметить, что географическое расположение мест сейсмической или вулканической активности вполне предсказуемо теперь уже не только в силу наблюдаемости данных явлений, но и на основе знаний о строении земной коры и природе геологических процессов. Как известно теперь геологической науке, землетрясения, вулканиче-

ская деятельность и горообразование обусловлены подвижкой литосферных (тектонических) плит, которые имеют разломы, а своими краями сталкиваются друг с другом. «Литосферная плита – это крупный стабильный участок земной коры, часть литосферы. Согласно теории тектоники плит, литосферные плиты ограничены зонами сейсмической, вулканической и тектонической активности – границами плиты» [Что такое…].

Достаточно посмотреть на карту литосферных плит Земли, чтобы увидеть, что как раз на линиях разломов и столкновения этих плит и происходят геологические катаклизмы. В частности, вулканы возникают именно в местах разлома земельной коры. «Поскольку извержения вулканов представляют собой следствие тектонических подвижек – землетрясений, то всегда землетрясения и предваряют извержения. А вулканы наблюдаются лишь в сейсмически активных зонах. То есть, вулканы практически всегда приурочены к краям тектонических плит, где происходят гигантские деформации» [Шумилов 2010]. Тектонические движения пластов земной коры являются также и причиной появления гор. «Движение плит приводит к разламыванию гор у краев плиты с образованием в породе длинных сдвигов (расщелин). Блоки суши иногда выдвигаются кверху вдоль плоскости сбросов, создавая наклонные горы – как Сьерра-Невада в Калифорнии. А бывает, что блок высовывается вверх между двумя почти параллельными линиями разломов. Кряжи таких гор круто возвышаются над окружающим рельефом» [Образование…].

Сказанное вполне может послужить аналогом тому, что происходит в обществе, если посмотреть на него через призму культурно-цивилизационных систем, которыми, собственно, и представлено все человечество. Эти системы, покрывающие, подобно литосферным плитам, все социальное пространство Земли, как раз и порождают на линиях своих разломов и соприкосновений те напряжения и социальные потрясения, наиболее ярким выражением которых и являются «цветные революции». Для лучшего понимания сути происходящего необходимо обратиться к тому, что представляют собой культурно-цивилизационные системы и каких типов они бывают.

Понятие «культурно-цивилизационная система» введено в научный оборот относительно недавно и используется применительно к той или иной социальной структуре, определенной общности людей для характеристики их «в качестве единого целого одновременно с двух сторон – со стороны их культурной принадлежности и вовлеченности в цивилизационные процессы» [Чумаков 2006: 377].

Почему необходим именно такой взгляд на общество? Потому что вне этого контекста невозможно раскрыть глубинные основания современных межкультурных противоречий. Культура – это то, что принципиально отличает человека и различные сообщества людей от мира животных. Иными словами, мы можем говорить о человеке только в той мере, в какой он овладел культурой, и наоборот, о культуре можно рассуждать лишь в той степени, в какой у нас есть основания говорить о человеке как о существе, отличном от мира животных. Ф. Энгельс, как известно, рассуждал о формировании человека в контексте появления речи, труда и мышления [см.: Энгельс 1961: 486–498]. Но это как раз и есть то, что мы именуем зачатками культуры, определяя ее как такую творческую деятельность людей, которая направлена на преобразования окружающего человека мира и самого че-

ловека, а также результаты этой деятельности. К культуре относится также и совокупность обычаев, традиций, верований, ценностей, этических норм и т. п., составляющих духовную основу жизнедеятельности людей. А поскольку стержнем любой культуры всегда является язык и в значительной степени религия, то в силу своей уникальности и несводимости к другим языкам и религиям они придают каждой конкретной культуре отличительные черты, своеобразие и неповторимость, делая их тем, что обособляет, а по сути, разделяет отдельных людей и всевозможные сообщества. Здесь-то и кроются корни множества конфликтов и противоборства интересов.

Однако в реальности мы видим не только обособление и противоборство, но и кооперацию, продуктивное взаимодействие людей. Происходит же это на несколько иной – цивилизационной основе, начало формирования которой относится к появлению государства и которая к настоящему времени имеет различную степень развитости у разных народов. Именно то, что именуется цивилизованностью (от лат. *civilis* – гражданский, городской, государственный), как раз и является интегрирующим началом в общественных отношениях. Важно подчеркнуть при этом, что понятие «цивилизация» возникло намного позже самого явления – лишь в Новое время, когда обнаружилась настоятельная потребность особо выделить такие отношения в обществе, которые базируются на правовой основе и характеризуются смягчением нравов, уважением к правам человека. С появлением этой категории появилась возможность гораздо лучше описывать общество с точки зрения обустроенности общественной жизни, более высокого уровня развития его государственности, экономических и социально-политических отношений, характера внутренних и внешних связей данной общественной системы.

Таким образом, цивилизация выступает как бы оборотной стороной культуры. При этом если в понятии «культура», выражающем состояние, процессы и отношения в обществе, акценты смещаются в сторону состояния, то термин «цивилизация» акцентирует внимание на отношениях. Вместе с тем культура – это как бы внутренняя характеристика общества, раскрывающая его сущность, в то время как цивилизация скорее форма, внешнее обрамление культуры, характеризующее общество с точки зрения форм его управления, функциональных связей и отношений. При этом оба термина – и «культура», и «цивилизация» – имеют общий предмет, но разные, хотя и взаимосвязанные, объекты, так как с разных сторон отражают и описывают одну и ту же социальную реальность. Их союз, единожды возникнув, в общей своей динамике имеет постоянную тенденцию к развитию и совершенствованию. Вместе с тем между ними существует и принципиальное отличие, которое также легко просматривается. Понятие «цивилизация», в силу закрепившихся за ним смыслов, обычно относится к странам и народам в целом, характеризуя степень их технологического развития и форму организационно-правового устройства, тогда как термин «культура» выражает в конечном счете уровень развития духовности того или иного народа, в которой отражаются высшие достижения цивилизации.

На диалектическое единство и различие этих двух понятий указывают и аналогии, которые нередко просматриваются в естественном языке. Так, например, когда речь идет о культурных достижениях, это же самое зачастую может быть названо успехами цивилизации, и наоборот, когда говорят о благах цивилизации,

которыми пользуются люди, по существу, имеют в виду результаты поступательного развития науки и техники, а также материальную культуру, которая совершенствуется и приумножается во многом благодаря научно-техническому прогрессу. Тем самым появляется и приобретает особое значение вопрос о культурно-цивилизационном взаимодействии, когда культурную составляющую фактически уже нельзя отделить от цивилизационной и наоборот. Помимо культурно-цивилизационного взаимодействия в данном контексте можно говорить также и о культурно-цивилизационных связях, культурно-цивилизационных системах, культурно-цивилизационных кодах поведения или, например, культурно-цивилизационной идентичности.

Теперь, когда под влиянием процессов глобализации человечество стало планетарным явлением, сохраняя при этом известную автономность и самодостаточность своих составных частей в пределах отдельных регионов и локальных территорий, возникла потребность увидеть единство всего этого общественного организма в его многообразии и взаимосвязи. Можно сказать и по-другому: мировая общественная система, выступающая основным объектом исследования при изучении процессов глобализации, может и должна рассматриваться теперь также и с точки зрения составляющих ее частей, когда структурными элементами, составными ее частями выступают отдельные общественные образования, будь то национальные государства, социокультурные общности, экономические или политические союзы, религиозные общины и т. п. Будучи сами по себе отдельными социальными структурами, такие составные части (подсистемы) единой общечеловеческой системы составляют вместе с ней уникальный социосферный фрактал[1]. Наилучшим образом его можно понять лишь в культурно-цивилизационном контексте, как в отношении всей мировой системы в целом, так и относительно составляющих его частей, взятых по отдельности, когда они выступают в качестве самодостаточных культурно-цивилизационных систем.

Такой взгляд на глобальное человечество и его составные части, когда оно воспринимается как фрактал, голографически отображаемый в как бы накладывающихся друг на друга понятиях «культура», «цивилизация», «глобализация», позволяет наилучшим образом увидеть явное в неявном и неявное в явном, большое в малом и малое в большом, случайное в закономерностях и закономерности в случайном, частности в общем и общее в частностях, незначительное в значительном и значительное в незначительном и т. п., что имеет принципиальное значение для понимания глобального мира и общественных отношений в их многообразии и противоречиях. Иными словами, на современный мир следует смотреть, если можно так выразиться, не в «черно-белом» изображении, а в «цветном»; можно сказать и по-другому – его нужно воспринимать не «в плоскости», а «в объеме». Но тогда и язык, который позволил бы адекватно отразить это новое

[1] *Фрактал* – материальный, графический или иной объект, характеризующийся дробной размерностью и идентичностью (самоподобием) всех входящих в него составных частей, различающихся между собой только масштабами форм. Фрактал выражает также принцип построения различных тел, фигур или абстрактных схем, когда большее по форме выступает повторением входящего в него меньшего. Рассмотрение глобального человечества в качестве фрактала открывает принципиально новые возможности для понимания целостности фрагментарно устроенного мира и в то же время самобытности, а в известном смысле и самодостаточности отдельных фрагментов, составных частей этой целостности, когда в многообразии легко просматривается единство и наоборот, в единстве – многообразие.

ви́дение глобального мира, должен включать в себя соответствующую терминологию. Выражение «культурно-цивилизационные системы» как раз и является таким комплексным понятием, с помощью которого человечество в целом и его структурные элементы, прежде всего государства и их альянсы, могут быть поняты в их единстве и различии с разных сторон.

Не вдаваясь в подробности различных вариаций культурно-цивилизационных систем, остановимся на их принципиальных отличиях друг от друга. При этом под культурно-цивилизационными системами будем понимать самодостаточные целостные общественные структуры, которые, с одной стороны, отличаются принципиальной схожестью основных параметров культуры, где при наличии множества несовпадений обязательно должны быть некоторые доминирующие составляющие (общие для всего социума), такие, например, как язык, религия, идеология; а с другой стороны, характеризуются относительной равномерностью проявления в различных частях таких структур общих цивилизационных связей и отношений.

Заметим к тому же, что любая социальная общность занимает то или иное конкретное территориальное пространство, которое хотя и не всегда может быть четко обозначено в своих предельных границах (основных контурах), тем не менее по существу без особого труда идентифицируется на географической карте Земли, например в границах какого-то национально-территориального образования, конкретного государства или их альянса. В исторической науке для обозначения таких территорий употребляются уже вполне установившиеся термины: «район», «область», «регион», «ойкумена»[2] и, как предельное значение территориального охвата, «весь мир», то есть планета в целом. В контексте темы нашего анализа достаточно ограничиться масштабами ойкумен, поскольку именно такие территории обычно и занимают крупные современные государства или интегративные общественные системы, характерным представителем которых является, например, Европейский союз.

Итак, выделяя культурно-цивилизационные ойкумены, мы будем акцентировать внимание на территориальных границах, в пределах которых при всем культурном разнообразии различных социальных образований проявляется их цивилизационное единство. С учетом сказанного в современной мировой социосистеме достаточно четко просматриваются 18 культурно-цивилизационных ойкумен: 1) Западноевропейская; 2) Восточноевропейская; 3) Российская; 4) Ближневосточная; 5) Средневосточная; 6) Центрально-азиатская; 7) Азиатская (Юго-Восток); 8) Индийская; 9) Китайская; 10) Японская; 11) Тихоокеанская; 12) Австралийская (включая Новую Зеландию); 13) Североамериканская; 14) Центральноамериканская; 15) Южноамериканская; 16) Североафриканская; 17) Центральноафриканская; 18) Южноафриканская.

Разумеется, приведенный список вовсе не исключает и другие подходы, и иную градацию [см.: Глобалистика… 2006: 985–994]; но в нашем случае он позволяет посмотреть на современный мир с необычной стороны и увидеть его поновому. Отметим при этом, что если некоторые из названных ойкумен, такие,

[2] Здесь *ойкумена* (от гр. οἰκουμένη – населяю) – самый крупный *территориальный* фрагмент поверхности Земли, включающий в себя, как правило, несколько регионов.

например, как Североамериканская, Западноевропейская, Российская, Китайская, Индийская или Японская, достаточно легко идентифицируемы, в том числе и по территориальному признаку, то в отношении других могут возникать уточняющие вопросы, в частности с точки зрения входящих в них стран и контуров их границ. Однако поскольку для данного исследования такая детализация не имеет принципиального значения, ее вполне можно оставить для отдельного разговора. То же относится и к подобного рода ойкуменам прошлого, количество и местоположение которых будет варьировать в зависимости от рассматриваемого периода человеческой истории. Важно также подчеркнуть, что временны́е параметры таких ойкумен (время их появления, жизни и исчезновения) имеют в известной степени условный характер и могут быть по историческим меркам и быстротечными, и весьма продолжительными; а территориальное расположение не является раз и навсегда заданным, то есть границы культурно-цивилизационных ойкумен могут быть как достаточно устойчивы, так и подвижны.

Заметим также, что вполне правомерно проводить различие между отдельными культурно-цивилизационными системами, не сравнивая их по принципу «лучше» или «хуже», а выясняя характерные для каждой из них особенности и определяя возможности их культурного и цивилизационного взаимодействия. Так, чем больше обнаруживается культурно-цивилизационное совпадение различных народов, тем легче и активнее между ними складывается атмосфера взаимопонимания и сотрудничества. К примеру, Европа, Северная Америка, Австралия и даже, с определенными оговорками, Япония хотя и отличаются (порой значительно) друг от друга по культуре, но имеют достаточно высокий уровень цивилизационного развития, что делает их культурно-цивилизационные системы по многим параметрам вполне стыкующимися. Иными словами, эти существенно отличающиеся друг от друга общественные системы имеют сходные базы для взаимодействия и сотрудничества, и все вместе они с достаточным на то основанием подходят под одно собирательное понятие «Запад», что, в частности, хорошо показали в своем исследовании Л. И. Гринин и А. В Коротаев [Гринин, Коротаев 2014: 14–31]. В последние годы можно наблюдать, как Китай, Индия, Россия и Бразилия, обладая самобытными культурами, но наращивая темпы цивилизационного развития, также становятся в ряд тех стран, между которыми улучшаются и усиливаются культурно-цивилизационные связи и конструктивное сотрудничество [см.: Страны… 2015; Kwang 2013].

При этом для западной (техногенной, капиталистической) модели культурно-цивилизационного развития характерно стремление к овладению силами и богатствами природы, сопровождающееся ускорением научно-технического прогресса, возрастанием антропогенной нагрузки на окружающую среду, непрерывным изменением социальных связей и отношений. Восток же (а можно взять и шире – «незапад»), напротив, ассоциируется обычно с традиционализмом и преемственностью культуры, где проявляется тенденция невмешательства в природные процессы и естественный ход событий. Здесь традиционно доминирует коллективистское начало, в то время как на Западе – индивидуальное; и потому человек на Востоке больше ориентирован на адаптацию к сложившейся социально-политической среде, а не на ее преобразование, как это характерно для западного менталитета. В итоге можно сказать, что на Востоке (по большей части и в России)

упор делается на культуру, тогда как на Западе – на цивилизацию.

Из этого краткого сопоставления западного и восточного типов общественного развития можно сделать важный вывод, что как только мы начинаем смотреть на мир с позиции его фрактальности, выделяя в нем культурно-цивилизационные системы (ойкумены), так все то, что по сложившейся традиции именуется теперь самодостаточными культурами и цивилизациями, без особых сложностей выстраивается в соответствующий, вполне определенный ряд и достаточно легко вписывается в современную глобальную картину мира. А наиболее ценное, с точки зрения нашего анализа, заключается в том, что социальные конфликты и потрясения в виде «цветных революций», санкций и т. п. перестают быть случайными явлениями, поскольку их природа проясняется через взаимодействие и противостояние различных культурно-цивилизационных систем.

Так, возвращаясь к «поясу нестабильности», опоясывающему Западноевропейскую культурно-цивилизационную ойкумену, можно утверждать, что он обусловлен именно непосредственным соприкосновением, а фактически столкновением данной ойкумены с примыкающими к ней Североафриканской, Ближневосточной и Восточноевропейской культурно-цивилизационными ойкуменами, которые находятся на других ступенях по уровню цивилизационного развития. В них в силу исторических, экономических, социокультурных и ряда других причин имеют место более авторитарные системы государственного управления, слабее развиты гражданские институты и гражданское общество, меньшее значение придается общечеловеческим ценностям, признанию и соблюдению прав человека. В итоге по мере усиления глобализационных процессов и технических возможностей, увеличивающих взаимозависимость и социальную мобильность, информационную открытость и уровень образования, все большее количество людей в странах, тесно примыкающих к Западной Европе, получают непосредственный опыт о другой, более высокого качества жизни, и ставят под сомнение не столько культурные, сколько цивилизационные достижения своих общественных систем. При этом люди во все возрастающих масштабах стараются изменить свой образ жизни и, не имея соответствующих возможностей у себя дома, решаются на эмиграцию, убегая от потрясений, бесправия и нищеты туда, где есть стабильность, правовая защищенность и относительное благополучие. В итоге в последние годы Европа буквально задыхается от наплыва эмигрантов. Так, только по одному решению Европейской комиссии от 27 мая 2015 г. 40 тыс. беженцев из Африки и с Ближнего Востока, по большей части нелегально прибывшие в Италию и Грецию, должны быть перемещены в другие страны – члены Европейского союза по принципу распределения в течение двух лет [ЕК предложила… 2015]. Такое положение дел встречает в Европе растущее сопротивление как отдельных государств (Франция, Чехия, Польша и др.), так и широких слоев населения, примером чему могут служить массовые выступления в Словакии. Там 20 июня 2015 г. состоялась акция протеста с участием 10 тысяч человек против увеличения численности в Европе мигрантов из мусульманских стран, Северной Африки и с Ближнего Востока. Собравшиеся скандировали лозунги: «Словакия – словакам» и разорвали флаг Евросоюза [В Братиславе… 2015].

Но у данной проблемы есть и другой аспект. Поскольку из примыкающих к Европейской ойкумене стран все уехать не могут, а количество недовольных ак-

тивно растет, то при достижении критической массы наступают условия для начала «цветных революций». Примерами такого рода событий являются не только государства Северной Африки, Ближнего Востока, Грузия или Украина, но и Молдавия, Белоруссия, Армения, потенциально Азербайджан, в известной мере и Россия. Не все просто с этой точки зрения и в самой Европе. Чем ближе к краям ее ойкумены, то есть к культурно-цивилизационному разлому, тем менее стабильна социально-экономическая и политическая ситуация, что вполне подтверждается не только португальским или балканским опытом, но и испанскими, итальянскими проблемами, а потенциально и прибалтийскими республиками, не говоря уже о последнем греческом финансовом кризисе.

Особый интерес представляет линия культурно-цивилизационного разлома, проходящая между Российской и Центрально-азиатской культурно-цивилизационными системами (ойкуменами). Помимо религиозного фактора, усиливающего различия этих систем, главное все-таки заключается в том, что среднеазиатские республики (как и Россия) являются отколовшимися фрагментами некогда единой для них бывшей Советской культурно-цивилизационной системы. Теперь же они вынуждены дрейфовать, испытывая значительное воздействие внутри своей ойкумены со стороны других входящих в нее исламских стран, а также сильное влияние не только со стороны Российской и Китайской, но и Западной культурно-цивилизационных систем. В итоге там нет пока еще прочных оснований для дальнейшего стабильного общественного развития, тогда как возможности для возникновения социальных потрясений значительно возрастают по мере вовлечения этого региона в систему геополитических отношений, где ведущие позиции занимают наиболее влиятельные субъекты глобального мира.

Почему на стыке таких культурно-цивилизационных систем (ойкумен), как Российская и Китайская или Центральноафриканская и Южноафриканская, не просматриваются те процессы, которые вызывали бы подобные революции? Ответ (при использовании приведенной выше аналогии с тектоническими плитами Земли), вполне очевиден – между ними нет той большой разницы в уровнях цивилизационного развития, которая создавала бы достаточно сильное напряжение на стыках их культурно-цивилизационных систем.

А что касается таких, например, ойкумен, как Североамериканская, Центральноамериканская, Южноамериканская, Тихоокеанская, Австралийская или Японская, то они в определенной мере застрахованы от «цветных революций» тем, что не стыкуются (или практически не стыкуются) с другими культурно-цивилизационными системами, будучи отделенными от них, как правило, океанскими просторами. А те из них, население которых тем не менее активно путешествует и широко ведет бизнес по всему миру (речь прежде всего о США, Канаде, Японии, Австралии), в цивилизационном отношении достаточно развиты, чтобы не опасаться «цветных революций». Наконец, особым (локальным в рамках соответствующих ойкумен) проявлением «цветных революций» можно считать события на Филиппинах (1986 г.) или в Гонконге (2014–2015 гг.), где исторически обусловленные очаги повышенной гражданской активности вошли в серьезное противоречие с традиционными для тех мест формами правления.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в пределах одной статьи проведенный анализ столь сложных проблем не может претендовать на полноту и за-

вершенность; он также не подменяет и не исключает иных подходов к осмыслению данной темы, являясь лишь попыткой по-другому посмотреть на то, что сегодня волнует практически всех, но пока еще не имеет удовлетворительного решения.

Литература

В Братиславе проходит массовая демонстрация против мигрантов в ЕС. Новости Mail.ru: [сайт]. URL: // https://news.mail.ru/incident/22414499 (дата обращения: 20.07.2015).

Гапич А., Лушников Д. Технологии цветных революций. М. : Риор, 2010.

Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М.; СПб.; Н.-Й. : ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Инфляционные и дефляционные тренды мировой экономики, или распространение «японской болезни» // Век глобализации. 2014. № 2. С. 14–31.

ЕК предложила распределить 40 тыс. беженцев из Сирии и Эритреи по странам ЕС // Информационное агентство России ТАСС: [сайт]. URL: // http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1998333 (дата доступа: 27.05.2015).

Кагарлицкий Б. «Оранжевый мираж» или начало политики? // Взгляд. Деловая газета. 19 ноября 2007.

Куда движется век глобализации? Сб. ст. / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014.

Мадсен о лицемерии США: 64 «цветные революции» говорят за себя. 2015 // РИА Новости: [сайт]. URL: http://ria.ru/world/20150308/1051500189.html?rubric=world (дата доступа 08.03.2015).

Образование гор // Экосистема: [сайт]. URL: http://www.ecosystema.ru/07referats/goroobraz.htm.

Страны БРИКС создали аналог МВФ объемом $100 млрд // rbc.ru: [сайт]. URL: http://top.rbc.ru/finances/07/07/2015/559be15f9a79475a89ba60d0 (дата доступа: 7.07.2015).

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. М. : Канон +, Реабилитация, 2006.

Чумаков А. Н. «Мягкая сила» как способ решения проблем в глобальном мире // Век глобализации. 2014. № 2. С. 192–195.

Что такое литосферная плита? Генон: [сайт]. URL: http://www.genon.ru/GetAnswer.aspx?qid=93cd7844-ec02-410d-a5a7-d786bc339a5b.

Шумилов В. Н. Природа вулканов. 2010. URL: http://shumilov.kiev.ua/geofizika/priroda-vulkanov.html.

Энгельс Ф. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 20. М. : Политиздат, 1961.

Kwang Chun. The BRICs Superpower Challenge: Foreign and Security Policy Analysis. Ashgate Pub Co, 2013.

McFaul M. Importing Revolution: Internal and External Factors in Ukraine's 2004 Democratic Breakthrough. CDDRL Working Papers, May 2006.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ИЗМЕНЕНИЕ В ПОНЯТИЯХ И ОСНОВАХ

Санаи М.*

В статье рассматриваются процессы глобализации и политика мультикультурализма, их взаимодействие, а также объясняется место политики, экономики и технологий в этих процессах. Также предпринимается попытка дать ответ на вопрос: какие факторы и в каких процессах укрепляют мультикультурализм в глобализирующемся мире? Высказывается предположение, что технологии, политика и экономика в противоречивых процессах укрепляют мультикультурализм.

Ключевые слова: *глобализация, мультикультурализм, политика, экономика, культура, технологии.*

The article considers the processes of globalization, the policy of multiculturalism and their interaction. The role of policy, economy and the technologies in these processes is also analyzed. The paper also attempts to give the answer to the question: which factors and in which processes do strengthen multiculturalism in this globalizing world? It is suggested that the technologies, policy and economy in contradictory processes strengthen multiculturalism.

Keywords: *globalization, multiculturalism, policy, economy, culture, technologies.*

Тезисы

В первые годы после распада Советского Союза споры и разговоры о глобализации достигли своего апогея. Прежде всего это понятие возникло под влиянием волнений, вызванных распадом Советского Союза. Тем не менее, не так много прошло времени с тех пор, как улетучились первые простые мысли относительно становления единой культуры в мире и показалось, что распространение технологий создало определенные сходства, однако это состояние не смогло уничтожить существующие различия и разнообразие и создать определенный вид единой культуры. С другой стороны, акцент на этих различиях и/или попытках использовать принуждение для придания формы этому процессу усложнил перемены, происходившие в мире. В качестве примера можно отметить, что усилия некоторых более сильных государств после распада биполярного мира привели к тому, что вопрос глобализации превратился из исключительно социально-культурного

* Санаи Мехди – чрезвычайный и полномочный посол Исламской Республики Иран в Российской Федерации, профессор Тегеранского государственного университета, почетный академик Российской академии наук. E-mail: iran.emb@mail.ru.

вопроса в проблему, привлекающую к себе внимание определяющих политику деятелей. Кроме того, политика и экономика в связке друг с другом усилили эти различия, и экономические и политические кризисы в мире, по очереди оказывая влияние на вопрос миграции, также усилили давление на представителей всех меньшинств. Таким образом, сформировалось определенное желание способствовать сохранению культурных различий, включая расовые, религиозные и национальные. Его амплитуда менялась от положительного к отрицательному значению. В статье предпринята попытка проанализировать взаимодействие глобализации и мультикультурализма, а также объяснить место политики, экономики и технологий в этих процессах.

Преамбула

Глобализация – это понятие, дающее определение процессу изменений в мире во второй половине XX в., свидетелями которого мы были. В это время снизилось значение стран, народов и местного законодательства, но превалировали законы и процессы мирового масштаба. Этот процесс оказал свое влияние на сферы внутренней политики, местных экономик и традиционных культур. Внутри этих сфер происходит столкновение глобализации с культурами и оказание влияния на их значение в обществах, находившихся под их воздействием. Вместе с тем взаимосвязь между глобализацией и культурой – это нечто большее, чем то, о чем указано выше, конечно, она не является неким императивом. Необходимо обратить внимание на то, что значение мультикультурализма возникает из глобализации разнообразных аспектов и включает в себя и наличие в мире различных культур, и различные культуры внутри самих обществ. Таким образом, становится все труднее говорить о суверенитете одной мировой культуры. Эта статья пытается дать ответ на вопрос, какие факторы и в каких процессах укрепляют мультикультурализм в глобализирующемся мире, с предположением, что технологии, политика и экономика в противоречивых процессах укрепляют мультикультурализм.

Глобализация и культура

Перед началом дискуссии о мультикультурализме необходимо обратить внимание на источники этого явления и их связь друг с другом, то есть на связь глобализации и культуры. Когда говорят о глобализации, имеется в виду увеличение роли указанных наднациональных факторов в политике всех стран и мировой обстановке. Однако это изменение имеет более широкие аспекты. В действительности оно преобразовывает также связь человека с окружающей его средой. По мнению Джона Томлинсона, это движение от ограниченного взгляда к открытому означает не только переход от «местного порядка» к «глобальному порядку», но и большее влияние коммуникаций, транспорта и как следствие усиление «взаимозависимости» между людьми. В качестве примера можно привести тот факт, что расширение коммуникации и средств связи, а также увеличение транспортных сетей помимо возможности установления дальней связи создало также различного рода политические и культурные союзы [Tomlinson 1999: 30]

В то же время теоретики понятия «глобализация» делают акцент на усилении состояния «глобальной взаимозависимости». Они уверены в развитии существующих связей между различными частями мира, так как глобализация развивается в различных областях (посредством товарообмена, инвестиций, услуг, связи между народами, знаний, моды и даже организованной преступности и др.). Усиление

взаимозависимости и проявление глобальной взаимозависимости в мире привели к росту транснациональных телевизионных каналов. Эти каналы размывают границы, возникшие в результате разделения населенных районов по национальному, племенному, этническому и другим признакам. Если рассматривать глобализацию не только как «превращение мира в единое однородное целое» и «мировое единство» [Глобалистика… 2003: 199–215], но и как «расположение в мировых рамках», то в этом случае мы получим глобализацию в качестве целостного явления [Моини Алямдори 2003: 26–27].

С одной стороны, снижение контроля государств над своими гражданами является результатом глобализации в полном смысле этого значения. Этот неизбежный контроль в экономической области проявляется в увеличении иностранных инвестиций на международном уровне. Однако он не ограничился данной сферой и распространился на сферу культуры. С ростом спутниковых телевизионных каналов, Интернета и мобильной связи снизился контроль над культурой со стороны государств, между обществами происходит чрезвычайно интенсивный обмен различными политическими и культурными посланиями. Однако все эти изменения не означают формирования единой «мировой культуры» [Там же: 27–28].

Вторым последствием глобализации является усиление местной и мировой взаимосвязи, в том значении, что любое событие, произошедшее в одной точке планеты, может стать известным всему миру и, таким образом, усилить общемировые социальные связи. В то же время глобализация и усиление мировых социальных отношений приближают отдаленные точки друг к другу с такой силой, что любое событие, происходящее вдалеке, практически мгновенно оказывает свое влияние на все остальные точки, как будто оно произошло в данном месте [Гидденс 1998: 3]. С другой стороны, глобализация также оказывает противоречивое влияние и на баланс между человеком, народом и миром. То есть, с одной стороны, по причине наличия транснациональных сил изменился баланс между государством и народами, а с другой – нарушен баланс между человеком, государством и народом. Таким образом, сепаратистские тенденции и стремление этноса к этноцентризму также наносят ущерб государственному суверенитету.

По мнению Э. Гидденса, процесс глобализации не противоречит рациональным тенденциям и стремлениям, хотя сама глобализация является противоречивым явлением [Giddens 1996: 48]. Процесс глобализации проявляется в том, чтобы люди больше ощущали «различия», чтобы по отношению к ним они стали более чувствительными. Такая реакция со стороны людей может иметь разные оценки. Поэтому не нужно сверх меры акцентировать внимание на интеграционных аспектах глобализации, так как можно не заметить ее дезинтеграционные черты. Например, глобализация культуры не смогла уничтожить понятие границы в реальном мире, наоборот, она способствовала многочисленным конфликтам в различных точках мира для укрепления действующих границ и/или создания новых. Личность во многих случаях получила более реалистичное значение. Сейчас необходимо обратить внимание на то, что между процессом глобализации и культурой устанавливается такого рода связь в широком понимании этого слова. Наличие различий и разнообразных форм их распространения позволяет выделить три вида связей между культурой и глобализацией или реакции культуры на этот процесс:

1. Культурная совместимость. Эта реакция на глобализацию состоит из некоей метаморфозы. В этой связи обычно культуры бездействуют перед глобализацией и, принимая новую форму, утрачивают свои особенности. Такая реакция обычно считается результатом экономической глобализации в результате гегемонии капиталистического порядка и транснациональных компаний.

2. Культурный партикуляризм. Это другой вид связи между глобализацией и культурой. В отличие от мнения о культурной совместимости или становлении единой культуры некоторые теоретики убеждены, что культурная реакция не сдается и не становится пассивной в отношении процесса глобализации. В большинстве случаев реакция культур на процесс глобализации сопровождается сопротивлением и даже напряженным противостоянием, которое обычно проявляется в виде использования отличительных элементов культуры, таких как язык, религия, этнос и национальность. Иными словами, процесс глобализации, который объединяет различные аспекты жизни современного общества, укрепляет и возрождает также культурные различия.

3. Культурное смешение и изменение. На самом деле нельзя рассматривать мир со сложной и разнообразной культурой исключительно как арену борьбы или бездействия. Процесс глобализации с точки зрения культуры с наличием культурной глобализации ставит в один ряд культуры и самоидентичность, результатом чего является релятивизм, сосуществование и конкуренция. Этот вид реакции обычно называют гибридизацией, изменением и наступлением. Существует убежденность, что культуры в процессе глобализации не исчезают и не возвращаются к своим истокам. Зато они могут, смешиваясь друг с другом, продолжать свое существование [Гольмахаммади Яхйаи 2003: 82–89].

Поясняя вышеизложенное, можно сказать, что местная жизнь даже сегодня продолжает играть важную роль в гуманитарных обществах, и эта ситуация сохранится в условиях глобализации. Дж. Томлинсон в книге «Глобализация и культура» со слов Р. Робертсона говорит о глобализации – в контексте локальных процессов [Tomlinson 1999: 2]. Это та самая двойственность, скрытая в понятии глобализации. На деле происходит не только глобализация различных обществ, но в то же самое время и локализация глобализации, то есть общества, внутрь которых проникла глобализация, «переваривают» ее внутри себя, или, другими словами, локализация «переваривает» глобализацию. Арджун Аппадураи, говоря о глобализации, отделяет друг от друга политическую, экономическую и культурную области, а затем для этих областей разрабатывает пять сфер – этнос, технологии, финансы, связь и идеология. В сфере этноса он указывает на туристов, эмигрантов, беженцев и другие социальные группы, которые «находятся в движении». Сфера технологий возникает в результате взаимодействия между новыми и старыми технологиями, развития технологий связи и взаимодействия людей и коммуникаций. Сфера финансов свидетельствует о свободном движении капитала вне контроля государств.

Среди них наиболее сложными являются сферы связи и идеологии. В сфере связи Аппадураи указывает на способность передачи информации, которая во время глобализации культуры является важным фактором. Сфера идеологии также в силу идеологизированности обладает элементом власти и сопрягается с осью «государство – народ». Аппадураи убежден, что каждый человек, каждый этнос, каждое общество и государство по-разному объясняет, что такое глобализация, и непонятно, насколько такие определения соответствуют реальному понятию

«глобализации». Таким образом, глобализация в высокой степени локализирована. Из этого видно, что люди и общества не находятся в пассивном состоянии по отношению к глобализации, зато с различным пониманием глобализации они могут показать ее реальность в различных проявлениях [Appadurai 1990: 295–310].

Вопреки теориям о чистоте сообщения, мощности передатчика и пассивности получателя сообщения рецептивная теория и определяющее значение принимающего сообщение убеждают нас, что глобализация не обязательно сопровождается культурной экспансией производителей культурных текстов и сообщений. Потому что, во-первых, сообщения и тексты передаются в условиях, когда они содержат противоречащие сведения, во-вторых, получатели информации не проявляют пассивность по отношению к ней и не обязательно при расшифровке текстов остаются заложниками исходных шифров, в-третьих, в мире, который осуществляет преобразования в рамках идеологических понятий с их претензиями на связь с объективностью, правдивостью и уходом от зашоренности, акцентом на различия, усиление «маргиналов» считается определяющей особенностью нового климата для диалога, создаются условия для ухода от легитимности в политической сфере диалога и в результате открывается путь для различных «голосов» [Моширзаде 2003: 331–332].

К этому моменту стало понятным, что процесс глобализации предполагает возможность сопротивления глобализационным процессам, а также смешение культур. Таким образом, мы возвращаемся в исходную точку. Разве появилась одна мировая культура? Ульф Ханнерц говорит: «В настоящее время существует одна мировая культура. Однако лучше удостовериться в значениях этого высказывания… Нет какого-либо единого абсолютного и полного значения этого высказывания. Возникновение такого не представляется возможным. Однако мир превратился в сети социальных связей и между различными регионами усилились информационные потоки, а также движение людей и товаров» [Hannerz 1990: 237].

Глобализация и мультикультурализм во взаимодействии с технологиями

Наверное, можно сказать, что глобализация больше всего обязана технологиям. Технологии оказали глубокое влияние на все сферы сегодняшней жизни, и это влияние более всего отразилось на эволюции средств массовой информации. СМИ помимо культуры оказывают влияние на политику и экономику [Раджаи 2003: 115]. Вместе с тем здесь рассматривается их влияние на культуру. В этом значении понятия технологии, коммуникации, средств массовой информации и культуры связаны друг с другом.

Как говорит Геральд Инис, западная цивилизация находится под глубоким влиянием коммуникаций [Там же: 116]. Глобализация и коммуникации очень тесно связаны между собой. М. Маклюэн устанавливает связь между средствами массовой информации и глобализацией, сравнивая мир с «глобальной деревней». Многие исследователи рассматривали связь между глобализацией и средствами информации. Большинство теоретиков уверены, что не существует глобализации с практической точки зрения научности средств информации и коммуникаций. Т. Рантанен выделяет роль средств информации и коммуникации в глобализации, поскольку они объясняют глобализацию как процесс, в течение которого посредством времени и пространства создаются мировые экономические, политические,

культурные и социальные связи в виде соответствующих процессов [Rantanen 2005: 4–8]. Т. Флоу говорит, что средства массовой информации по трем причинам играют главную роль в глобализации. Во-первых, многие средства массовой информации по сравнению с прошлым осуществляют свою деятельность в мировом масштабе. Во-вторых, инфраструктура мировых средств связи облегчает мировые информационные потоки. В-третьих, мировые средства массовой информации играют ключевую роль в том, каким образом мы увидим события, происходящие в различных точках мира и в развивающихся близких по духу общественно-политических блоках [Movius 2010: 8].

Разрушение времени и пространства происходит посредством электронных средств массовой информации, и этот процесс привел к тому, что сформировались новые проявления подобно партнерской журналистике, онлайн-социуму и транснациональной организованной деятельности через онлайн-каналы. Революция ICT привела к изменению формы среды СМИ и созданию новых средств информации, например локальных информационных каналов, основанных на цифровых технологиях [*Ibid.*: 9]. В то же время мы видим, что все эти предпосылки, ведущие к глобализации, не привели до настоящего времени к формированию единой мировой культуры, а даже усилили проявления мультикультурализма.

Связь глобализации и мультикультурализма является очень сложной. В условиях мультикультурализма народ принадлежит к различным и многообразным культурам, и культурные различия существуют в той степени, в которой они проявляются между разными государствами, а также внутри одной страны между различными районами, этническими группами, городами и деревнями [King 1990: 409]. В реальности мировые потоки мыслей, представлений, укладов жизни и особенно людей изменили многие общества в той или иной степени в плане присутствия в них разнообразных культур, сосуществования и культурного смешения. В то же время одним из самых явных примеров сосуществования и культурного смешения является жизнь людей и групп, которые по различным причинам покидают свою родину и места рождения и проживают на новых территориях. Такие люди хоть и вынуждены идти на уступки и сосуществовать с новыми культурами, однако они сохранили память о своей принадлежности к родине. На деле они, не смешиваясь полностью с культурой своего нового общества и не вступая с ней в конфликт, возрождают первичную культуру. Эти люди учатся жить по крайней мере в условиях двух культур [Hall 1996: 310].

Можно привести много примеров существования мультикультурализма и культурного смешения, которые объясняют возможность культурного плюрализма. Сегодня безграничность социальных институтов и культурных ориентиров превратила многие городские, местные, национальные и региональные социальные группы в арену, где присутствуют различные культуры, а транснациональная и трансрегиональная миграция сделала неизбежным сосуществование и культурное смешение в крупных городах мира [Albrow 2000: 119–122]. В то же время в данном процессе необходимо обратить внимание на следующий момент: если процесс миграции происходит только на уровне одной национальности, этноса, религиозной группы и тому подобных случаев, то осложняется взаимодействие внутри общества и между этими культурными группами. Но если миграция происходит за счет различных групп, процесс сосуществования будет мирным.

С другой стороны, с возникновением мировых интернет-каналов в отличие прежних цивилизаций, которые возникли в особой географической зоне мира, новая цивилизация охватила весь мир и все человечество. Обострение глобализации усилило давление на связь между образующими единицами и сделало эту связь более сложной и запутанной. Многие ожидают, что ее результат будет идентичным. Если при определенном процессе будет повсеместно использоваться английский язык и все смогут на нем говорить, это не означает, что мир станет однородным. Возникнет совершенно новый мир, в котором, возможно, будет такое же количество культур или даже больше. Потому что культура – это не только вопрос народовластия, науки и инвестиций, но и вопрос литературы, обычаев, нравственности, обучения, воспитания, структуры семьи. Глобализация не меняет коренным образом и не уничтожает многообразия в существовании человечества, которому каждая культура придает свой особый оттенок.

Также и в объяснении значения технологий можно достичь такого результата, что в процессе глобализации технологии будто бы выступают в качестве определяющего способа действий. То есть формируется мнение, что в процессе использования технологий глобализация якобы развивается и повышается ее стремление не замечать границы и претерпевать изменение в рамках одной мировой культуры. В любом случае такая точка зрения в значительной степени упрощает суть вопроса. Стремление к использованию новых технологий, особенно в области связи, хоть и размывает значение границ и расстояний, однако единая культура в мире еще не стала доминирующей, а в некоторых случаях глобализация вызвала обратный эффект.

Глобализация и мультикультурализм: действие экономики и политики

Глобализация хоть и распространена в экономической и политической сферах, однако предмет настоящей статьи – воздействие экономики и политики для достижения мультикультурализма и в этом понимании главной является одна из культурных реакций по отношению к глобализации, которая имеет тот же самый культурный партикуляризм. Данный партикуляризм проявляется прежде всего в этноцентризме, национализме и религиозных явлениях. Разумеется, этнический и национальный партикуляризм слишком завуалирован и взаимосвязан. Теперь можно указать на этнический партикуляризм. Социологи XX в. описывали этническую и расовую сущность как один из вариантов отсталости и исторической беспорядочности, которая под влиянием коммунизма и/или либерально-демократических институтов трансформируется и исчезает [Esman 1999: 260]. Однако изменения и события конца XX в. подтвердили неправильность этих прогнозов. Так, мировое сообщество вошло в третье тысячелетие по христианскому летоисчислению в условиях, когда оно столкнулось с движениями и многочисленными *этническими распрями, которые распространились на территориях неразвитых* обществ Африки и Азии, а мировой прогресс, который, казалось, решил вопросы национализма и этнического сепаратизма, столкнулся с напряжением и насилием на почве этноцентризма. Статистические данные показывают, что многие страны мира являются многонациональными, в них проживают две и более социальные этнические группы. Эти социальные группы конкурируют между собой мирным или насильственным путем с целью получения независимости, автономности и/или ассимиляции для достижения лучшего положения в обществе.

С исторической точки зрения национализму более 200 лет, и его можно назвать самой мощной силой в современном мире. Это явление, так же как и этноцентризм, в силу влияния идеологий марксизма, либерализма и теории модернизации проявлялось таким образом, будто оно в процессах изменения, совершенствования и обновления общества постепенно растворялось и исчезало. Тогда как Энтони Смит, выдающийся теоретик национализма, считает, что сепаратистские движения в Канаде, Шотландии, Британии, Испании и других регионах Запада приводят к дискредитации общих предположений относительно развития и демократии. Смит также уверен, что гнет, националистические и этнические движения в Восточной Европе, России, Ближнем Востоке, Индостанском полуострове и других районах еще раз поставили национализм в разряд вопросов мирового значения [Hutchinson 1994: 10–11]. Э. Гидденс рассматривает недавний подъем национализма в рамках локальных националистических движений, он считает национализм продуктом новых возможностей, которые создаются в процессе глобализации для воспроизводства локальной идентичности [Giddens 1996: 3132]. В некоторых работах также говорится о третьей волне или третьем виде национализма, который сформировался с окончанием холодной войны, и хотя имеет сходство с предыдущими формами национализма, но также от них отличается. В предыдущих формах национализма делался акцент на политические национальные движения, в них проявлялись некоторые пласты интернационализма, либеральные и антиимпериалистические течения. Современный национализм имеет антилиберальные, шовинистические и монополистические черты. Другими словами, третья волна национализма основывается на установлении идентичности и различии противоположных позиций [Holton 1998: 136]. Все названные моменты свидетельствуют о том, что последние десятилетия двадцатого столетия сопровождались поступательным проявлением и распространением культурного партикуляризма.

Другим вопросом культурного партикуляризма является религиозный фундаментализм. Последний не ограничивается ни одной крупной мировой религией и с географической точки зрения также является крайне многообразным. Конечно, хотя и существует большое разнообразие принципов и особенностей фундаментализма, но некоторые его элементы в той или иной степени можно обнаружить во всех формах религиозного фундаментализма. В общем можно сказать, что фундаментализм является своего рода социально-религиозной реакцией на абстрактные угрозы, навязываемые процессом глобализации, люди не принимают его и в тоже время предлагают примеры идеального общества в своем видении.

С учетом вышеизложенного сейчас можно заново взглянуть на усиление процесса мультикультурализма. Хотя процесс глобализации в сфере экономики усилился в виде прямых иностранных инвестиций и/или создания денежно-финансовых рынков, однако он также присутствует в материальных сферах. Например, для рабочей силы сформировался мировой рынок, миграция усилилась и стала более сложной. Исходя из этого, некоторые называют нынешний век «веком миграции» [Sutcliffe 1998: 325]. В общем миграция преследует различные цели. Однако важная ее часть связана с глобализацией, то есть миграция преследует прежде всего экономические цели. Такой вид миграции можно увидеть прежде всего в промышленных и нефтедобывающих странах Персидского залива, тогда как количество мигрантов других развивающихся стран не выросло так зна-

чительно. В любом случае экономической глобализации сопутствует мировое движение товаров, услуг, информации и рабочей силы, поэтому увеличение количества мигрантов в мире необходимо расценивать как часть этого процесса. Показателем большей прозрачности политических границ являются национальные экономики, которые хотя и связаны с мультикультурализмом, но не являются сложными. В целом все мигранты находятся в многочисленных этнических или религиозных группах. Как уже было сказано, с распространением глобализации по многим причинам, которые были указаны выше, во многих случаях произошло культурное смешение и/или даже культурный партикуляризм, и это распространилось также и в рамках религиозного фундаментализма. С другой стороны, в этих странах со временем по экономическим причинам проявилась другая реакция партикуляризма, которая имела националистические подходы и в политическом плане также больше тяготела к правому экстремизму. Принципиальным фактором политических и экономических проблем считается наличие в этих странах мигрантов и меньшинств, в таких странах имели место протесты, даже сопряженные с насилием и террором. Такое положение проявляется особенно в промышленно развитых государствах, где наиболее сильны многочисленные различия между мигрантами и коренным населением в ряде сфер, например в религии, этносе и др. В рамках политики эта проблема в некоторых европейских странах привела к возникновению и усилению устремлений правых радикалов. И даже в такой стране, как Норвегия, были случаи, сопряженные с насилием и террором. В таких случаях, ограничивая миграционные законы, политические деятели также провоцируют рост насилия. Конечно, ответной реакции в таком виде немного, и это само различие в реакции скажется на мигрантах. Реакцией на эти устремления будет культурное сопротивление в максимальной его форме и стремление сохранить условия мультикультурализма. В то же время это в большей степени ставит под вопрос глобализацию и связанные с ней интеграционные процессы и закрепляет одобрение в указанных условиях долговечности двух реакций – культурного партикуляризма и мультикультурализма.

Выводы

Это исследование прежде всего – попытка дать объяснение ситуации мультикультурализма, сложившейся в последние десятилетия XX в. и начале XXI в. Таким образом, учитывая наличие многочисленных влиятельных факторов в проявлении мультикультурализма, мы рассмотрели влияние технологий, а также политики и экономики на процесс глобализации до достижения этапа мультикультурализма. Исследуя процессы глобализации и мультикультурализма, можно увидеть, что в первой фазе технологии являются ускоряющим фактором процесса глобализации, тем не менее данный фактор нельзя считать ускоряющим создание определенной мировой культуры, культуры, которая еще не проявилась до сегодняшнего дня. Наоборот, это значение вместе со значением глобализации в условиях, которые были указаны выше, стало укрепляющим фактором мультикультурализма. Это проявление мягкой формы мультикультурализма заканчивается реакцией на глобализацию культуры, которая является культурной метаморфозой и характеризуется излишним сопротивлением в ней. Кроме того, во время экономических и политических кризисов в мире все меньшинства оказались под давлением, и это вызывает их соответствующую реакцию. Таким образом, сформировалось определенное стремление к культурному отличию по расовым, религиозным

и национальным признакам, амплитуда которого изменялась от положительных значений до отрицательных, что оказало влияние на процесс глобализации. Влияние, которое сегодня как минимум находится на том уровне, когда невозможно сказать с уверенностью, что глобализация является фактором формирования единой мировой культуры, и это проявляется даже внутри полностью развитого общества. Поэтому, по прошествии времени и с утратой былых оптимистичных представлений, сегодня иное рассмотрение мультикультурализма не является необычным делом.

Таким образом, с самого начала развития глобализации в основных теориях, определяющих это значение, а также сопутствующих ему, произошли коренные изменения. Метаморфозы и сопротивление, которые когда-то сформировали две распространенные реакции на глобализацию и нашли отражение в соответствующей литературе данного явления, столкнулись с мультикультурализмом, который тоже непосредственно связан с глобализацией. Таким образом, бесспорно, что процесс глобализации обусловлен тем, каким образом народ создает культуры, традиции и свою местную идентичность в рамках примеров всеобъемлющей глобализации. Процесс глобализации, подрывая корни и истоки традиций и национальных культур, стимулирует возрождение традиционной идентичности, а также создает новые источники и возможности для того, чтобы каждый человек мог использовать их для реконструкции своей национальной идентичности. Такая идентичность вопреки той, которая создана в традиционном обществе, является очень подвижной, изменчивой и закрывает путь к фундаментализму. В конечном счете все это создает необходимые условия и возможности для того, чтобы люди могли думать глобальными категориями и жить в реальном мире, измеряемом локальными масштабами.

Литература

Гидденс Э. Последствия модернизации. Тегеран : Нашре Марказ, 1998.

Глобалистика. Энциклопедия / Гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М. : Радуга, 2003.

Гольмахаммади Яхйаи. Глобализация и культура // Культура в век глобализации: вызовы и возможности / сост. М. Тоухид Фам. 1-е изд. Тегеран : Луч, 2003.

Моини Алямдори Дж. Глобализация как момент новой цивилизации // Культура в век глобализации: вызовы и возможности / сост. М. Тоухид Фам. 1-е изд. Тегеран : Луч, 2003.

Моширзаде Х. Процесс глобализации, женщины третьего мира и гегемония западного феменизма // Культура в век глобализации: вызовы и возможности / сост. М. Тоухид Фам. 1-е изд. Тегеран : Луч, 2003.

Раджаи. Культура, проявление глобализации: состояние человечества и информационной цивилизации. Тегеран : Агах, 2003.

Albrow M. Travelling Beyond Local Cultures // The Globalization Reader / Ed. by F. Lechner, J. Boli. New York : Blackwell Pub., 2000.

Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Culture Economy // Theory Culture and Sociology. 1990. No. 7.

Esman M. Ethnic Politics // The Social Science Encyclopedia / Ed. by A. Kuper, J. Kuper. London : Routledge, 1999.

Giddens A. Beyond Left and Right. Cambridge: Basil, Blackwell, 1996.

Hall S. The Question of Cultural Identity // Modernity and it's Future / Ed. by S. Hall, D. Held, A. McGrew. Camridge : Polity, 1996.

Hannerz U. Cosmopolitans and Locals in World Culture // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity / Ed. by M. Featherstone. London, 1990.

Holton R. Globalization and the Nation-State. London : McMillan, 1998.

Hutchinson J., Smith A. Introduction // Nationalism / Ed. by J. Hutchinson, A. Smith. Oxford : Oxford University Press, 1994.

King A. Architecture, Capital and the Globalization of Culture // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity / Ed. by M. Featherstone. London : SAGE, 1990.

Movius L. Cultural Globalization and Challenges to Traditional Communication Theories // PLATFORM: Journal of Media and Communication January 2010. No. 2(1). Pp. 6–18.

Rantanen T. The Media and Globalization. London : Sage, 2005.

Sutcliffe B. Freedom to Move in the Age of Globalization and Progressive Economic Policy. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.

Tomlinson J. Globalization and Culture. Cambridge : Polity Press, 1999.

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО

Моисеев А. А.[*]

Споры вокруг природы, характерных признаков, определений, времени появления глобализации не утихают. Представители самых разных наук: философы, экономисты, юристы-международники, историки, социологи, культурологи, экологи, географы, представители технических наук так и не пришли к общей позиции относительно этого общественно-исторического явления. В статье предпринимается попытка привести аргументацию в пользу утверждений, что возникновение глобализации связано с прекращением существования СССР, что она соответствует концепции «золотого миллиарда», имеет свои положительные и отрицательные стороны. Автор убежден, что по сути глобализация является объективным экономическим явлением распространения принципов рыночной экономики на большинство государств мира, но не является правовым феноменом.

Ключевые слова: *глобализация, «золотой миллиард», рыночная экономика, Интернет, ТНК.*

The disputes about the nature, characteristics, definitions, and origins of globalization continue until present moment. The representatives of different scientific fields: philosophers, international economists and lawyers, historians, sociologists, culture experts, ecologists, geographers, and representatives of technical science have not agreed upon this socio-historical phenomenon. The present article argues that globalization emerged due to the collapse of the Soviet Union and that it correlates with the concept of the "Golden billion" and has certain positive and negative aspects. The author is convinced that globalization is an objective economic phenomenon which leads to the distribution of the market economy principles in most countries of the world, but still it is not a legal phenomenon.

Keywords: *globalization, "Golden billion", market economy, Internet, transnational corporations.*

Глобализация является объектом исследования представителей обществоведческих и других наук: философы, экономисты, юристы-международники, историки, социологи, культурологи, экологи, географы, представители технических наук практически всех государств изучают глобализацию с самых разных аспектов. Разнообразие определений и характерных признаков глобализации, отмечаемых исследователями, поражает воображение своим многообразием. Однако, исследуя всемирную глобализацию как всеобъемлющий феномен, наука к настоящему времени так и не пришла к общепринятой позиции относительно этого общественно-исторического явления.

[*] Моисеев Алексей Александрович – д. ю. н., доктор права Австралии, проректор по международным связям Российской таможенной академии, вице-президент Российской Ассоциации международного права. E-mail: moiseevlaw@gmail.com.

За много веков до появления ООН, транснациональных корпораций и Интернета целостность мира воплощалась в повсеместном распространении знаний, технических и технологических новшеств, основанных на единобожии мировых религий, вершин философской мысли, художественных шедевров. В этом смысле верно полагать, что провозвестниками глобализации были Христос, Магомед, Будда, свой бесценный вклад в нее внесли У. Шекспир, М. де Сервантес, Л. Толстой, другие гении, творчество которых перешагнуло пределы национальной культуры и стало неотъемлемой частью целостной культуры мира [Шахназаров 2000: 185].

Известно, что термин «глобализация» был введен в научный оборот Р. Робертсоном, который впервые использовал его в 1983 г., а в 1992 г. изложил основы концепции глобализации в своем исследовании «Глобализация, социальная теория и глобальная культура» [Robertson, Lechner 1985; Robertson 1992; 1995; 2001]. С того времени применительно именно к международным экономическим отношениям стал широко использоваться термин «глобализация». Характерно, что основная масса всех научных исследований, посвященных глобализации, появилась только в начале 1990-х гг., после чего количество книг и статей по этой проблематике стало стремительно увеличиваться.

Очевидно, что возникновение глобализации не произошло мгновенно в один исторический момент. Говоря об истории вопроса, различные авторы относят время возникновения глобализации к различным историческим периодам [Global… 2014; Глобалистика… 2003].

Некоторые ученые считают, что зачатки глобализации можно обнаружить в эпоху Античности. В частности, Римская империя была одним из первых государств, которое в VII–IV вв. до н. э. утвердило свое господство над Средиземноморьем и привело к глубокому переплетению различных культур и появлению местного разделения труда в регионах Средиземного моря.

Другие видят глобализацию прямым продолжением интернационализации капитала, начало которой отнесено к периоду Великих географических открытий XV в. и устойчивого экономического роста в Европе XVI–XVII вв., когда было положено начало создания мировой экономики вокруг нескольких центров становления европейского капитализма, во время проникновения европейцев в иные культуры, когда португальские, испанские, британские торговцы распространились по всему миру и занялись колонизацией Америки [Чумаков 2014].

Третьи связывают возникновение глобализации с идеями немецкого философа И. Канта (1724–1804) относительно формирования мирового правительства как гарантии «обретения вечного мира».

Четвертые полагают, что появление глобализации произошло в XIX в. и было вызвано быстрой индустриализацией, которая привела к росту торговли и инвестиций между европейскими державами и США, а также к империалистической эксплуатации их колоний. Причем, по их мнению, в первой половине XX в. процессы глобализации были прерваны двумя мировыми войнами и разделявшим их периодом экономического спада, однако после Второй мировой войны глобализация возобновилась в ускоренном темпе. Ей способствовали улучшения в технологии, которые привели к быстрым морским, железнодорожным и воздушным перевозкам, а также доступности международной телефонной связи.

Их оппоненты, наоборот, считают, что «мировые войны были исторически самым первым проявлением взаимозависимости и целостности мира» – первоначальным опытом глобализации, а вторым подобным опытом – «пришедшееся на XX в. становление техносферы – искусственной среды жизнедеятельности человека» [Косолапов 2000: 129].

Пятые делят глобальные процессы на периоды и видят их связь с информационным этапом современной научно-технической революции и ее реальным влиянием на развитие мировой экономики, финансов, телекоммуникационных и транспортных систем, науки, с нарастающей скоростью преобразующих бытие человечества. Они наделяют понятие глобализации статусом одного из главных направлений мирового развития на этапе становления информационного общества, считают Интернет символом глобализации, подчеркивают все возрастающий вес в жизни человечества охватывающих весь мир транснациональных организаций, корпораций, движений, отмечают глобализацию финансово-кредитной сферы [Dolffus 1997: 13; Подберезкин 2001: 117–118].

Однако все такие попытки определения периода начала процесса глобализации не отвечают на ряд важных вопросов: почему, несмотря на существование с 60-х гг. XX в. термина «глобальные проблемы», термин «глобализация» не возник раньше, а только в 90-е гг. XX в.; в чем разница между мировым и глобальным; чем отличается «глобализация» от таких понятий, как «государственная интеграция», «международное» и «межгосударственное сотрудничество», «международная кооперация» и т. п.; есть ли у «глобализации» альтернатива и носит ли она объективный характер; почему, исходя из предложенной логики, не назвать «глобализацией» все то, что относится к истории человечества или хотя бы к истории межгосударственного сотрудничества?

Для ответа на вышепоставленные вопросы попробуем разобраться в многообразии признаков, качеств, проявлений, преимуществ и недостатков глобализации в различных областях, в подходах и высказываниях, упоминаемых в научной литературе. Попытаемся выявить общее, позволяющее установить начало отсчета для представления о процессе глобализации, о его формах проявления и месте глобализации, занимаемом в истории развития человечества.

Большинство исследователей увязывают начало развития глобализации с экономическим развитием государств и, в частности, с распространением рыночных отношений. Начиная с 80-х гг. XX в. лидеры США и Великобритании Р. Рейган и М. Тэтчер пропагандировали идеологию свободной рыночной экономики, утверждая, что простое распространение рыночных отношений способно уничтожить бедность и объединить культуры разных государств.

Вплоть до азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. теоретики глобализации получали подтверждение правоты продвижения рынка как приоритетной тенденции в современном мировом развитии. Действительно, в то время постиндустриальное общество, характерное для жизни развитых государств мира, достигло серьезных социально-экономических показателей. Западный мир продемонстрировал способность развиваться на собственной основе и решающим образом влиять на основные общемировые тенденции, проводить собственную стратегию глобализации в мире, так называемую политику вестернизации по принципу «The West and the Rest» [Иноземцев 2001].

В работах отечественных ученых часто отмечается западоцентричность глобальных процессов, которая выражается в «экспансии мирового капитализма» [Миронов 1997; Неклесса 1999: 113; Уткин 2001: 45]. В зарубежной научной литературе глобализация в первую очередь рассматривается в связи с феноменом вестернизации как основного направления модернизации современного мира, глобального проникновения культуры евроатлантической цивилизации, распространения западного капитализма и западных институтов. Английский историк Р. Конквест заявил, что «вряд ли кто-либо всерьез сомневается в том, что именно Запад в общем смысле является основой и центром того, что сегодня представляют собой международное сообщество или мировая политическая культура» [Conquest 2000: 240].

Возникает вопрос: где находятся истоки вестернизации, какова ее идеологическая основа? Отвечая на этот вопрос, сразу вспоминается несколько подзабытая концепция «золотого миллиарда». Безусловно, мы не устанавливаем прямой аналогии между вестернизацией, глобализацией и «золотым миллиардом», но очевидно, что все эти концепции направлены на создание особых условий для граждан одних и тех же известных государств.

Теория «золотого миллиарда» как целостная геополитическая, экономическая и культурная концепция образовалась в результате пессимистического признания ограниченности земных ресурсов и невозможности их распространения на все население планеты. Термин «золотой миллиард» стал своеобразным наследием Римского клуба[1], представители которого утверждали, что причиной международных кризисов является нехватка жизненно важных ресурсов и как следствие – увеличивающаяся пропасть между богатым Севером и бедным Югом. Идеология глобализации из всего содержания концепции «золотого миллиарда» выделяет одну ее сторону – необходимость доступности ресурсов планеты для лидеров мировой экономики как наиболее приспособленных к мировому рынку, подразумевая прежде всего США и ведущие европейские государства [Богатуров 1999: 32].

Идеологи концепции «золотого миллиарда» исходят из того, что для благополучной жизни на Земле при оптимальном использовании ресурсов, сырья и энергии достаточно только для 1 млрд человек[2]. Численность населения планеты непрерывно растет: на 1 января 1990 г. на Земле проживало более 5,2 млрд человек, в 2000 г. – более 6 млрд человек, в начале 2007 г. численность населения планеты составила 6,6 млрд человек и уже уверенно приблизилась к семимиллиардной отметке. Не является открытием, что «золотой миллиард» составляют в основном граждане США, Европы и Японии, а 80 % земного населения из Азии, Африки, бывшего СССР, Латинской Америки – стран, обладающих основной массой ресурсов, которым предписывается роль сырьевых колоний, – функциональной ценности для избранного «миллиарда» не представляет.

[1] Римский клуб – международная неправительственная организация, созданная в 1968 г. по инициативе вице-президента фирмы «Оливетти» А. Печчеи, объединяющая представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты. В разное время действительными членами клуба были академики Д. М. Гвишиани, Е. К. Федоров, Е. М. Примаков, А. А. Логунов, С. Капица, Ч. Айтматов, а также М. С. Горбачев и Б. Е. Патон.

[2] По расчетам влиятельного американского ученого Д. Пиментела в 1987 г., «относительно высокие стандарты жизни могут быть обеспечены для всех живущих на Земле лишь если ее население составляет примерно один миллиард» [Медоуз и др. 1994].

Западные специалисты справедливо считают, что удержать простыми уговорами 7 млрд человек нищего населения практически невозможно. Согласно этой концепции, для сохранения высокого уровня потребления своих граждан промышленно развитые государства должны экономическими и военными мерами держать остальной мир в промышленно неразвитом состоянии в качестве сырьевого придатка и зоны сброса вредных отходов. Меры по достижению контроля над естественными и природными ресурсами Земли уже предпринимаются представителями Запада.

Разумеется, в отличие от термина «глобализация» термин «золотой миллиард» не употребляется в официальных документах[3]. Он, как правило, заменяется набором понятий и определений, а реальный смысл становится ясен из контекста. Неудивительно, что, игнорируя резолюцию ГА ООН 1974 г. об установлении нового экономического порядка[4], в декларативных программах ООН на 1990-е гг. были изъяты положения о суверенитете государств над их естественными и природными богатствами. Фактически ставится под сомнение принцип уважения суверенитета государств над их территорией и ресурсами под предлогом избежания «риска разбазаривания сырья по национальным квартирам». Обладание Российской Федерацией природными ресурсами также рассматривается мондиалистами[5] как несправедливый исторический факт. Результатом радикального мондиализма являются попытки обоснования «права» Запада на применение силы, например против ряда государств Ближнего Востока.

В чем же проявляется глобализация в настоящее время?

Практически все ученые-обществоведы признают объективный характер глобализации, делая акцент именно на ее экономической составляющей. Они полагают, что сегодня именно в экономике связи между государствами становятся теснее, взаимная зависимость – жестче, а потребность в многосторонней координации – насущнее [Богомолов 2000; Клепацкий 2000; Максименко 1999: 94; Неклесса 1999].

Развитие глобализации приводит к таким экономическим явлениям, как проницаемость межгосударственных границ для свободного движения финансовых потоков, перемещения товаров, услуг, технологий, рабочей силы, то есть к распространению правовых режимов наибольшего благоприятствования и нацио-

---

[3] Термин «золотой миллиард» приобрел широкое хождение на Западе и стал означать население государств первого мира, в основном входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (Organisation for Economic Cooperation and Development – OECD).

ОЭСР – международная экономическая организация развитых государств, объединяющая 34 государства-члена, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики. ОЭСР создана в 1948 г., на долю ее государств-членов приходится около 60 % мирового ВВП. Россия вступила в переговорный процесс для обсуждения условий вступления в организацию с 2007 г.

[4] Резолюция ГА ООН № 3201, 01.05.1974. Декларация об установлении нового международного экономического порядка и Программа действий по установлению нового международного экономического порядка.

[5] Мондиализм – социальное и общественное движение за объединение мира и его отдельных регионов на федеративной основе с общим и всемирным правительством. Доктрина, согласно которой национальное и государственное как минимум второстепенно, как максимум – не имеет права на существование. В романских языках мондиализм выступает как синоним глобализации, не говоря уже о схожести многих исходных положений, на которых они основываются. Организации, имеющие своей целью создание мирового правительства: Совет по международным отношениям (1921, Council on Foreing Relations), Бильдербергский клуб (1954, Бильдербергская группа), Трехсторонняя комиссия (Европа, Япония, США) (1973, Trilateral) [Дугин 1997: 121–130; Фукуяма 1990].

нального режима в упомянутых сферах. Государства с рыночной экономикой сближаются по уровню цен на товары, прибыльности предприятий и зарплат, усиливается тенденция к международному аутсорсингу, растет число и размер слияний компаний внутри государств и на международном уровне, которые сопровождаются реструктуризацией и уменьшением количества занятой рабочей силы. В результате происходит частноправовая универсализация рыночных отношений через утверждение единых экономических принципов, обычаев и правовых норм для субъектов международных экономических отношений, а в результате – усиление взаимосвязи и взаимозависимости национальных рынков государств.

Сторонники глобализации отмечают целый ряд преимуществ, которые состоялись благодаря глобализации. По их мнению, глобализация ослабляет предпосылки конфликтов, способствует миру во всем мире, установлению и укреплению демократии, развитию глобального гражданского общества, подотчетности властей и верховенству закона. Всемирная торговля способствует «открытию» национальных границ, развитию производства, распространению западных стандартов потребления, быта, мировосприятия на другие государства. Благодаря глобализации произошел рост производительности в сельском хозяйстве, улучшилась сфера здравоохранения, за счет технического прогресса разработано множество новых материалов, уменьшивших потребность в сырье, снижена материалоемкость в тех производствах, в которых заменить натуральное сырье на синтезированное не удалось. В то же время происходит быстрый рост добычи разведанных запасов полезных ископаемых.

Укажем и негативные стороны процесса экономической глобализации. Известный финансист Дж. Сорос предупреждает, что экономическая функция современного капитализма не просто начинает доминировать над остальными сферами общественной жизни, но и делает главной и чуть ли не абсолютной ценностью мотив получения прибыли [Сорос 1999: 262]. В экономических отношениях все больше преобладает спекулятивно-ростовщический принцип получения прибыли вместо конкурентно-производительного. Глобализация в экономике приводит к неравномерности развития стран «золотого миллиарда» и развивающихся государств, ведет к концентрации могущества в руках богатого Севера, к эксплуатации труда капиталом и расслоению общества: обогащению богатых и обнищанию бедных. Информатизация и автоматизация производства приводят к утверждению экономики, не нуждающейся в рабочих. В промышленных отраслях политику производства определяет достаточно узкий круг высокопрофессиональных специалистов и интеллектуалов, что порождает «элитарность» как организующий принцип экономической жизни, а следовательно, и системы образования.

Работодатели острее нуждаются в наиболее продуктивных сотрудниках в условиях глобализации, что напрямую связано с образованием. Для достижения высокой производительности труда в любом государстве ТНК заинтересованы привлекать квалифицированный персонал и удерживать самых лучших работников. ТНК вынуждены предлагать лучшую систему оплаты труда, чем национальные компании, достигать договоренностей с профсоюзами. В свою очередь это вынуждает местные компании повышать стандарты работы с персоналом.

В условиях информационно-технологической революции претендовать на достойное место могут лишь государства, граждане которых обладают достаточно высоким уровнем образования. На усиливающееся материальное расслоение общества как в развитых, так и в развивающихся государствах во многом влияет неравный доступ граждан к образованию. Только высококвалифицированные граждане могут сохранить свой социальный статус или выиграть в процессе глобализации, причем значительное число работников рискует оказаться в числе безработных [Рифкин 1997: 78–79].

Международный финансовый рынок стал самым первым глобальным рынком и остается самым крупным международным рынком до настоящего времени [Моисеев 2006б: 57–68]. Если в 1990–1998 гг. валовой мировой продукт и объем торговли в мире выросли на несколько процентов, то стоимость сделок с ценными бумагами увеличилась почти на два порядка [Доклад… 2000]. Благодаря развитию телекоммуникационных технологий круглые сутки многомиллиардные суммы мгновенно перебрасываются из одной части мира в другую. Современная международная финансовая система оказалась весьма эффективной в условиях компьютеризации и либерализации валютно-финансовых отношений на международном уровне.

Глобализация охватывает все государства мира, не обращая внимания на различие их политических режимов. За короткий исторический период в товарно-денежные отношения международного финансового рынка были вовлечены все регионы и сферы человеческой деятельности, изменены пропорции и расстановка сил между государствами, корпорациями, изменились соотношения между политикой и экономикой, финансами и производством, конкуренцией и научно-техническим прогрессом. Быстрое распространение финансовой информации по всему миру благодаря Интернету, непрерывное движение частного капитала с помощью всевозможных финансовых инструментов: ценных бумаг, акций предприятий, паевых фондов, товарных фьючерсов и пр., деятельность финансовых фондов и бирж, которые практикуют займы под залог ценных бумаг и игру на валютных курсах, действительно носят глобальный характер.

Вместе с тем обостряется угроза мировой капиталистической системы, которая в начале XX в. была названа В. Паретто экономикой «финансовых пузырей». Поскольку финансовые спекуляции становятся более привлекательными, чем любая производственная деятельность, количество финансовых сделок растет неизмеримо быстрее числа реальных товарных соглашений, что в конечном итоге приводит к глобальному финансовому кризису. Первым таким стал азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. Растет тревога по поводу того, что под угрозу может быть поставлена «целостность культур и суверенитет государств» [Аннан 2000].

Наиболее активными субъектами глобальных экономических отношений являются транснациональные корпорации[6]. Процесс глобализации упростил взаимоотношения ТНК с правительствами государств, он заставляет компании оптимизировать управление, активно вовлекать новые технологии, увеличивать объемы, скорость и интенсивность трансгосударственных перемещений капиталов,

[6] ТНК – это не только производственные компании, но и транснациональные банки, телекоммуникационные, страховые, аудиторские компании, инвестиционные и пенсионные фонды.

информации, услуг и человеческих ресурсов и таким образом оптимизировать возможности компаний из разных государств на мировом рынке. Никогда в истории частные компании не были столь финансово могущественными. Финансово слабые государства попадают под прессинг ТНК и становятся их жертвами, отдавая рычаги экономического управления индустриально развитому Западу [Gray 1998: 4; Krugman 1996; Zurn 1995: 141–165].

В результате деятельности десятков тысяч ТНК и сотен тысяч дочерних филиалов ТНК мировая экономика функционирует как единая экономическая система, единый глобальный организм с развитой сетью мировых коммуникаций, всемирным Интернетом[7]. Эффективная деятельность ТНК связывается с гибким подходом этих компаний к работе на национальных рынках и высокой компетентностью их сотрудников. ТНК используют в конкретном регионе мира наиболее подходящие условия для бизнеса, учитывая состояние социальной и промышленной инфраструктуры, производственные стандарты и национальное законодательство, квалификацию рабочей силы, уровень ее социальной защиты и оплаты, паритет покупательной способности национальной валюты, ее обменный курс и соотношение с твердыми валютами, близость к источникам сырьевых ресурсов и даже климатический фактор.

ТНК диверсифицируют свой процесс производства, чтобы падение стоимости одной составляющей компенсировалось ростом другой, и сбывают свою продукцию на международном рынке, планомерно выстраивая спрос и предложение. Крупные корпорации способны снижать цены и разорять мелких производителей во всех секторах экономики. Управляя широким спектром средне- и долгосрочных экономических тенденций, ТНК умело организуют свою деятельность в глобальной среде рынка [Badie 1995; Косолапов 2000: 130–132; Неклесса 1999: 108–113]. Суть возникшего в этой связи противоречия заключается в том, что руководство ТНК в своем устремлении получать сверхприбыли утрачивает чувство гражданской ответственности, демонстрируя безразличие к судьбам не только конкретных народов, но и человечества в целом.

Конечно, сложно разделить категоричные точки зрения, согласно которым глобализация якобы является результатом сговора межнационального класса людей с целью ограбления и исключения из индустриального прогресса менее развитых государств, а также с целью создания зависимости государственной политики от деятельности частных компании в пользу роста прибылей ТНК[8]. Благодаря глобализации общечеловеческая цивилизация в основном движется в сторону параметров и ценностей евроатлантического миропорядка, превращая мировое сообщество в единое мировое общество, укрепляя мировую иерархию богатого Севера и бедного Юга.

Неправильно было бы отгораживаться от глобализации лишь на том основании, что она основывается на западных принципах построения бизнеса через «сетевые структуры», менеджмент, производство и распределение [Малышева 2000: 91; Иноземцев, Кузнецова 2001: 137; Рашковский, Хорос 2002: 18], которые доказали свою экономическую эффективность. Также непродуктивно создавать себе

[7] ТНК обеспечивают около 50 % мирового промышленного производства, на их долю приходится более 70 % мировой торговли.

[8] Большие ТНК имеют бюджет, превышающий бюджет некоторых государств.

образец для подражания в виде модели западной цивилизации, что объективно приведет к экономическому отставанию. Сегодня глобализация уже существует, и государствам для благополучного существования необходимо активно в ней участвовать и влиять на международные процессы.

По мнению британского историка А. Дж. Тойнби, Западу «было предназначено... совершить что-то не просто для себя, но для всего человечества» – возвести «строительные леса, внутри которых все ранее разбросанные общества построили бы одно общее здание» человеческой цивилизации [Тойнби 1995: 66].

К концу XX в. был достигнут принципиально новый уровень информационного охвата планеты. Благодаря информационной революции мир сжался, стал доступным, проницаемым и информационно тесным. Стремительное развитие телекоммуникаций и информационных инфраструктур способствовало усилению взаимосвязанности мира. Человеческое общество получило новое измерение – информационное. «Создав всемирные коммуникационные сети, человек окончательно превратил себя в часть чего-то большего, чем он сам» [Делягин и др. 2000: 15].

В условиях глобализации распространение информации преследует вполне понятные задачи обеспечения «идеологии глобализации» как совокупности взаимосвязанных установок, призванных обосновать преимущества и неизбежность тенденций, направленных на объединение мира под руководством его цивилизованного центра, под которым так или иначе подразумеваются государства Запада. Глобализация – это не только то, что существует на самом деле, но и то, что людям предлагают думать и что они думают о происходящем и его перспективах. Как и любая идеология, идеология глобализации фальсифицирует мировоззрение, она направлена на сокрытие конкурентного противостояния региональных центров сил – Северной Америки, Западной Европы и Восточной Азии.

В результате государства получают распространение «пиара», мощный поток рекламы во всех средствах массовой информации (СМИ), размывание четких различий между информацией и рекламой, уверенность управленцев, менеджеров, представителей СМИ, что все проблемы можно решить «промывкой мозгов». Идеология глобализации развивается в условиях глубокого духовного кризиса. Человеческие ценности перестают играть роль регуляторов социальной жизни, размываются понятия добра и зла применительно к общественному прогрессу. В сфере глобальных информационных сетей для «международного общественного мнения» в ущерб государственно-патриотическим идеологиям распространяются оценочные политико-демократические стандарты и установки, культивируются мондиалистские ценности ответственности всех и каждого за чужие судьбы, проблемы, конфликты, состояние окружающей среды, политические и иные события в любых уголках мира.

Не секрет, что концентрация экономической мощи часто преобразуется в контроль над СМИ, который становится ступенькой на пути к власти, а приобретенная власть часто используется для дальнейшего укрепления экономической мощи и так далее, по замкнутому кругу. «В условиях быстрых перемен, когда традиции утратили былую власть,– пишет финансовый спекулянт Дж. Сорос, – а людей со всех сторон осаждают предложения, разменные меновые ценности вполне способны заменить подлинные» [Сорос 1999: 262]. Реальный мир пытаются заменить фикциями потребительской культуры.

Ценности западного общества хорошо известны, они связаны с культом потребления и приобретательства, желанием господствовать над природой ради удовлетворения своих потребностей. Торжество прагматизма, рациональности, «профессионализма» как высших добродетелей общества приводят к снижению общего нравственного уровня. В подобной конструкции мира цели развития оказываются подчиненными корыстным интересам финансовой олигархии, стремящейся унифицировать и стандартизировать человеческий интеллект, превратить его в «производительные силы» и основной источник экономического роста.

СМИ пропагандируют, что глобализация обогащает народы в культурном плане, но фактически «глобализация культуры» означает культурную унификацию под влиянием культуры западной цивилизации. Для культурной глобализации характерно использование английского языка для международного общения, сближение форм деловой и потребительской активности между гражданами разных государств, распространение по всему миру западных фильмов, телепередач и программного обеспечения, рост международного туризма, а также использование Интернета для получения информации и общения.

Попытки национальных правительств ограничить доступ в Интернет в эпоху глобализации становятся все более дорогим и фактически бессмысленным мероприятием. Виртуальное пространство соединяет регионы мира в едином экономическом информационном поле, увеличивает возможности граждан для непосредственного приобщения к глобальным информационным процессам в любой точке планеты. Без искусственно созданной человечеством среды жизнедеятельности, связанной с использованием высоких технологий, систем телекоммуникаций и транспорта человек уже не представляет своего существования.

Продвижение к информационному обществу привело к переизбыточности информации, 80 % которой практически оказывается необработанной в силу своей ненужности и невостребованной [Рашковский, Хорос 2002: 18]. Тема глобализации, широко обсуждаемая в науке, политике, СМИ «стала, с одной стороны, всепроникающей, а с другой, – столь расплывчато трактуемой, что это не может не компрометировать сам предмет», что термин «глобализация», «когда его употребляют, как это часто бывает, абстрактно, без указания на объект глобализации, теряет смысл» [Максименко 1999: 92–94].

Глобализация лишь тогда сможет избавиться от негативных социальных последствий современного мира, когда люди изменят свои жизненные ценностные ориентиры с принципа «иметь» на принцип «быть» [Фромм 1990], поставив в центр своих приоритетов социальное развитие личности, самобытность, творческий потенциал, профессиональное мастерство каждого человека. «Если мы хотим ощутить глобальность всего сущего на свете, то в центре этого должна стать целостная человеческая личность и ее возможности. Именно в их развитии заключено не только возможное разрешение всех его проблем, но и основа общего самоусовершенствования и самовыражения всего рода человеческого», – писал создатель и первый президент Римского клуба А. Печчеи [1980: 183–184].

Осталось ответить на два существенных вопроса: в чем выражается объективный характер глобализации и какой исторический момент следует считать началом глобализации; другими словами, что качественно нового произошло в 90-е гг. XX в.?

По нашему мнению, основным доказательством того, что глобализация носит именно объективный характер, являются следующие статистические показатели: 20 % процветающих государств распоряжаются 84,7 % мирового ВНП, на их граждан приходится 84,2 % мировой торговли и 85,5 % сбережений на внутренних счетах [Моисеев 2006б; UNDP 1996]. Существует множество других интерпретаций подобных цифр, но суть заключается в том, что более 80 % всех материальных ресурсов, капиталов и т. п. принадлежат прежде всего гражданам государств Запада. Именно граждане западной цивилизации решают и, что называется, «голосуют рублем», вкладывая свои денежные средства в те предприятия и ТНК, которые каждое отдельное лицо считает наиболее прибыльным и перспективным. Думаю, не вызывает сомнений, что «народный» механизм определения целесообразности инвестиций гораздо точнее и чувствительнее к изменениям конъюнктуры, чем государственный. Именно по этой причине процветают такие результативные компании, как General Electric, Microsoft, Exxon Mobil, Royal Dutch/Shell, McDonalds и десятки тысяч других западных ТНК.

Основную часть преимуществ получают именно богатые государства, богатые компании и богатые индивиды западной цивилизации. Именно по этой причине незападным государствам, воспринявшим для себя рыночную экономику, жизненно необходимо развивать и усиливать средний класс собственников, способных вкладывать свои финансовые средства в акции эффективных компаний, которые должны становиться опорой национального бизнеса. В этом, на наш взгляд, заключается и правда об объективности глобализации, и оптимизм относительно глобальных процессов.

Отвечая на вопрос, какой исторический момент следует считать началом глобализации, вспомним, на смену чему пришла глобализация, что происходило в мире до 90-х гг. XX в. Ответ простой – международное сообщество находилось в биполярном противостоянии, в состоянии конфронтации между капитализмом и социализмом, которая закончилась развалом СССР 26 декабря 1991 г.

Уже 22 мая 1992 г. Россия вступила в Международный валютный фонд и Всемирный банк[9]. 17–19 июля 1995 г. в Женеве прошло первое заседание Рабочей группы по присоединению России к ВТО. Кроме этого, важно учитывать, что всемирная сеть Интернет стала общедоступной только с 1991 г., несмотря на то что предшественник Интернета – сеть ARPANET – появился еще в 1969 г.

Другими словами, если ранее международное сообщество было идеологически и экономически разделено на два полюса, то с начала 90-гг. XX в. правила рыночной экономики были восприняты всем международным сообществом, включая «одну шестую часть суши» – бывшие республики СССР. Мир стал экономически единым или глобальным. С этой точки зрения согласимся, что глобализация – это «воспроизведение в мировом масштабе того, что в XIX столетии национальный капитализм создал в отдельных странах» [Кузнецов: 15]. Все другие глобальные признаки, относящиеся к более ранним периодам истории, упоминания о которых встречаются в научной литературе, носят характер предпосылок глобализации. Таким образом, в 90-е гг. XX в. на большей части планеты

[9] Постановление Правительства Российской Федерации № 2815-1 от 22 мая 1992 г. «О вступлении Российской Федерации в Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития и Международную ассоциацию развития». В 1992 г. Европейский союз стал крупной региональной зоной экономической интеграции, единым экономическим пространством после заключения Маастрихтских соглашений [Моисеев 2006б].

утвердился международный экономический порядок – рыночные отношения, воспринявшие название «глобализация».

В том, что международное сообщество движется к состоянию все большей целостности, нет сомнений ни у сторонников, ни у противников глобализации. Основные разногласия связаны с выбором пути, по которому следует двигаться государствам. Бывший Генсек ООН К. Аннан заявил: «Глобализация создает благоприятные условия для экономических субъектов и видов деятельности по всему миру и новые каналы связей между ними. Она стала возможной благодаря постепенной ликвидации барьеров, препятствующих движению капитала, а также благодаря основополагающим техническим достижениям и неуклонному снижению стоимости транспорта, связи и компьютеров. Ее объединительная логика кажется неумолимой, а ее движущая сила – непреодолимой. Выводы из глобализации ясно видны: более быстрый экономический рост, более высокий уровень жизни, ускоренное внедрение и распространение технических новшеств и навыков управления, новые экономические возможности как для отдельных лиц, так и для стран» [Аннан 2000].

В современных международных отношениях прослеживается, как меняются функции государств. Например, в связи с облегчением условий перемещения капиталов и свободной миграции физических лиц правительства вынуждены усиливать свои возможности в части контроля за перемещением капиталов и граждан[10]. Вместе с тем прекращение существования предсказуемого биполярного мира привело к тому, что многие государства фактически оказались отстраненными от участия в международном регулировании, другие же, наоборот, в нарушение международного права стали откровенно прибегать к использованию силы в решении международных проблем.

Успех глобализации будет зависеть от равномерности распределения ее результатов между государствами. Представляется, что необходимо всячески укреплять и пропагандировать существующий универсальный межгосударственный согласительный механизм ООН, благодаря которому государства должны улаживать возникающие противоречия и конфликты.

Исходя из сути глобализации, полагаем, что ее стихийный характер не поддается управлению в традиционном для международного права понимании, однако процесс глобализации можно и нужно направлять в выгодном для всего международного сообщества курсе, наделяя определенными полномочиями межгосударственные организации, в том числе надгосударственными инструментами [Моисеев 2007]. На межгосударственном уровне, кроме Организации Объединенных Наций, основными локомотивами глобализации, бесспорно, являются три крупнейшие экономические организации: Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, а также группа Всемирного банка[11].

---

[10] Федеральная миграционная служба России, Постановление Правительства Российской Федерации № 124 от 15 февраля 1993 г. «О реорганизации подразделений виз, регистраций и паспортной работы милиции в паспортно-визовую службу органов внутренних дел».

Федеральная служба Российской Федерации по финансовому мониторингу, Указ Президента Российской Федерации № 1263 от 1 ноября 2001 г. «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем».

[11] Следует пересмотреть систему управления международных экономических организаций, включая перераспределение голосов в МВФ и во Всемирном банке [Моисеев 2006а].

Литература

Аннан К. Мы, народы: роль ООН в XXI веке // Коммерсантъ. 2000. 4 апреля.

Богатуров А. Синдром поглощения в международной политике // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4.

Богомолов О. Т. Вызов мировому порядку // Независимая газета. 2000. 27 января.

Глобалистика: Энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М. : Радуга, 2003.

Делягин М. Г., Братимов О. В., Горский Ю. М., Коваленко А. А. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2000.

Доклад МВФ «Потенциал и опасности глобализации». 12.04.2000 г. [Электронный ресурс]. URL: www.imf.org.

Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.

Иноземцев В. Л. Открытое общество за закрытыми границами // НГ-сценарии. 10.06.2001.

Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С. Глобальный конфликт XXI в. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий // Полис. 2001. № 6.

Клепацкий Л. Глобализация и национальные интересы // Международная жизнь. 2000. № 1.

Косолапов Н. Россия, США и мировое развитие // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 2.

Кузнецов В. 1998. Что такое глобализация? // МЭиМО. № 2.

Максименко В. Происходит ли «глобализация»? // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4.

Малышева Д. Постиндустриальный мир и процессы глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 3. С. 90–97.

Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й. За пределами роста. М., 1994.

Миронов В. Что сулит России глобальный расклад сил в XXI веке? // Независимая газета. 1997. 15 апреля.

Моисеев А. А. Международные финансовые организации. Правовые аспекты деятельности. М., 2006а.

Моисеев А. А. Суверенитет государства в современном мире. Международно-правовые аспекты. М., 2006б.

Моисеев А. А. Надгосударственность в современном международном праве. М., 2007.

Неклесса А. И. Проект «глобализация»: глобальные стратегии в преддверии новой эры // НАВИГУТ. 1999. № 1.

Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.

Подберезкин А. И. Понятия «глобальные проблемы» и «глобальные процесс». Их различия. Методология. Периодизация // Библиотека Института современного социализма. Вып. 1. М., 2001.

Рашковский Е., Хорос В. Мировые цивилизации и современность // МЭиМО. 2002. № 1.

Рифкин Дж. Конец работы // Обозреватель. 1997. № 3–4. М.

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999.

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1995.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2014.

Шахназаров Г. Х. Глобализация и глобалистика – феномен и теория // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 4.

Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. М., 2001.

Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990.

Фукуяма Ф. Конец истории? // США: экономика, политика, идеология. 1990. № 5.

Badie B. La fin des territoires. Paris, 1995.

Conquest R. Reflections on a Ravaged Century. London, 2000.

Dolffus O. La mondialisation. Paris, 1997.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by M. Gorbachev, B. V. Rodopi. Amsterdam; New York, NY, 2014.

Gray J. False Dawn: The Delusions of Global Capitalism. New York, NY, 1998.

Krugman P. Pop Internationalism. Boston, 1996.

Robertson R. Globalization, Social Theory and Global Culture. London, 1992.

Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities. London, 1995.

Robertson R. Globalization Theory 2000+: Major Problematics // Handbook of Social Theory / Ed. by G. Ritren, B. Smart. London, 2001.

Robertson R., Lechner F. Modernization, Globalization and the Problem of Culture in World-Systems Theory // Theory, Culture & Society. 1985. № 3.

UNDP Human Development Report. New York, July 1996.

Zurn M. The Challenge of Globalization and Individualization: A View from Europe // Whose World Order? / Ed. by H. H. Holm, G. Sorensen. Oxford, 1995.

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ НА ОСНОВЕ ЭКОСИСТЕМНОГО УЧЕТА КАК ВАЖНЕЙШАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАДАЧА

Думнов А. Д., Рыбальский Н. Г.*

Статья посвящена раскрытию сущности и структуры экосистемного учета как неразрывной части системы национальных счетов и сателлитной Системы природно-ресурсного и экономического учета (СПЭУ). Подчеркнута глобальная и локальная роль и характер приведенных систем. Исследован подготовленный Европейской комиссией, ОЭСР, ООН и Всемирным банком документ «Экспериментальный экосистемный учет (СПЭУ)» в версии 2012 г. Подробно проанализирован понятийно-терминологический аппарат, предлагаемый при изучении экосистемного учета с глобальных позиций и применительно к реалиям России. Описаны категории экосистемных активов и услуг; раскрыты основные подходы по их стоимостной оценке.

Ключевые слова: *экосистемный учет, система национальных счетов, международный статистический стандарт «Система комплексного природно-ресурсного и экономического учета (СПЭУ)», экосистемные активы и услуги, бенефиции, стоимостные оценки экосистемных активов и услуг, экосистемные счета.*

The article is devoted to disclosing main aspects and structure of the ecosystem accounting as an integral part of the SNA and the System of Environmental-Economic Accounting (SEEA Central Framework-2012). The global and local roles of the above systems were highlighted. There was studied the document «System of Environmental-Economic Accounting 2012: Experimental Ecosystem Accounting» prepared by European Commission, OECD, United Nations and World Bank. Also was analyzed in detail the conceptual and terminological apparatus proposed in the study taking into account the ecosystem with global position and in relation to the realities of Russia. Detailed analysis of the conceptual and terminological apparatus was proposed in the study of ecosystem accounting. The categories of ecosystem assets and services are described.

Keywords: *ecosystem accounting, system of national accounts, international statistical standard «System of Environmental and Economic Accounting, SEEA», ecosystem assets and services, benefits, the valuation of ecosystem assets and services, ecosystem accounts.*

* Думнов Александр Дмитриевич – д. э. н., АНО Национальное информационное агентство «Природные ресурсы».

Рыбальский Николай Григорьевич – проф., д. б. н., АНО Национальное информационное агентство «Природные ресурсы». E-mail: nia_priroda@mail.ru.

Задача сохранения потоков экосистемных услуг на глобальном уровне зачастую рассматривается в качестве базовой проблемы в общей концепции формирования так называемой «зеленой» экономики, то есть социально-экономического развития, максимально гармонизированного с охраной окружающей среды и рациональным природопользованием[1]. Более того, само понятие «экосистемные услуги», относительно недавно введенное в обиход на международном уровне, существенно изменило характер дискуссий о деградации окружающей среды в целом и потере биоразнообразия в частности. Было признано, что экосистемы предоставляют ряд базовых услуг, необходимых не только для самоподдержания природных процессов как таковых, но и для антропогенно-устойчивого использования ресурсов планеты. При этом подчеркивалось, что данные услуги имеют диалектически взаимосвязанный – глобальный, региональный и локальный – характер.

Исследования в области экосистемного учета длительное время велись или практически вне действующих принципов макроэкономической статистики, или с использованием лишь отдельных ее агрегатов. Причем такое использование было далеко не всегда теоретически обоснованным и полностью увязанным с общими принципами и структурой системы национальных счетов (СНС) [Millennium… 2005; Europe's… 2010; Economic… 2008; Ten Brink *et al.* 2009; Sukhdev *et al.* 2010 и др.]. Однако в последние годы необходимость развития методологии рассматриваемого учета в рамках национального счетоводства стала достаточно очевидной для многих стран и международных органов. При этом экосистемный учет начал формироваться как производный от Системы комплексного природно-ресурсного и экономического учета (СПЭУ), которая, в свою очередь, является вспомогательным дополнением СНС применительно к природным ресурсам, природопользованию и охране окружающей среды.

В 2012 г. Статистическая комиссия ООН приняла в качестве международного стандарта Базовую схему СПЭУ (SEEA Central Framework), то есть фактически СПЭУ в версии 2012 г. Эта схема является многоцелевым и концептуальным документом, который комплексно описывает взаимодействия между экономикой и охраной природы [System… 2014]. Следует отметить, что уже при первоначальном формировании СПЭУ в рекомендательной версии 1993 г. обозначились проблемы, которые по определению не могли и не могут быть полностью решены как в рамках СНС в целом, так и в рамках СПЭУ в частности. Сюда в первую очередь относятся вопросы составления счетов экосистем, отражающих соответствующие запасы (ресурсы) экосистемных активов, потоки экосистемных услуг, элементы деградации и восстановления экосистем и т. д.

В этой связи в рамках Комитета экспертов по природно-ресурсному и экономическому учету ООН (КЭПРЭУ ООН), Лондонской группы по природно-

[1] В докладе «Окружающая среда Европы: состояние и перспективы», подготовленном Европейским агентством по окружающей среде в 2010 г., утверждается, что переход к «зеленой» экономике зависит от решения двух одинаково важных задач: поддержания структуры и функций экосистем (способность экосистем к восстановлению) и выработки подходов, позволяющих сократить использование ресурсов при производстве и потреблении, а также снизить соответствующее воздействие на окружающую природную среду [Окружающая… 2010].

ресурсному счетоводству, Отдела статистики ООН, ряда других международных структур с привлечением ведущих специалистов-экспертов разных государств был подготовлен целевой документ «Система комплексного природно-ресурсного и экономического учета: Экспериментальный экосистемный учет» в версии 2012 г. (System of Environmental-Economic Accounting 2012: Experimental Ecosystem Accounting; далее сокращенно – Экспериментальный экосистемный учет, СПЭУ). Официально этот материал был опубликован на английском языке в 2013 г. [System… 2013]. Указанный документ не имеет статуса международного стандарта и носит пока факультативно-рекомендательный характер. Его главной особенностью является последовательное распространение на экосистемный учет принципов национального счетоводства. При этом характерно, что такой подход неизбежно раздвигает границы оценок и измерений, применяемых как в типовой СНС, так и в СПЭУ.

Ключевые категории, понятия и определения экосистемного учета

Среди основных категорий, которыми предлагается оперировать, исходное значение занимает понятие *экосистемы*. В Экспериментальном экосистемном учете оно формулируется как «динамичный комплекс сообществ растений, животных и микроорганизмов, а также абиотической (неживой) окружающей среды, взаимодействующих и развивающихся как единое функциональное целое» [*Ibid.*: 17]. Все входящие в экосистемы атрибуты, элементы и факторы изменяются в результате природных процессов (включая стихийные и форс-мажорные явления) и/или из-за антропогенного воздействия. Последнее происходит либо путем целевых мероприятий по упорядоченному управлению соответствующими процессами и/или их регулированию, либо в результате природонарушающей деятельности человека.

Экосистемы могут идентифицироваться в разных территориально-пространственных масштабах (границах) – от локальных до глобальных. Например, небольшой пруд можно рассматривать как особую экосистему. Одновременно участки территории тундры в различных регионах Земли, охватывающие десятки миллионов гектаров, также можно определить как отдельные экосистемы.

Способность какой-либо экосистемы выдерживать определенный прессинг, приводящий к ее изменению, а также способность вернуться в исходное состояние после какого-либо природного и/или антропогенного воздействия в Экспериментальном экосистемном учете обозначается как *эластичность* (то есть способность экосистемы к (само)восстановлению, обладание устойчивостью, ecosystem resilience). Данная эластичность не является четко фиксированным показателем. Иначе говоря, соответствующие параметры могут изменяться с течением времени, в частности из-за деградации рассматриваемой экосистемы или в результате ее (само)восстановления. Одновременно определение эластичности (устойчивости) требует выявления пороговых значений – точек перелома и индикаторов необратимости – точек невозврата.

Экосистемы способны генерировать и «предоставлять» различную продукцию, от которой во многом зависит как повседневная жизнь людей, так и их экономическая деятельность. Данная продукция определяется как одно из фундаментальных понятий экосистемного учета – *экосистемные услуги*.

В самом общем виде способность экосистем генерировать/«предоставлять» экосистемные услуги (то есть *мощность экосистем*, их потенциал, следующая важная категория экосистемного учета) зависит от: а) площади территории, на которой функционирует какая-либо экосистема (то есть ее количественных характеристик); б) состояния данной экосистемы (то есть ее качественных характеристик). Рассматриваемая продуктивная способность может изменяться в результате человеческой деятельности, причем как в положительную, так и отрицательную стороны. В итоге все это приводит к формированию другой, отличной от ранее присутствовавшей *«корзины»* (*basket*) экосистемных услуг, то есть их набора, «оказываемого» ОПС непосредственно человеку и его хозяйственной деятельности в конкретном регионе.

Экосистемные услуги являются центральным элементом в рамках рассматриваемого учета в целом. Они обеспечивают связь между *экосистемными активами* (*ecosystem assets*), с одной стороны, и *бенефициями* (доходами, поступлениями, выгодами и т. д.; *benefits*), которыми пользуются экономика и население, – с другой.

В контексте экосистемного учета соответствующие бенефиции должны включать:

1) продукцию, произведенную экономическими единицами, например продукты питания, включая питьевую воду, и т. д. Эта продукция считается *бенефициями в рамках действующей версии СНС*, поскольку границы охвата в данном случае соответствуют границам производства, которыми руководствуются при расчетах ВВП и иных агрегатов в системе национальных счетов;

2) бенефиции, напрямую и непосредственно получаемые потребителями (например, в виде атмосферного воздуха, очищенного лесными древостоями и/или зелеными насаждениями в селитебной зоне), которые не входят в состав бенефиций, произведенных экономическими единицами. Эти бенефиции определяются как *бенефиции вне рамок действующей версии СНС*.

Одно из основных различий приведенных категорий состоит в том, что СНС-бенефиции могут быть приобретены и реализованы на рынке, тогда как не СНС-бенефиции, как правило, не подвергаются рыночным операциям-транзактам.

Ожидаемый поток экосистемных услуг (*estimated stock of expected ecosystem service flows*) – показатель всех будущих потоков экосистемных услуг, исходящих от экосистемных активов, применительно к выбранной «корзине» экосистемных услуг. Иначе говоря, ожидаемые потоки должны базироваться на ожидаемой «корзине» рассматриваемых услуг. Поскольку генерирование/«предоставление» ряда экосистемных услуг включает добычу естественно производимых ресурсов (сбор их «урожая»), а экосистемы имеют потенциальную способность к (само)восстановлению, в данном случае необходим прогноз ожидаемых величин.

Наглядное представление о взаимосвязях экосистемных услуг, бенефиций и иных категорий можно получить из рис. 1.

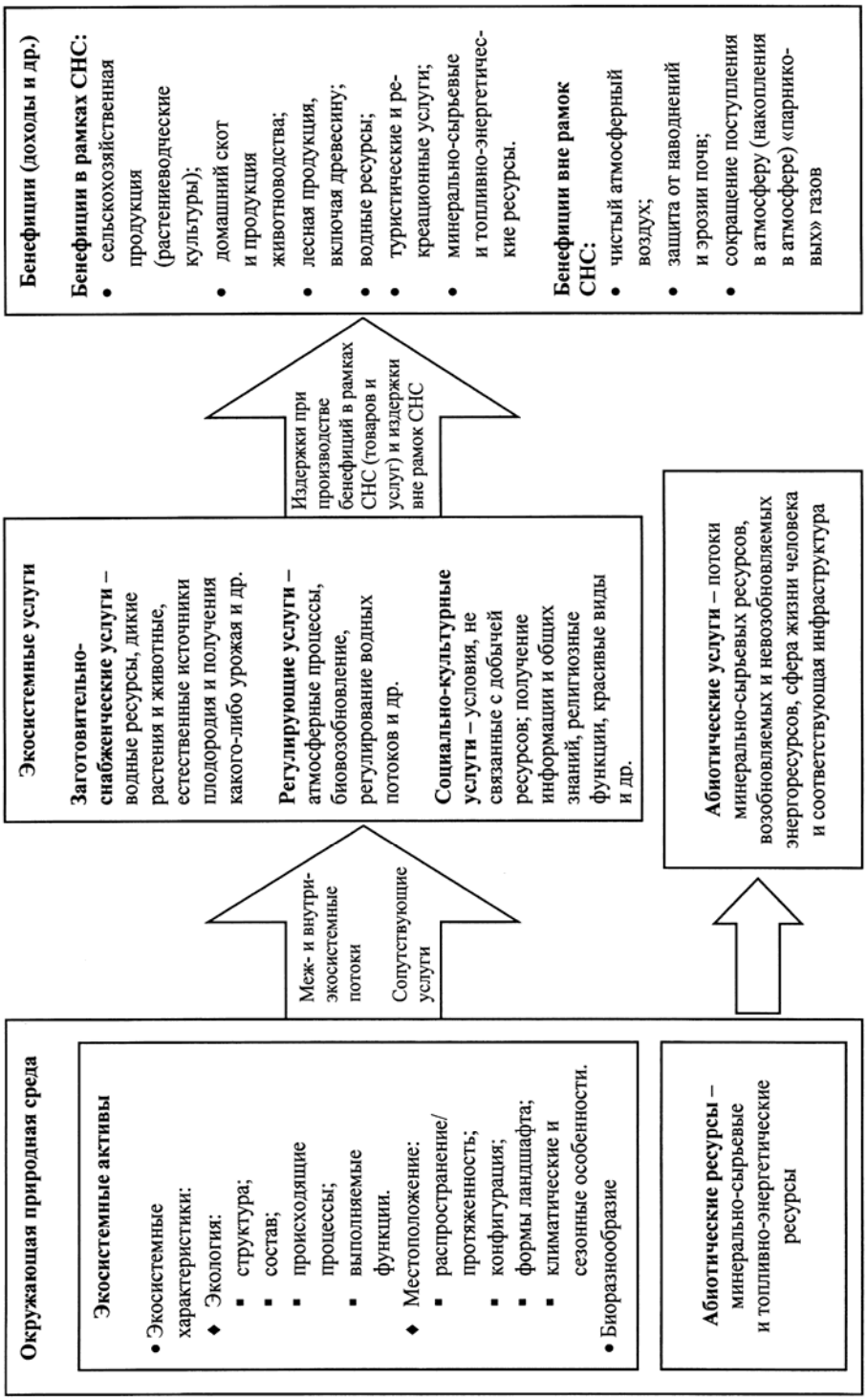


Рис. 1. Схема потоков в экосистемном учете

Как уже указывалось, понятия экосистемных услуг и бенефиций должны базироваться на категории *экосистемных активов*. Экосистемный учет принимает за основу, что данные активы представляют собой пространственно-территориальные сферы (укрупненные участки, *spatial areas*), содержащие совокупность биотических и абиотических компонентов в их комбинации, а также другие элементы, функционирующие совместно и комплексно [System… 2013: 23]. Собственно говоря, категория «экосистемный актив», по сути, является модифицированным понятием «экосистема», естественно, с учетом общих ограничений, налагаемых на категорию активов как таковых в СНС-СПЭУ.

Экосистемные активы предлагается оценивать с двух позиций:

I. С точки зрения распространения/протяженности и состояния экосистем.

Понятие *распространения/протяженности* какой-либо экосистемы (*ecosystem extent*) отражает количественную сторону, то есть размеры определенного экосистемного актива. Это понятие выражается, как правило, в единицах площади, например в гектарах, применительно к видам земельного/почвенно-растительного покрова. Если наличествует сочетание различных видов земельного покрова в пределах одного экосистемного актива (например, в пределах речного бассейна или в форме смешанного сельскохозяйственного ландшафта), распространение/протяженность экосистемы может быть отражена в пропорциях различных типов рассматриваемого покрова ко всему участку.

Понятие *состояния экосистемы* (*ecosystem condition*) отражает качество какой-либо экосистемы, экосистемного актива, измеренное на основе ее/его характеристик и конкретных элементов.

Проведение оценок распространения/протяженности и состояния включает два отдельных этапа. На первом этапе необходимо выбрать соответствующие характеристики (элементы) экосистемных активов и разработать показатели изменений, происходящих в этих характеристиках (элементах). Выбор характеристик и связанных с ними показателей должен быть выполнен на строго научной основе, так, чтобы имелась возможность объективной оценки перспектив функционирования, уровня эластичности и целостности какого-либо экосистемного актива. На втором этапе подобранные показатели сравниваются с исходными (эталонными) условиями и индикаторами. В Экспериментальном экосистемном учете (СПЭУ) концептуально описан ряд подходов для определения указанных эталонных состояний.

II. С точки зрения «предоставления» экосистемных услуг – в текущий момент и в перспективе.

Конкретный набор таких услуг, то есть их «корзина», генерируется в конкретный период времени конкретным экосистемным активом. Агрегирование всех будущих экосистемных услуг на основе их ожидаемой «корзины» предусматривает оценку на определенный будущий момент времени величины ожидаемых потоков данных услуг.

Соответственно мощность рассматриваемых активов в данном случае будет выражать их способность генерировать («предоставлять») ныне и в обозримой перспективе экосистемные услуги. Эта мощность будет меняться в зависимости от изменений в состоянии и в распространении/протяженности конкретного актива. В рамках какого-либо одного вида ресурса, например ресурса древесины на корню, понятие мощности может трактоваться в соответствии с концепцией

устойчивого получения в ближайший период и в отдаленном будущем возобновляемого «урожая» древесины.

Статистические единицы экосистемного учета и их иерархическая группировка

Статистические единицы экосистемного учета – это территориально-пространственные участки (площади), по которым и/или о которых обязана собираться соответствующая информация и должна вестись разработка (обобщение, группировка, представление) сводных статданных. Конкретное определение и выделение «в натуре» данных единиц на практике, по нашему убеждению, представляет *особо сложную задачу* при становлении экосистемного учета. Однако так или иначе, в большей или меньшей степени практически все международные рекомендации и разработки, включая Экспериментальный экосистемный учет (СПЭУ), предусматривают именно такие площадные объекты статнаблюдения.

В Экспериментальном экосистемном учете, в частности, предлагается выделять три связанных между собой группы единиц статнаблюдения. К ним относятся в порядке иерархического возрастания:

1) исходные (базовые) территориально-пространственные единицы, ИПЕ (basic spatial units, BSU);

2) единицы земельного (почвенно-растительного) покрова/экосистемные функциональные единицы, ЕЗП/ЭФЕ (land cover/ecosystem functional units, LCEU);

3) единицы экосистемного учета, ЕЭУ (ecosystem accounting units, EAU).

ИПЕ представляет собой относительно малый пространственный участок. В идеале ИПЕ должна быть сформирована путем «мозаичного» разграничения соответствующей территории по сетевым ячейкам и с выделением относительно небольших и однородных участков, равных, например, 1 км^2.

Второй вид рассматриваемых единиц – ЕЗП/ЭФЕ – определяется как «территория, удовлетворяющая заранее определенному набору признаков-факторов, характеризующих какую-либо экосистему» [System… 2013: 29]. Эти признаки включают, в частности, тип земельного покрова, водные ресурсы, климатические особенности, высоту над уровнем моря и тип почвы. ЕЗП/ЭФЕ должна быть сформирована так, чтобы имелась возможность четкого разделения с соседними на основе различий их экосистемных характеристик. Данные единицы учета будут отличаться по размерам в зависимости от конкретной ситуации в конкретной стране. При этом ЕЗП/ЭФЕ может, в принципе, рассматриваться как отдельная экосистема, а следовательно, как отдельный экосистемный актив. Кроме того, она должна обладать способностью разукрупняться до уровня нескольких ИПЕ и/или наоборот, ряд ИПЕ должен обладать способностью агрегироваться для формирования ЕЗП/ЭФЕ. Конкретная ИПЕ может быть отнесена и привязана к конкретной ЕЗП/ЭФЕ на основе преобладания главных характеристик в этой ИПЕ. Например, если преобладающей особенностью служит покрытие участка лесной растительностью, то эта ИПЕ может быть объединена с аналогичной ИПЕ в целях дальнейшего формирования ЕЗП/ЭФЕ. Приведенный подход весьма близок к классификации предприятий при отнесении их к какому-либо виду деятельности, то есть при формировании из этих объектов однородных видов деятельности/отраслей производства.

Каждая ИПЕ должна находиться в пределах только одной ЕЗП/ЭФЕ. Однако со временем происходят изменения в земельном (почвенно-растительном) покрове и в землепользовании. В этой связи некоторые ИПЕ потребуется переклассифицировать применительно к другой (другим) ЕЗП/ЭФЕ.

Структуризация и ограничение третьей группы единиц учета – ЕЭУ – основываются на конкретных целях и масштабах предполагаемого анализа. Иначе говоря, во внимание должны приниматься: существующее административное деление страны; территории, находящиеся под соответствующим управлением и/или регулированием; крупномасштабные природные составляющие, такие как, например, речные бассейны, а также другие элементы, в частности национальные парки и иные охраняемые территории. Таким образом, ЕЭУ, как правило, будет иметь относительно большие размеры. Соответствующие территории должны представлять интерес для изучения и понимания происходящих на них процессов, а также для регулирования этих процессов в течение определенного периода. Следовательно, ЕЭУ будет иметь характер фиксированных и более-менее стабильных площадей на протяжении длительного времени. При этом в рамках задач экосистемного учета эти статистические единицы могут рассматриваться, также как и ЕЗП/ЭФЕ, в качестве экосистемных активов.

Как следует из всего изложенного, порядок практической идентификации и выделения приведенных единиц-участков территории в нашей стране, безусловно, потребует значительных усилий, прежде всего со стороны множества управленческих, научных и иных организаций природно-ресурсного/природоохранного и статистического профиля.

Виды экосистемных услуг и их учет

Ранее уже было отмечено, что рассматриваемые услуги в Экспериментальном экосистемном учете СПЭУ разделены на три унифицированные группы:

I. *Заготовительно-снабженческие услуги* (обеспечивающие услуги, provisioning services) отражают материальные, включая энергетические, «вклады» (contributions), генерируемые экосистемами, например в форме рыбных ресурсов или растений с фармацевтическими свойствами. Эта группа услуг в наибольшей степени поддается идентификации, учету и/или оценкам, поскольку многие из используемых здесь показателей напрямую связаны с показателями экономической деятельности.

II. *Регулирующие услуги* (regulating services) определяются как способность экосистем влиять на изменение климата, гидрологические и биохимические циклы, на процессы, происходящие на земной поверхности, а также на разнообразные биологические процессы, регулируемые какими-либо экосистемами[2]. Все это в свою очередь обеспечивает получение доходов-бенефиций вне рамок методологии действующей версии СНС для общества в целом и отдельных лиц в частности в виде снижения риска негативного воздействия (например, загрязненного атмосферного воздуха) и различных последствий такого воздействия.

III. *Социально-культурные услуги* (услуги в области культуры, cultural services) образуются исходя из физических особенностей, местоположения и/или

[2] Регулирующие услуги иногда обозначают также как «услуги по регулированию и обслуживанию» (regulation and maintenance services).

других характеристик экосистем. Данные факторы/активы способствуют получению интеллектуальных (intellectual) и/или символических (symbolic) бенефиций, которые население получает от различных экосистем в процессе рекреации, пополнения знаний, отдыха и духовного развития. Характерно, что некоторые социально-культурные услуги будут в неявной (скрытой) форме предоставляться на основе права собственности на соответствующие земельные участки. Примером в данном случае может служить ценность живописного вида, красивого ландшафта на территории, находящейся в чьем-либо владении.

Учет экосистемных активов в натуральном выражении

Как уже указывалось, учет экосистемных активов, по сути, охватывает измерения двух ключевых и укрупненных категорий: 1) состояния конкретных экосистем; 2) их распространение/протяженность, а также производные от них категории – фактические и ожидаемые потоки («корзины») экосистемных услуг.

Оценки распространения/протяженности какой-либо экосистемы базируются прежде всего на общем анализе земельного (почвенно-растительного) покрова. Одновременно результаты учета будут зависеть от более детальной идентификации самих территориально-пространственных участков, используемых для целей учета.

Количественные измерения и оценки состояния какого-либо экосистемного актива проводятся в два этапа. При этом характерной особенностью использования эталонно-нормативных параметров (см. ранее) является следующее:

а) в Экспериментальном экосистемном учете подчеркивается, что экосистемы, которые по своей природе имеют относительно большее структурное разнообразие или обладают обилием биологических видов (например, тропические леса), не обязательно должны оцениваться как имеющие наилучшее и наивысшее качественное состояние и/или видовое изобилие по сравнению с экосистемами, которые по своей естественной природе менее разнообразны или не обладают высоким уровнем богатства биологических видов (например, арктические тундровые территории);

б) один из подходов, связанных с применением эталонного принципа, заключается в приведении всех показателей к одному и тому же периоду/моменту времени (например, путем установления значения показателей, равных 100, за этот период или на данный момент). Используя один и тот же период/момент времени для нескольких экосистемных активов, можно сделать оценки их относительного состояния и изменений этого состояния.

Вышесказанное свидетельствует, что одной из важнейших задач экосистемного учета является оценка изменений соответствующих активов, в первую очередь касающихся деградации и ухудшения экосистем, восстановления и улучшения экосистем.

В общем виде экосистемная деградация «будет конкретно выражаться в ухудшении состояния (качества, condition) и/или в уменьшении ожидаемых потоков экосистемных услуг за какой-либо учетно-отчетный период» [System… 2013: 79].

Расширение (улучшение) какой-либо экосистемы – это количественное увеличение и/или качественное улучшение соответствующего экосистемного актива, обусловленные хозяйственной и иной деятельностью человека. Подобное расши-

рение/улучшение отражает результаты деятельности по восстановлению или реабилитации данного актива, выходящих за рамки мероприятий по его простому сохранению и/или охране.

При составлении балансовых таблиц экосистемных активов на общенациональном уровне, то есть по нескольким ЕЭУ и различным видам ЕЗП/ЭФЕ, а также с акцентом на деградацию/улучшение экосистем требуется: а) сформировать общий набор показателей для конкретных элементов различных видов ЕЗП/ЭФЕ; б) разработать макет этих таблиц. В конечном счете должен быть построен своего рода баланс экосистемных активов (см., например, табл. 1).

Таблица 1

Общая схема, характеризующая изменения в распространении/ протяженности и состоянии экосистемных активов (применительно к ЕЗП/ЭФЕ, упрощенный вариант)

Показатель	Характеристики распространения и состояния экосистемы				
	растительность (индекс листопокрытой площади и др.)	биоразообразие (обилие биологических видов и др.)	почвы (содержание органического веществ и др.)	водные ресурсы (речной сток и др.)	углерод (чистый углеродный баланс и др.)
1	2	3	4	5	6
Распространение и состояние на начало отчетного периода					
Расширение и/или улучшение распространения и/или состояния					
– в результате природного (само)-восстановления (с учетом чистых нормальных потерь)					
– в результате антропогенной деятельности					
Уменьшение и/или ухудшение распространения и/или состояния					
– в результате добычи или сбора «урожая» ресурсов					
– в результате другой текущей антропогенной деятельности					

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
– катастрофические потери в результате антропогенного воздействия					
– катастрофические потери в результате природных явлений					
Распространение и состояние на конец отчетного периода					

Агрегирование (обобщение) показателей, характеризующих экосистемные активы, ставит целью получение сводных данных, отражающих состояние экосистем, а также перспективы и конкретные прогнозы ожидаемых потоков экосистемных услуг. Оценки распространения (протяженности) экосистем, как правило, осуществляются в какой-либо площадной единице учета. В ходе агрегирования показателей можно использовать метод технического согласования, то есть приведения соответствующих показателей к условным единицам измерения, например к условным гектарам или углеродным единицам.

Что касается качественных индикаторов, характеризующих состояние экосистем, то здесь проблемы учета и статистики, по нашему мнению, имеют гораздо более сложный характер. Разработка систем и подсистем показателей, несомненно, потребует участия специалистов самых разных областей знания, так или иначе связанных с изучением экосистем. При этом важнейшим критерием и одновременно ограничителем теоретических построений, несомненно, будут практические возможности получения объективной информации.

Стоимостная оценка экосистемных услуг и активов

Стоимостная оценка экосистемных услуг и экосистемных активов также является весьма непростой и комплексной задачей. Уже отмечалось, что данные услуги и активы во многих случаях не являются предметами рыночного оборота. В этой связи должны быть реализованы в том числе нерыночные методы определения ценовых параметров.

В общем плане имеются два метода расчетов. Первый называется *принципом экономической оценки благосостояния* (welfare economic values); он ставит целью определение общих – рыночных и нерыночных – затрат и бенефиций, связанных с экосистемными услугами и активами. Второй – принцип *меновой стоимости* (exchange values), связан с оценками денежных сумм, которые могли бы быть получены, если бы существовал реальный рынок рассматриваемых услуг и/или активов [System… 2013: 112]. Кратко поясним эти методы.

1. В неоклассическом понимании экономического благосостояния ценность (стоимость, денежная оценка, value) какого-либо товара или услуги определяется спросом и предложением в условиях идеально функционирующего и достаточно развитого рынка. При увязке стоимостных эквивалентов экосистемных услуг с соответствующими стоимостными величинами в СНС основной задачей является

оценка услуг по рыночным ценам, которые бы имели место, если бы услуги свободно продавались и обменивались. Иначе говоря, такого рода цены, равные *P*, отражают предельную готовность потребителей платить на рынке за эквивалентное количество (объем) экосистемных услуг *Q*. Однако анализ экосистемных услуг с позиций благосостояния концентрирует внимание не столько на определении цены и объема услуг через точку пересечения рыночных спроса и предложения, сколько на определении и выявлении *функции полезности* (utility function) и кривой спроса на экосистемные услуги. Таким образом, для того, чтобы разработать подходы к соответствующим оценкам экосистемных услуг, необходимо: а) выяснить, каким образом какая-либо конкретная услуга приводит к генерированию (образованию) бенефиций; б) выявить взаимосвязи между этими бенефициями и корреспондирующими показателями соответствующих видов деятельности в СНС.

2. В том случае, когда экосистемные услуги связаны со стоимостным объемом выпуска продукции, рассчитываемой по методологии СНС, то есть по меновой стоимости, соответствующие оценки должны сосредоточиться на определении «вклада» экосистемных услуг в рыночную цену продукта. Если эквивалентный рыночный обмен и соответствующие цены полностью отсутствуют, в СНС предусматривается стандартная процедура: за основу берется (себе)стоимость производства. При таком подходе величина операций приравнивается к сумме расходов на производства товаров или услуг, то есть к сумме издержек производства. Сюда относят объемы промежуточного потребления, компенсации работникам (оплату их труда), потребление основного капитала (амортизацию), другие налоги на производство (за вычетом субсидий) и чистый доход на капитал.

Построение сводных таблиц экосистемного учета

Если исходить из того, что стоимостные оценки экосистемных услуг в принципе возможны, общая логика формирования счетов экосистем будет достаточно близкой агрегированию объемов выпуска, распределения, потребления и сбережения по предприятиям, производящим широкий спектр обычной продукции. В этой связи предлагаемый макет (табл. 2) включает унитарные схемы счетов – агрегированные модели I и II. Примером в данном случае может служить какая-либо ферма, представляющая собой единую экосистему (экосистемный актив), в рамках которой(-ого) обеспечивается генерирование и использование совокупности экосистемных услуг. Все эти услуги – вне рамок действующей СНС; в сумме они составляют 110 условных единиц, из которых 80 используются фермером в процессе производства, а 30 идут на конечное потребление домашних хозяйств[3]. В рамках СНС весь объем производства (выпуск) на данной ферме равен 200 соответствующим единицам; при этом он полностью приходится на конечное потребление домашних хозяйств.

[3] Такое распределение основывается на предполагаемом составе экосистемных услуг. Величину 80 можно рассматривать как экосистемный «вход» (сырье, материалы и т. д.) сельскохозяйственного производства, а величину 30 можно считать регулирующими услугами, такими как, например, очистка/фильтрация соответствующими растениями воздуха, потребляемого домохозяйствами.

Таблица 2

Унитарная таблица счетов экосистемного учета (условный пример)

Показатели	Модель I				Модель II		
	фермеры	домашние хозяйства	экосистемы	всего	фермеры	домашние хозяйства	всего
1	2	3	4	5	6	7	8
Счета производства и образования доходов							
Выпуск – в рамках СНС	200	–		200	200	–	200
Выпуск – вне рамок СНС	–	–	110	110	30	–	30
Общий выпуск	**200**	**–**	**110**	**310**	**230**	**–**	**230**
Промежуточное потребление – в рамках СНС	–	–	–	–	–	–	–
Промежуточное потребление – вне рамок СНС	80	–	–	80	–	–	–
Валовая добавленная стоимость	**120**	**–**	**110**	**230**	**230**	**–**	**230**
Минус потребление основного капитала – в рамках СНС	10	–	–	10	10	–	10
Минус потребление основного капитала – вне рамок СНС	–	–	15	15	15	–	15
Чистая добавленная стоимость с поправками на деградацию	**110**	**–**	**95**	**205**	**205**	**–**	**205**
Минус оплата труда наемных работников – в рамках СНС	50	–		50	50	–	50
Валовой доход с поправками на деградацию	**60**	**–**	**95**	**155**	**155**	**–**	**55**
Счета распределения и использования доходов							
Чистый доход с поправками на деградацию	60	–	95	155	155	–	155
Оплата труда наемных работников – в рамках СНС	–	50	–	50	–	50	50
Экосистемные трансферты – вне рамок СНС	80	30	– 110	0	– 30	30	–

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Располагаемый доход	140	80	– 15	205	125	80	205
Минус конечное потребление – в рамках СНС	–	200	–	200	–	200	200
Минус конечное потребление – вне рамок СНС	–	30	–	30	–	30	30
Чистые сбережения с поправками на деградацию	**140**	**– 150**	**– 15**	**– 25**	**125**	**– 150**	**– 25**

В соответствии с моделью I потоки экосистемных услуг отражаются в валовой форме. Данные услуги генерируются («производятся») соответствующими активами с выделением квазисектора «Экосистемы». При этом услуги отражаются либо как промежуточное, либо как конечное потребление. В рассматриваемом случае показатель макроэкономического выпуска увеличивается на величину всех экосистемных услуг. Условный ВВП также возрастает на величину, характеризующую использование экосистемных услуг в качестве конечного потребления.

В модели II потоки экосистемных услуг представлены не в валовом, а в чистом выражении, то есть без выделения квазисектора «Экосистемы». Другими словами, в данном случае «приобретение» экосистемных услуг для использования при производстве продукции на объекте, управляющем той или иной экосистемой (которая в свою очередь считается генератором экосистемных услуг), непосредственно не отражается. Вместе с тем здесь так же, как и в модели I, условный ВВП возрастает в той же мере, в какой экосистемные услуги используются для конечного потребления.

В обеих моделях в целях упрощения принято, что рост условного ВВП (по сути – добавленной стоимости) происходит только применительно к конечному потреблению экосистемных услуг, которые касаются не-СНС-бенефиций (то есть бенефиций-доходов, не попадающих в сферу стандартных национальных счетов).

Показатели условного ВВП корректируются как на потребление основного капитала (ПОК), так и на истощение/деградацию экосистем. В результате может быть рассчитана величина чистого скорректированного внутреннего продукта.

В рамках стандартного счета капитала потребление основного капитала – то есть расходы, связанные с использованием произведенных активов, – вычитается из доходов пользователя соответствующими активами. Это вычитание в типовой СНС осуществляется на базе следующего положения: существует лишь одна хозяйственная единица, которая предоставляет капитальную услугу, и имеется только одна капитальная услуга для каждого актива. Однако в экосистемном учете взаимоотношения между хозяйственными единицами и экосистемами имеют гораздо более сложный и комплексный характер. Следовательно, должны быть рассмотрены различные подходы по распределению истощения/деградации экосистем (своего рода их «износу» и т. д.) по конкретным хозяйственным единицам и секторам.

В составе модели I полная величина деградации экосистем привязывается к квазисектору «Экосистемы». По сути, в данном случае все это соответствует стандартной практике макроучета капитала. За основу берется следующий постулат: какая-либо экосистема является единственным «производителем-поставщиком» конкретной экосистемной услуги; при этом в качестве производственной единицы данная экосистема должна испытывать полное воздействие уменьшения соответствующего «капитала». В модели II вышеупомянутая ферма будет считаться единственным производителем-поставщиком экосистемных услуг в качестве юридического лица, управляющего определенной экосистемой. Вследствие этого вся величина экосистемной деградации атрибутируется (привязывается к) данной ферме.

Обе описанные модели содержат показатель «экосистемных трансфертов», который не входит в состав стандартного набора показателей и агрегатов СНС. Этот показатель, по сути, отражает бевозмездное и одновекторное для экосистемных активов потребление экосистемных услуг по каждому сектору. Уровень таких трансфертов в модели I выше, чем в модели II**,** поскольку согласно модели I все экосистемные услуги «приобретаются» у вышеобозначенного квазисектора, то есть поступают от него. Включение данного показателя означает, что балансирующая статья «чистое кредитование», показываемая в счете капитала и финансовом счете, осуществляется по сути аналогично отражению соответствующих потоков в СНС. Проблемой в данном случае, по нашему мнению, остается более-менее четкое понимание этого показателя и его отличия от экосистемных услуг как таковых.

Модель I применяется непосредственно, то есть прямым образом, поскольку соответствующая экосистема представлена здесь отдельно в качестве дополнения к стандартным институциональным единицам в виде особого квазисектора. Однако из-за сложностей идентификации всех взаимосвязей между экосистемами и хозяйственной деятельностью подобное формально-изолированное выделение какой-либо экосистемы на практике зачастую весьма затруднено. В идеале модель I требует, чтобы стоимость всех экосистемных активов была отнесена к новому экосистемному квазисектору.

Модель II представляет собой более унитарный подход по сравнению с моделью I. Ключевое различие состоит в корректировках на экосистемные истощения/деградацию. Эти корректировки осуществляются здесь применительно к доходам производителя, а не внутреннему «доходу» какой-либо экосистемы. Таким образом, истощение/деградация экосистем непосредственно привязывается к стандартным хозяйственным единицам. В модели I экосистемы управляются как бы сами по себе. Следовательно, в модели II оценки деградации экосистем следует разделять, если наличествует несколько институциональных единиц.

Краткие выводы и предложения

1. Основные принципы построения экосистемного учета, в том числе на основе системы национальных счетов, в последние десятилетия весьма активно обсуждаются в целом ряде ведущих международных организаций и во многих государствах мира. Об этом свидетельствуют множество документов и рекомендаций,

подготовленных в рамках ООН и иных авторитетных международных структур. В частности, на принципах национальных счетов построены Базовая схема СПЭУ-2012, имеющая ранг международного статистического стандарта, и факультативный ей Экспериментальный экосистемный учет СПЭУ-2012. Характерно, что работа по более комплексной увязке принципов СНС и рассматриваемого учета за рубежом приобретает все большие масштабы и детализацию. Например, в середине 2014 г. вышло в свет обширное пособие «Природный капитал экосистем: ускоренный стартовый пакет», подготовленное известным специалистом в области СПЭУ и экосистемного учета Ж.-Л. Вебером [Weber 2014].

2. Применительно к России имеет место реальное отставание отечественных разработок от масштабов аналогичных исследований, осуществляемых во многих зарубежных странах. К сожалению, профильные государственные органы лишь в последние годы и в ограниченной степени стали организовывать целевые практические работы, причем только в области СПЭУ, а не в экосистемном учете в рамках СНС. При этом характерно, что озвучиваемые время от времени на официальном уровне макроэкономические цифры зачастую имеют поспешный и не всегда методологически выверенный характер.

3. Прикладное значение международных рекомендаций и руководств в области экосистемного учета (в первую очередь на основе СНС-СПЭУ) для отечественной практики пока явно недостаточно. Очень многое предстоит сделать по их доработке и адаптированию к реалиям нашей страны. Необходимо, по сути, заново сформировать целевую и органичную систему показателей, а также разработать методологию их расчета и обобщения применительно к указанным единицам наблюдения. Это позволило бы избежать разночтений в определении по сути одних и тех же категорий рассматриваемого учета и обеспечить их логичную увязку с понятийно-терминологическим аппаратом национальных счетов. Кроме того, это обеспечило бы повышение уровня межгосударственной (глобальной) сопоставимости данных.

Литература

Окружающая среда Европы: состояние и перспективы. Б. м.: Европейское агентство по окружающей среде, 2010.

Economic Aspects of Ecosystems and Biodiversity (Interim report)/EU. Wesseling : Welzel + Hardt, 2008.

Europe's Environment: Status and Prospects. EEA, 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eea.europa.eu/soer/synthesis/okruzhayushtaya-sreda-evrop44b-sostoyanie-i/at_download/file.

Millennium Ecosystem Assessment (MA), 2005. Ecosystems and Human Well-being. Synthesis Report. Washington, DC : Island Press.

System of Environmental-Economic Accounting 2012 – Central Framework/United Nations, European Union, Food and Agriculture Organization of the United Nations, International Monetary Fund, Organisation for Economic Cooperation and Development, World Bank. New York : United Nations, 2014.

System of Environmental-Economic Accounting: Experimental Ecosystem Accounting. White cover publication, pre-edited text subject to official editing. European Commission, Organization for Economic Cooperation and Development. N. p. : United Nations, World Bank, 2013.

Ten Brink P., Berghofer A., Schroter-Schlaack Ch., Sukhdev P., Vakrou A., White S. *et al.* TEEB – The Economics of Ecosystems and Biodiversity for National and International Policy Makers. Summary: Responding to the Value of Nature. Leipzig : Welzel+ Hardt, 2009.

Sukhdev P., Wittmer H., Schroter-Schlaack Ch., Vakrou A., White S. *et al.* TEEB – The Economics of Ecosystems and Biodiversity: Mainstreaming the Economics of Nature. A synthesis of the approach, conclusions and recommendations of TEEB. Malta : Progress Press, 2010.

Weber J.-L. Ecosystem Natural Capital Accounts: a Quick Start Package (CBD Technical Series № 77) / Under the superv. of Didier Babin. Secretariat of the Convention on Biological Diversity, Ministére des affaires étrangéres et du dévelopment international (Republique Francaes), Japan Biodivercity Fund, Indian Ocean, Commission, European Environmental Agency. Montréal; Québec, 2014.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КОНСТИТУЦИЯ ЗЕМЛИ: КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ В БОРЬБЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Мартин Г. Т.[*]

Глобализация характеризует процессы, изначально присущие мировой системе суверенных государств, которые связаны между собой капиталистическими экономическими отношениями. Глобализация демонстрирует недавние проявления этих процессов, когда мир достиг нового, беспрецедентного уровня экономической интеграции и принятия решения («управления») вне рамок национальных государств, оспаривая таким образом роль стран (наций). Мировые кризисы также поставили под сомнение будущее этой системы национальных государств и глобализации. Как сторонники, так и критики процесса глобализации часто игнорируют появившуюся в XX в. философию целостности (холизма), обоснованную с научной точки зрения. Принцип целостности показывает, что до настоящего времени процесс глобализации охватывал фрагментированный вариант парадигмы раннего Нового времени и что есть жизненно важные аспекты всеобщей универсальности и единства, которые не принимались в расчет. Холизм (принцип целостности) открывает путь для преобразования нашего понятия глобализации, направляет энергию на решение общемировых кризисов и обещает свободное и прекрасное будущее для человечества. Конституция Федерации Земли служит моделью и проектом этого нового преобразующего холизма.

Ключевые слова: *неолиберализм, экономика, глобализация, мировая система, управление, глобальные кризисы, классовый анализ, капитализм, суверенные национальные государства, экономика, социализм, демократия, холизм, единство в разнообразии, универсализм, человеческое освобождение.*

Globalization characterizes a process inherent in the world system of sovereign nations interlinked with capitalist economic relations from its early beginnings several centuries ago. It also names the recent manifestations of this process in which the world has reached new, unprecedented levels of economic integration and levels of decision-making ("governance") beyond that of nation-states, making the role of nations contested. Planetary crises developing everywhere have also made the future of this nation-state system and globalization themselves hotly debated. Both the promoters and detractors of the globalization process often ignore the emergence of scientifically grounded holism that took place throughout the 20th century. This holism reveals that what has been globalized to date is a fragmented version of the early-modern paradigm and that there are vital aspects of planetary universality and unity that have been ignored. By drawing holism into the debate, the way opens for a transformation of our concept of "globalization"

[*] Мартин Глен Т. – профессор факультета философии и религиоведения Рэдфордского университета, Вирджиния (США).

that addresses our planetary crises and opens up a liberated and promising future for humanity. The Constitution for the Federation of Earth serves as a model and blueprint for this new transformative holism.

Keywords: *Neoliberalism, economics, globalization, world-system, governance, global crises, class analysis, capitalism, sovereign nation-states, economics, socialism, democracy, holism, unity in diversity, universalism, human liberation.*

Цель не в том, чтобы увидеть то, что никто не видел, но увидеть по-другому то, что видят все.
Артур Шопенгауэр

Мы не сможем управлять нашим космическим кораблем «Земля», пока не поймем, что мы находимся все на одном «космическом корабле» и у нас общая судьба. Либо все, либо никто.
Ричард Бакминстер Фуллер

1. Феномен глобализации

Под глобализацией, с одной стороны, можно понимать процесс, берущий начало у истоков современной мировой системы, в рамках которой капиталистический поиск рынков, ресурсов и новых способов производства имел тенденцию расширяться, выходя за пределы национальных границ и в конечном счете объединяя мировую систему в единое целое. К. Маркс и Ф. Энгельс отметили это явление в *Манифесте коммунистической партии*: «Потребность в постоянно расширяющемся рынке сбыта преследует буржуазию по всей Земле... Все ранее существовавшие национальные отрасли промышленности разрушены или ежедневно разрушаются. Они вытесняются новыми отраслями промышленности, появление которых становится вопросом жизни и смерти для всех цивилизованных стран. Эти новые отрасли промышленности все больше обрабатывают не местное природное сырье, а сырье, привезенное из самых отдаленных регионов, а их продукция потребляется не только на родине, но и повсюду... Вместо локальной и национальной изолированности и независимости мы имеем взаимодействие во всех отраслях и универсальную взаимозависимость стран» [Marx, Engels 1955: 13–14].

Глобализация также часто включает некоторые характерные особенности процесса, начавшегося в 1970-х гг., когда современные информационные технологии и огромное количество транснациональных корпораций при помощи международных финансовых организаций (МФО), таких как Всемирный банк и Международный валютный фонд, и наиболее влиятельных империалистических национальных государств подталкивала международную торговлю и инвестиции к астрономически высоким уровням развития. Некоторые аналитики считают, что это привело к развитию качественно новых способов международной интеграции и взаимодействия между правительствами, странами, компаниями и финансовыми учреждениями [Global… 2014: XI].

Как утверждают Дж. Петрас и Г. Велтмайер, глобализацию также можно интерпретировать как описание и как предписание. «Как описание, “глобализация” относится к расширению и углублению международных потоков торговли, капитала, технологий и информации в рамках единого интегрированного мирового рынка» [Petras, Veltmeyer 2001: 11]. На этом описание может благополучно закончиться, но тогда появляется вопрос: *cui bono?* Действительно ли глобализация – это неизбежный и естественный путь развития, являющийся результатом развития мировой рыночной экономики наряду с новыми разработками в информационных технологиях, или же глобализация является предписываемой идеологией, продвигаемой мировым капиталистическим классом в целях увеличения прибыли и уменьшения способности людей мешать или сопротивляться капиталистической эксплуатации?

Кому это нужно – это также вопрос экономической теории, лежащей в основе глобализации. Доминирующую теорию здесь часто называют неолиберализмом. Дэвид Харви пишет: «Неолиберализм – это прежде всего политико-экономическая теория, предполагающая, что благосостояние людей будет лучше всего расти, если дать свободу индивидуальным предпринимательским качествам и навыкам в пределах организационной структуры с жесткими правами частной собственности, свободными рынками и свободной торговлей. Задача государства состоит в создании и сохранении организационной структуры подобного типа... Кроме того, если рынки как таковые отсутствуют (в таких сферах, как земля, вода, образование, здравоохранение, социальное обеспечение или загрязнение окружающей среды), то при необходимости они должны быть созданы актом государственной власти… Вмешательство государства в (созданные) рыночные отношения должно быть сведено к абсолютному минимуму, потому что, согласно теории, государство вряд ли может обладать достаточной информацией, чтобы предугадать сигналы рынка (цены)» [Harvey 2005: 2].

Как полагает Харви, неолиберальная экономическая доктрина, лежащая в основе развития глобализации с 1970-х гг., ставит вопрос о роли суверенного национального государства в глобальной капиталистической экспансии. В последние десятилетия широко стала обсуждаться проблема глобального управления. Многие утверждают, что управление на Земле во многих отношениях вышло за пределы государств и находится теперь в поле деятельности различных субъектов (таких как Всемирная торговая организация [ВТО], международные финансовые организации [МФО], система договоров ООН и глобальные корпорации), обладающих бóльшими ресурсами, чем целые национальные государства, на территории которых они располагаются [Harris, Yunker 1999].

Утверждение о том, что глобализация является качественно новым феноменом, часто связывается с заметно снижающейся ролью национального государства. Нам говорят, что Вестфальская система (основанная на Вестфальском мире 1648 г.) вытесняется новым режимом глобального управления, который больше не сосредотачивается на суверенных государствах как основных субъектах, определяющих законы, правила торговли, безопасность или мировой порядок [Philpott 2001]. Новая система управления превосходит национальные государства и может быть определена как «поликратия» в противоположность демократии [Dahl 1989; Goerner *et al.* 2008]. Закон теперь можно охарактеризовать как «многоглавый общественный процесс принятия решения, вовлекающий людей всех уровней и из

всех сфер общественной и частной жизни» [Weston *et al.* 1990: 15]. «Законы» больше не являются просто продуктами законодательной деятельности, но основываются на тайных переговорах в рамках ВТО, международных соглашениях ООН или программах, внедряемых экономистами Всемирного банка или МВФ.

Таким образом, глобализация как явление с трудом поддается описанию, поскольку учеными серьезно оспаривается понимание международной интеграции рынка, продолжающейся с 1970-х гг. Периодически возникают вопросы о капиталистической системе (ее характере, функционировании и значении), об экономической теории неолиберализма и системе суверенных национальных государств. Все это компоненты современной мировой системы, согласно мнению таких философов, как Иммануил Валлерстайн, Кристофер Чейз-Данн и Терри Босвелл (Wallerstein 1983; Boswell, Chase-Dunn 2000). Описание глобализации требует детального исследования проблемы современной мировой системы.

2. Глобализация как высшая ступень грабежа: империалистические государства, корпорации и банковские картели

Защитники и сторонники глобализации утверждали, что глобализированный рынок свободной торговли будет способствовать повсеместному процветанию, так как обозначит новые, положительные направления развития для всех обществ. Они также объявили, что преобразования подобного рода были неизбежны с учетом современного развития коммуникационных технологий и транспорта, а также экономической взаимозависимости всех стран. Они утверждали, что везде начнется экономический рост и процветание [Saul 2005: 3].

Фактически имело место прямо противоположное. В добавление к усугубившемуся экологическому кризису мировая экономическая ситуация оставила половину населения мира – больше 3,5 млрд человек – в условиях крайней бедности. ООН описывает эту ситуацию следующим образом: «Несмотря на все наши технологические прорывы, мы все еще живем в мире, где пятая часть населения развивающихся стран голодает каждый день; четверть испытывает недостаток в предметах первой необходимости, таких как чистая питьевая вода, а треть живут в состоянии крайней нищеты – за гранью человеческого существования, которое невозможно описать словами» [Karliner 1997: 22]. В целом сегодня более миллиарда человек живет в абсолютной бедности, 70 % из них составляют женщины [*Ibid.*].

Одно из двух: либо большинство экономистов, действовавших из лучших побуждений, очень сильно ошиблись, либо Маркс оказался прав, когда говорил о том, что в обществе преобладают идеи, принадлежащие его доминирующему классу, и тогда эта ошибка есть результат (возможно, полубессознательного) обмана. Впрочем, сторонники мир-системной теории считают, что современная мир-система сформировалась несколько веков назад вокруг одной или нескольких могущественных стран, которые превратились в империалистические центры капитала в окружении периферийных стран, ставших источниками дешевой рабочей силы и сырья для прибыли транснациональных корпораций, расположенных в империалистических центрах. Доминирующий класс стал сегодня мировым классом, особенно в империалистических центрах, и продвигает свои интересы в мировом масштабе.

Все это говорит о том, что мировая система – это единое целое, состоящее из капиталистических экономических отношений и субъектов национальных государств, это связная и интегрированная система, разработанная для обслуживания интересов правящих капиталистических классов за счет общепланетарной окружающей среды и большинства населения Земли. Глобализация – это проект доминирующего класса, использующего систему национальных государств как главный инструмент для продвижения своих интересов. Это центральное понятие *Развенчания глобализации* социологов Джеймса Петраса и Генри Велтмейера. Пепе Эскобар пишет: «По мнению Эрика Хобсбаума, для транснациональных корпораций – мы называем это корпоратизмом – "идеальным миром" является мир без государств, или по крайней мере с маленькими государствами. (И возможна одна сверхдержава, которая будет проводить в жизнь идеи корпоратизма?) В 2004 г. существовало более 63 000 транснациональных корпораций. Недоступные для государственного или международного права, пренебрегающие экологическими требованиями, социальной ответственностью и всеми вышеупомянутыми факторами одновременно, они могут стать более разрушительными, чем ураганы. Проект по конфиденциальному сбору данных по эмиссии парниковых газов (Carbon Disclosure Project – CDP) показал, что 57 % из пятисот лучших корпораций не имеют абсолютно никаких планов по борьбе с глобальным потеплением. 140 компаний даже не ответили на вопросы исследовательской группы CDP. А Британская оборонная компания (BAE), ведущий британский производитель оружия, оказалась среди худших по охране окружающей среды… Цифры говорят о непомерном сумасшедшем хаосе. Капитализм оказался сборищем грабителей, в котором несколько счастливцев получают несоизмеримую часть прибыли, намного больше, чем все остальные: здесь нет никакого равенства» [Escobar 2007: 27].

Глобальный капитализм подразумевает интеграцию капиталистических правящих классов и империалистических национальных государств, которые оказываются неразрывно связанными капиталистическим императивом: расширение или смерть. Процесс глобализации, описанный Марксом, превращается в конечном итоге в интегрированную всемирную систему эксплуатации и доминирования, затрагивающую каждый аспект всеобщего блага и почти всех людей, живущих на Земле. Неотъемлемой частью этой единой системы являются национальные государства. Социолог Кристофер Чейз-Данн пишет: «Государство и межгосударственные системы не отделены от капитализма, но являются скорее главной организационной поддержкой капиталистических производственных отношений. Система неравноценно сильных и конкурирующих национальных государств является частью капиталистической конкурентной борьбы, и таким образом, войны и геополитика – это системная часть капиталистической динамики, а не ее внешние факторы» [Chase-Dunn 1998: 61].

Процесс глобализации требует взаимосвязанной деятельности трех составляющих: мира, расколотого на множество национальных государств; класса влиятельных транснациональных корпораций с экономической властью и возможностью подкупать и управлять большинством национальных государств; и крупных банковских картелей, контролирующих финансы и кредиты во всем мире. Эти три элемента, безусловно, тесно объединены, поскольку банковские картели сами по себе являются корпорациями, а капиталистический правящий класс в основном контролирует органы власти во многих национальных государствах. Самое силь-

ное из них – США – является гегемоном и главным покровителем неолиберальной глобализации, поскольку имеет возможность оказывать экономическое и политическое давление на разные страны, в значительной мере контролировать МВФ и Всемирный банк, а также влиять через свою огромную военную систему, состоящую из более чем 700 баз по всему миру, и через многочисленные связи с вооруженными силами большинства других стран.

Маркс рассматривал капиталистический строй как систему легализованного «грабежа» или «рабства», когда наемный рабочий вынужден работать часть дня бесплатно, чтобы обеспечить прибавочную стоимость (прибыль) для работодателя. Этот грабеж стал возможным в процессе «первоначального накопления» капитала (например, прямое воровство при приватизации общинных земель), и украденный капитал был впоследствии легализован в соответствии с принятыми государством законами о частной собственности. Впрочем, так как капитализм по сути есть система грабежа, первоначальное накопление (прямое воровство) всегда было частью процесса. Неолиберальная глобализация во многих отношениях усовершенствовала этот процесс грабежа. Дэвид Харви пишет: «Главной реальной задачей неолиберализации, однако, было перераспределить, а не воспроизводить богатство и доходы. Ранее я проанализировал основные механизмы накопления посредством лишения прав собственности. Под этим я подразумеваю продолжение и быстрый рост накоплений, которые Маркс рассматривал как “примитивный” или “первоначальный” в процессе развития капитализма. Они включают превращение земли в товар и ее приватизацию; принудительное изгнание крестьянства (сравните случаи, описанные выше, в Мексике и Китае, где 70 млн крестьян, как мы полагаем, были переселены совсем недавно); преобразование различных форм прав собственности (общинная земля, коллективная, государство, и т. д.) в исключительные права частной собственности… и, наиболее разрушительное из всех, это использование кредитной системы как радикального средства накопления через лишение собственности. Государство, с его монополией на насилие и право определять, что есть законно, играет важнейшую роль в поддержании и продвижении этих процессов» [Harvey 2005: 159][1].

3. Спорная роль национального государства

В своей книге *Коллапс глобализма и возрождение мира* Дж. Ральстон Сол утверждает, что глобализм к 2005 г. был, по сути, нежизнеспособен, так как не смог выполнить обещания по увеличению всеобщего благосостояния, и, кроме того, «современный военный и политический кризис требует восстановления власти национального государства» [Saul 2005: 251]. Он утверждает, что образовался «вакуум» теорий о том, куда двигаться дальше; однако мы уверены, что «национальное государство вернет себе прежнее положение в рамках сложившейся новой комплексной системы» [*Ibid.*: 279]. Впрочем, если принять нашу характеристику мировой системы, то становится очевидно, что глобальная система доминирования и эксплуатации не исчезнет так легко. Продолжающееся сегодня окружение России и Китая империалистическими военными базами [Engdahl 2009], борьба в Азии за контроль газа и нефтепроводов и продвижение

[1] Н. Кляйн (Klein 2008) отмечает этот процесс во многих странах в отношении применения пыток и насилия в процессе внедрения неолиберальной экономической глобализации. Э. Браун (Brown 2007) выделяет этот процесс в мировой банковской системе и денежной эмиссии.

торгового соглашения по Транс-Тихоокеанскому партнерству (ТТП) являются показателями того, что мировой империалистический капиталистический гигант вполне еще жив.

Однако прогрессивные философы продолжают спорить о роли национального государства. В начале XX в. и даже сегодня многие прогрессивные мыслители полагают, что национальные правительства смогут прийти к власти (революционным путем или через выборы) и стать оплотом социалистических ценностей и защиты граждан от хищнического глобального капитализма. Кубинская революция 1959 г., чилийский выбор социалистического пути в 1970 г., а также никарагуанская зеволюция 1979 г. и выборы 1999 г. Уго Чавеса в Венесуэле служат примерами уверенности в подобных действиях. Какова будет и должна быть роль суверенного национального государства в борьбе за освобождение человечества? Возможно, это будет идиллическое сосуществование, определяемое Уставом ООН как «гармоничное взаимодействие равных и автономных национальных субъектов» [Hardt, Negri 2001: 132]. Многие сторонники прогрессивных взглядов жалуются на посягательство на государственный суверенитет со стороны мировых торговых законов, по которым корпорации могут предъявить иск государству, если его законы о труде или законы об охране окружающей среды сокращают прибыль. Кроме того, международные финансовые организации могут навязать странам-должникам наносящие ущерб программы структурной перестройки. Также прогрессивные ученые утверждают, что «суверенитет» стран должен быть восстановлен как часть борьбы за прогресс.

Петрас и Велтмейер, например, считают ложным утверждение о том, что глобализация в значительной степени вытеснила национальное государство, кроме того, они полагают, что подтверждение государственного суверенитета и контроль над национальными органами управления имеют большой потенциал в борьбе за освобождение человечества и демократический социализм. Они подтверждают это положительными примерами сегодняшней борьбы за «социализацию стратегических секторов экономики» в таких странах Латинской Америки, как Венесуэла, Боливия, Бразилия, Эквадор и др. [Petras, Veltmeyer 2001: 89–90]. Конечно, стратегии международной борьбы против глобализированного капитала должны быть связаны и взаимодействовать друг с другом, но главной мощной и законной поддержкой власти в укреплении прогрессивных завоеваний остается суверенное национальное государство.

С другой стороны, известные социологи Кристофер Чейз-Данн и Терри Босвелл предполагают подъем «глобальной демократии» за пределами системы суверенных государств. Глобальная демократия включает как правопорядок, выходящий за рамки суверенных государств, так и локальную демократию управления экономикой и политикой, подчиняющуюся местным органам управления [Boswell, Chase-Dunn 2000: 5–6]. Выше мы приводили утверждение Чейз-Данна о том, что капиталистическая мир-система есть неразделимый сплав национальных государств и глобального капитала. Следовательно, если отдельные национальные государства не могут быть отделены от этой мировой системы, то глобальному социализму необходимо будет выйти на политико-юридический и экономический уровень, *выходящий за рамки этой системы*. Любой стране, в которой сформируется прогрессивное правительство, неизбежно придется действовать в рамках мировой капиталистической экономической системы, что, сле-

довательно, будет подрывать ее социалистические принципы отрицательным влиянием меркантилизации и отчуждения.

Возвращаясь к марксистской традиции периода перед Первой мировой войной, мы видим, что Роза Люксембург с негодованием выступала против любых националистических решений в рамках борьбы за гуманное и простое социалистическое мироустройство. Хардт и Негри описывают ее позицию следующим образом: «Роза Люксембург страстно (и тщетно) выступала против национализма в спорах, обращенных к Третьему Интернационалу, в годы, предшествующие Первой мировой войне... Самым сильным аргументом Люксембург было то, что в стране господствует диктатура, которая абсолютно несовместима с любой попыткой демократической организации. Люксембург признавала, что государственный суверенитет и национальная мифология эффективно захватывают поле действия демократической организации посредством восстановления территориального суверенитета и модернизации через действия активного общества… Кризис современности, который заключается в противоречивом соприсутствии широких масс и власти, стремящейся свести все к принципу избранных (то есть к соприсутствию нового продуктивного набора свободной субъективности и дисциплинарных прав на эксплуатацию), окончательно не решается в рамках понятия государства, и тем более концепций суверенитета или государства. Страна может только идеологически замаскировать кризис, переместить его и отсрочить его влияние» [Hardt, Negri 2001: 96–97].

Хардт и Негри утверждают, что возлагать надежды на суверенное государство означает принять «отравленный дар национального освобождения… Можно сказать, что это Февральская революция, за которой должна следовать Октябрьская. Но календарь сошел с ума: октябрь никак не наступает, революционеры увязают в “реализме”, и модернизация завершается, запутавшись в иерархии мирового рынка» [*Ibid.*: 132]. Это еще одно подтверждение традиционной идеи, что социализм невозможен в отдельных национальных государствах в рамках мировой капиталистической системы.

Эта система будет всегда стремиться подорвать, свергнуть и извратить социалистические принципы до неузнаваемости. Освобождение должно быть общемировым, или оно не наступит никогда. Система раздробленности также оказывается важна для империалистической системы банкиров, корпораций и милитаризованных национальных государств. Правительства более слабых стран могут быть изолированы, на них могут нападать или их могут свергать, не опасаясь, что другие страны придут на помощь. Так, в 1998–1999 г. империалистические силы безнаказанно уничтожили правительство Югославии, в 2001 г. – правительство Афганистана, в 2003 г. – правительство Ирака и в 2011 г. – правительство Ливии. Кроме того, империалистические силы не просто располагаются в самых влиятельных милитаризованных национальных государствах, они также составляют транснациональные корпорации, легально зарегистрированные в США, Европе или Японии, также и международные финансовые организации, такие как Всемирный банк и МВФ, финансируемые самими частными банковскими картелями, находятся в мировых центрах капитала. Следовательно, и периферийные страны-жертвы, и империалистические страны-эксплуататоры с их правящими классами являются важными компонентами мировой капиталистической системы.

4. Мировые кризисы и глобализация

С одной стороны, мы видим, что процесс глобализации усилил мировой кризис бедности и экологические катастрофы. Он также усугубил кризисы, связанные с истощением ресурсов, быстрым распространением оружия и нарушениями прав человека [Posner 2014]. Тем не менее эти мировые кризисы стали широко известны и оказывают давление на человеческое сознание, и это может привести к активизации революционного субъективизма во всех странах мира.

Пока люди продолжают думать в идеологических понятиях, навязанных доминирующими правящими классами, вряд ли произойдут значительные изменения в плане идей об освобождении. Идеологические лозунги, такие как «продвижение свободных рынков», «высокая производительность частного предприятия», «зеленые корпорации», «зеленые технологии, сохраняющие окружающую среду», «национальные демократические государства», «поддержка семейных ценностей», «борьба с терроризмом», «поддержка наших войск», «защита национальной безопасности», «противостояние опасности иностранной агрессии», «поддержка закона и порядка», «эффективные программы жесткой экономии», «угроза исламо-фашизма», слепо усвоены национальным населением, особенно в империалистических центрах капитала. До тех пор, пока они сохраняются, вряд ли можно ожидать каких-либо изменений.

Тем временем весь мир погружается в политический хаос, растет социально-экономическая напряженность, ухудшаются климатические условия – это те факторы, которые довольно трудно проигнорировать или должным образом «раскрутить» в капиталистических СМИ, чтобы возложить вину на официальных врагов. Существует множество признаков и огромное количество литературы, говорящих о том, что люди отвечают на эти вызовы, изобретая принципиально новые термины, выходящие за рамки традиционной капиталистической идеологии. Уровень CO_2 в атмосфере неуклонно растет, очевидно, что ледники и полярные купола тают быстрыми темпами; леса во всем мире исчезают с пугающей скоростью; две трети мировых рыбных запасов используются на пределе или выше их способности к воспроизводству; быстрыми темпами истощаются запасы качественной пахотной земли и пресной воды, в то же время согласно нетто-коэффициенту мировое население продолжает увеличиваться на 80 млн человек в год [Martin 2013]. О данных общемировых кризисах хорошо всем известно, но у неолиберального проекта глобализации нет эффективных идеологических механизмов, способных замаскировать эту тревожную ситуацию.

Все это – отрицательные последствия действия капиталистического догмата роста, который является двигателем, встроенным в систему, требующую постоянного роста капитала («вырасти или умереть»), но, как пишет экономист Херман Э. Дэли, «технические и экономические аспекты достижения устойчивости не столь сложны. Проблема в том, чтобы преодолеть нашу привычку к росту… Поклонение идолу роста не может признать, что устранение бедности требует *ограничений*, не увеличения, а определения *пределов* роста в использовании ресурсов на душу населения, *пределов* прироста населения, *пределов* роста неравенства. Отказ признать эти ограничения приводит к росту, превышающему потенциальную продуктивность земли с ее последующим разрушением» [Daly 1996: 224]. Но

одни лишь эти кризисы не заставят человечество перейти от отчужденного сознания к гуманному и рациональному общественному сознанию.

5. Сдвиг парадигмы к холизму[2]

Но не только реакция людей на разрушения, вызванные неолиберализмом и всемирными кризисами, оставляет каплю надежды на преобразование человеческого сознания, прежде чем будет слишком поздно. В результате научной революции XX в. появился принцип холизма, который подразумевает фундаментальное понимание мироустройства. Этот принцип может трансформировать все наше мышление и образ жизни на Земле. Он может стать основой для новой экономики, новой этики и нового понимания общественной и политической жизни человечества. Однако эти новые интерпретации представляют собой просто выполнение определенных основных цивилизационных принципов, например таких как демократия, которая зародилась еще в древнем мире.

Как сказал А. Шопенгауэр, изменения состоят не в том, чтобы увидеть что-то новое, но в том, чтобы по-новому увидеть то, что видят все. Такой сдвиг парадигмы человеческого мышления еще не укоренился в этической, социальной или коллективной сфере нашей жизни. Мы остаемся в плену старых парадигм, основанных на раздробленности и разделении. Колоссальные проблемы XXI в. являются результатом этой раздробленности.

Во многих науках – в квантовой теории, космологии, экологии, теории систем, социологии и психологии – часть и целое воспринимаются как неотделимые друг от друга. При этом сущность, структура и функция частей становятся необъяснимыми в отрыве от понятия целого в целом (пространства в пространстве), и только с точки зрения целого становятся понятны характеристики, развитие и функционирование частей, которые входят в это целое. Тем не менее наши представления остаются разобщенными, отдельными и фрагментированными на элементы, которые кажутся несопоставимыми друг с другом. Результатом этого являются коллективный и личный эгоизм, война, конфликты, экономическая эксплуатация, экологические проблемы и уничтожение друг друга. Как и система фактически разобщенных национальных государств, капитализм – это система, фрагментированная конкуренцией, многократными кризисами и внутренними противоречиями.

Наука показала, что на любом уровне развития различные сообщества и индивидуумы являются частью взаимосвязанной матрицы организованной материи и энергии: сферы, которые связывают людей разнообразными способами и в то же время разграничивают их как индивидуальности, включенные в эти сферы. Другими словами, люди не только противоречат друг другу в том плане, что «А» и «не А» логически исключают друг друга, *они одновременно дополняют друг друга*, являясь как бы элементами более общей системы вселенных или полей [Harris 2000: Ch. 3].

Холизм (принцип целостности) предполагает, что мы должны расширить наши представления, чтобы охватить множество сфер деятельности, в которые мы включены. Другие люди подобно нам взаимодействуют и объединяются са-

[2] Этот раздел основан на главе 2 в моей книге *Anatomy of a Sustainable World*, которую я ранее цитировал.

мыми разными способами, что объединяет нас, людей, в наш общий этический и цивилизационный проект. Сегодня мы также осознаем, что наш общий цивилизационный проект включает прежде всего прекрасную Землю, на которой мы живем, – ее красоту, экологическую целостность, ее хрупкую биосферу и необходимое комплексное управление. Капитализм и его порочный «брат» – система суверенных национальных государств – только препятствуют реализации нашего общего цивилизационного проекта.

Люди не только являются неотъемлемой частью целостного космоса и экосистемы Земли, но и формируют единственный на планете человеческий род и планетарное общество. Однако на практике, поскольку мы еще не привели нашу цивилизацию в равновесие с тонко сбалансированной биосферой, поддерживающей жизнь на Земле, мы пока не достигли гармонии между нашей общественной жизнью и целостностью планетарного общества. Мы попали в ловушку разобщенных систем, которые разрушают биосферу и продолжают уничтожать планетарное общество посредством войн, эксплуатации, лингвистических форм обмана, организованного насилия и непрерывных конфликтов.

Из множества мыслителей XX в., поддерживающих идею принципа целостности стран и человечества, мне хочется процитировать здесь только одного. Философ Э. Э. Харрис утверждает, что универсальный двигатель эволюционного процесса находится в нас самих и (как и везде) поддерживает принцип целостности и холизма, то есть устранения внутреннего и внешнего конфликта для того, чтобы отдельный человек (или группа или страна) и человеческий род в целом могли существовать в мире в рамках динамического и разнообразного, но все же упорядоченного целого. Образцом для него является разум, осознающий целостный характер мирового процесса и неуклонно направляющий нашу жизнь и общество к гармонии с ним. Однако эта динамика подразумевает интеграцию и гармонизацию *целостного человека*: мысли, эмоции, интуицию, традиции, привычки и инстинкты[3].

Какие общественные институты отразили бы эту целостность и внутренние отношения? Нам известен простой и в то же время неожиданный ответ: глобальная демократия, понятая должным образом. Объединение человечества в рамках демократического общества означает понимание того, что люди связаны друг с другом внутренними отношениями, традиционно известными как «общественный договор». Демократия, понятая должным образом, является ключевым пунктом объединения людей и создания устойчивой цивилизации в гармонии с холистическими экологическими принципами. Трагические события нашего времени и продолжающийся экологический кризис на планете показывают, что мы должны осознать фрагментированность нашего мышления и устаревание социальных институтов. Мы должны искать целостность в нас самих и понять, как она может быть выражена в целостных, ненасильственных и самодостаточных социальных институтах.

Я считаю, что объединение человечества в соответствии с *Конституцией Федерации Земли* дает нам надежду на полную реализацию принципа холизма в человеческом обществе и будет способствовать созданию цивилизации в гармонии с экологическим принципом целостности нашей планеты. Планетарная демократия воплощает философию холизма в трех основных аспектах: в плане нашего

[3] См. мое введение к идеям Харриса [Harris 2014: XV–XLIV].

экологического выживания на планете, в аспекте прогресса и реализации исторического проекта человеческой цивилизации и для наших личных достижений как отдельных личностей.

Таким образом, грядущие перемены можно кратко описать либо как возрождение человечества, которое будет стремительно развиваться, что ознаменует счастливое выживание и процветание исторического проекта человечества, либо как закат человеческой цивилизации вследствие планетарной катастрофы и возможного исчезновения человека как вида. Мы должны наконец осознать, что необходимо значительно сократить насилие над людьми и окружающей средой, чтобы можно было воплотить в жизнь идеалы демократии. Демократия, устойчивая общественная экономика и забота об окружающей среде идут рука об руку при любой эффективной форме правления. Их актуализация на Земле будет означать появление устойчивой планетарной цивилизации.

6. Холизм и борьба за освобождение человечества

Холизм диаметрально противоположен не глобализации как таковой, но глобализации мировой системы в рамках парадигмы раннего Нового времени. Если глобализация означает объединение людей, правительств, транспортной системы, коммуникаций и экономических отношений, то холизм поддерживает глобализацию. Но мир-система раннего Нового времени *структурно фрагментирована*. Она делит мир приблизительно на 193 «суверенных» государства с независимыми правительствами и абсолютными территориальными границами. Мировую экономику объединяет система частного предпринимательства, нацеленная на накопление богатства в тысячах или миллионах частных и конкурентоспособных центрах накопления (индивидуальных и корпоративных), поглощающих частную прибыль и выбрасывающих издержки производственного процесса в общество и окружающую среду. Как раздробленная система многочисленных милитаризированных правительственных центров с четкими границами, глобальная экономическая система разделяется на множество частных центров накопления с легальными экономическими границами, исключающими большую часть общечеловеческих и общепланетарных благ.

Гипотетически марксистская теория всегда составляла противовес системе частного накопления богатства за счет природных ресурсов и общих благ человечества, которое в рамках этой системы называлось пролетариатом. Сегодня философы расширяют понятие пролетариата как силы, способной преобразовать систему частного накопления в целях создания универсального всеобщего блага. Например, Хардт и Негри пишут: «Пролетариат уже не тот, каким он был раньше, но это не означает, что он исчез. Это означает скорее, что мы снова столкнулись с аналитической проблемой понимания новой структуры пролетариата как класса. Тот факт, что мы включаем в пролетариат *все* слои населения, эксплуатируемые и подчиненные капиталистическому господству, не говорит о том, что пролетариат – гомогенное или однообразное единство… Наша мысль в том, что все разнообразные формы труда в некотором роде подчиняются капиталистической дисциплине и капиталистическим производственным отношениям. Факт самого включения в систему капитала и поддержки капитала – вот то, что определяет пролетариат как класс» [Hardt, Negri 2001: 53].

Это новое определение пролетариата может охватить практически всех людей на планете за возможным исключением нескольких ячеек натурального хозяйства и аборигенных племенных народов. Однако хотя метод «классового анализа» остается важным инструментом для понимания глобализации, принцип холизма преобразовывает понятие пролетариата в направлении идеи о человечестве, в котором индивиды и целое формируют вместе единство в разнообразии, характеризуемое всеобъемлющими внутренними отношениями. Это, возможно, очень близко к формам бытия у Маркса.

В *Нищете философии* Маркс пишет, что «условием освобождения рабочего класса является ликвидация всех классов». Пролетариат не должен пониматься как совокупность рабочих в противовес классу буржуазии, а скорее как ликвидация всех классов в пределах универсальности бытия нашего вида, что, по сути, есть достижение целостности. Из понятия нашей универсальной формы бытия мы можем получить трансформированное понимание экономики и политики, основанное на *всеобщем благе* человечества и его будущих поколений.

Целостность человечества приводит нас к понятию *человеческого общества*, которое, возможно, близко представлениям П. Тейяра де Шардена о *ноосфере* или универсальном человеческом сознании, охватывающем весь земной шар. Как указывает экономист Г. Э. Дэйли, неолиберальная экономическая глобализация не ведет нас к мировому сообществу, а скорее создает «космополитический мир вольных менеджеров, которые составляют не сообщество, а попросту взаимозависимую, уязвимую, нестабильную коалицию для достижения краткосрочных целей» [Daly 1996: 64].

Хардт и Негри утверждают, что идея всеобщего, поистине человеческого и освобожденного будущего была присуща пролетарскому интернационализму: «Международная солидарность на самом деле была проектом разрушения национального государства и создания нового глобального сообщества. …Пролетарский интернационал создал парадоксальную и мощную политическую машину, которая настойчиво продвигалась за пределы границ и иерархий национальных государств, ориентируясь на утопическое будущее исключительно в глобальном масштабе» [Hardt, Negri 2001: 49–50].

В своей книге *Маркс и Библия* марксистский христианский мыслитель Хосе Миранда наглядно показал связь идей К. Маркса с Библией. Миранда утверждает, что «[У Маркса] мы понимаем действительность в той мере, которую мы отождествляем с сознанием человечества, являющегося истинным объектом истории» [Miranda 1974: 270]. Другой марксистский христианский мыслитель Энрике Дюссель в своей книге *Этика и общество* указывает, что в рамках капиталистической системы богатые пытаются отрицать свою внутреннюю связь с бедными, свои внутренние отношения, которые должны выражаться и выражаются в пределах подлинных «сообществ». Упорно настаивая на внешних отношениях, на своем «праве» обладать богатством, которое накопили за счет бедных, богатые отрицают наше всеобщее человеческое сообщество [Dussel 1986: 22–24].

Для Миранды (вслед за теорией Маркса и Библией) целостность человечества отражена в «сознании человечества» и должна стать главным аспектом глобальных экономических и политических систем. Для Дюсселя главным вопросом является именно такое человеческое сообщество, в котором все люди принимаются и признаются «людьми с достоинством». Оба этих способа выражения целостности человечества разработаны Марксом в его понятии «форм бытия». Внутренние

отношения становятся главным фактором, когда люди сознательно рассматривают политические и экономические отношения как *выстроенные обществом*, а не как «объективные» законы, воплощающие отрицание наших внутренних отношений друг с другом.

Капиталистическая экономическая система отрицает внутренние отношения между людьми, которые формируют основное понятие глобального человеческого общества. Эта экономическая система реализуется через эксплуатацию рабочих, как будто она является объективным, неконтролируемым экономическим законом, а не совокупностью общественных отношений, в которых богатые крадут источник жизненной силы бедных, обогащаясь за счет других и общественных благ. Интерпретация истории человеческого существования как появления глобального общества получила реальную известность только в XX в. с научным подтверждением холизма, который ранее нашел выражение в Библии и сочинениях Маркса.

Холизм обеспечивает основу *не* для постепенного развития глобальной мировой системы в направлении большей справедливости, равенства и устойчивости, а скорее для революции в сознании, которая представляет новое, более универсальное обоснование понятий демократии и социализма. Поскольку неолиберальная глобальная мировая система по существу раздроблена, она не может сформировать надежную основу человеческого будущего. Скорее существующая доминирующая мировая система мешает и разрушает такое будущее. Демократию больше нельзя рассматривать как систему правления, основанную на прихотях и представлениях большинства, которыми могут манипулировать как средства массовой информации, так и идеология потребления и вечно притворяющиеся политики. Отныне демократию необходимо понимать как выражение целостности человечества, когда всеобщее благо (право всех людей на процветание в мире, безопасности и стабильности) является основой глобального политического процесса принятия решения.

Демократия отныне является выражением того же целостного видения, что и ядро традиционной социалистической теории. По выражению Босвелла и Чейз-Данна, «наша главная отправная точка – это *глобальная демократия*. Демократия включает гражданские и индивидуальные права человека, без которых демократические институты бессмысленны... Демократия охватывает политические, социальные и экономические сферы, а не разграничивает их искусственным образом… Недемократический социализм – это вообще не социализм независимо от благих намерений его создателей» [Boswell, Chase-Dunn 2000: 5–6]. Маркс различал «формальную демократию» и «независимую демократию». Последняя предполагала совместное экономическое производство, существенное экономическое равенство и отмену накопления богатств через приватизацию. Холизм является основой для трансформации концепции планетарного человеческого сообщества. Отсюда вытекают новое понятие нашего глобального всеобщего блага и реализация этого всеобщего блага через глобальную независимую демократию, а именно – через демократическую и социалистическую глобальную экономику и политику.

Мировая система периода раннего Нового времени, по сути разобщенная и обреченная на провал, разрушается через создание новой целостной мировой системы. Капитализм и система суверенных национальных государств создали единую интегрированную мировую систему с глобальной транспортной системой,

коммуникациями и экономическими отношениями. Но это по своей сути разобщенная система, и она неспособна к реализации нашего человеческого потенциала к освобождению.

Антиглобалистское движение еще не осознало целиком сегодняшнюю ситуацию. Нет необходимости отменять все достижения глобализации и возвращаться к национальным производственным системам со множеством суверенных национальных государств. Как пишет Дэли, «истинный путь к международному сообществу лежит через создание федерации сообществ – своего рода сообщества сообществ, – а не через разрушение местных и национальных сообществ» [Daly 1996: 163–164]. Мир должен продвинуться на более высокий уровень с точки зрения экономики и политики, чтобы соответствовать принципу целостности человеческого сообщества и природы. Мы должны учредить немилитаризованную демократическую Федерацию Земли.

7. Конституция Федерации Земли

Немало законов появилось на Земле за последние сто лет. Но только один является результатом совместной работы сотен, возможно, тысяч людей во всем мире по созданию действительно глобальной и демократической мировой системы, и только эта конституция была переведена приблизительно на 23 языка и получила распространение по всему миру. С 1958 по 1991 г. Конституция Федерации Земли создавалась под эгидой мирового движения, возглавляемого Ассоциацией сторонников мировой конституции и мирового парламента (World Constitution and Parliament Association – WCPA). В этот период были проведены четыре международных Учредительных Собрания в четырех странах мира. В них участвовали международные судебные эксперты, философы, а также другие граждане мира. Была создана замечательная модель обновленной мировой системы, которая, по утверждению Р. Бакминстера Фуллера, вытекает из необходимости выживания и является инструкцией по эксплуатации «космического корабля Земля».

Глобализация современной разобщенной мировой системы должна быть заменена глобальным холизмом. Подобно тому как капитализм, по мнению Маркса, создал материальные предпосылки для перехода к бесклассовому мировому обществу, неолиберальная глобализация создала технические и коммуникационные условия для согласования планетарной демократии. Достижение глобальной ратификации Конституции Земли людьми и странами возможно через три последовательных стадии, перечисленные в общем виде в Статье 17. Мировой Парламент, представляющий народы и страны Земли, легко может быть сформирован благодаря глобальным технологиям, транспортной системе и коммуникациям.

Конституция построена на принципе единства в разнообразии, что гарантирует максимальное участие людей со всех уголков мира в многочисленных сферах управления Федерацией Земли. На основе этого создается мировая администрация и глобальная государственная служба, всемирная система судопроизводства, система контроля, включающая юристов, всемирную гражданскую полицию и мировую организацию по рассмотрению жалоб в целях защиты прав человека во всем мире. Все эти органы работают под руководством Мирового Парламента, который служит органом законодательной деятельности в рамках ценностей, ограничений и процедур, определяемых Конституцией Земли.

Мировой парламент будет состоять из трех палат. *Палата стран* будет включать от одного до трех представителей каждой страны в зависимости от населения. *Палата народов* будет состоять из 1000 делегатов, выбранных в 1000 избирательных округах, распределенных по всему миру в зависимости от численности населения. Наконец, *Палата советников* будет состоять из 200 делегатов, по 10 от каждой из 20 крупнейших стран Земли. Эта последняя палата создана для того, чтобы в Мировом Парламенте работали компетентные люди, олицетворяющие всеобщее благо человечества. Главы многих органов правительства Федерации Земли будут выбираться из числа членов Мирового Парламента (из приблизительно 1500 человек), что будет гарантировать крепкую связь и единство с Федерацией Земли.

Ниже представлен краткий список холистических принципов, лежащих в основе Конституции Земли: 1) принцип единства в разнообразии, в котором разнообразие всех людей, культур, религий, рас и национальностей объединяется в пределах одного общего мирового гражданства; 2) принцип глобального всеобщего блага для всех без исключения; 3) принцип справедливого распределения средств и предметов, необходимых для благоденствия всех людей на Земле; 4) принцип соблюдения прав человека, включающих не только политические, но и экономические, социальные и экологические права; 5) принцип всеобщего достояния, при котором жизненные ресурсы национализированы в целях равноправного использования во всем мире; 6) принцип общемировой банковской системы с единой универсальной валютой, имеющей ценность повсюду, что предотвращает валютные спекуляции и колебания рынка; 7) единая мировая банковская система, действующая в соответствии с конституцией и стимулирующая развитие стабильной и равноправной производительности людей на Земле для процветания человечества; 8) принцип постоянного диалога и обсуждения среди представителей народов Земли для обеспечения лучшего будущего для всех людей, прекращения милитаризма и войн, стабильного производства и потребления, защиты окружающей среды, всеобщего уважения прав человека и равноправного доступа к глобальным ресурсам.

Следовательно, должно быть понятно, что Конституция Земли – это не просто попытка развивать, переделывать или приспосабливать существующую раздробленную мировую систему периода раннего Нового времени. Эта Конституция дает возможность людям на Земле, исходя из реальной действительности, *создать* новую мировую систему социально, лингвистически и нравственно целостного человечества, живущего в рамках тонко сбалансированной целостности нашей планетарной экосистемы. Чтобы упростить создание новой мировой системы, можно заменить неработающий Устав ООН (основанный на устаревшей раздробленной мировой системе) на Конституцию Земли и объединить многие жизнеспособные органы ООН в министерства в составе правительства Федерации Земли.

Таким образом, глобализация предоставила нам необходимые технические возможности, но только философия холизма может дать нам жизнеспособное будущее. Глобализм в его современной форме активно препятствует освобождению человечества. Глобализм концентрирует богатство в руках ограниченного круга людей, вмешивается в демократические процессы повсюду на Земле и разрушает

планетарную экосистему. Переход к философии холизма не отвергает глобальной концепции развития, возвращающей нас к многочисленным раздробленным суверенным государствам. Скорее холизм способствует созданию более развитого, основанного на реальности единства, которое расширяет полномочия местных сообществ и одновременно возвращает странам возможность развития истинной демократии и законной, ограниченной автономии. Конституция Земли разными путями реализует принцип целостности, что обеспечивает освобождение человечества и создание прообраза будущей трансформированной мировой системы. Этот опыт должен быть изучен и распространен повсюду на Земле.

Перевод с английского Н. С. Дорофеевой, Е. В. Емановой.

Литература

Boswell T., Chase-Dunn C. The Spiral of Capitalism and Socialism: Toward Global Democracy. Boulder : Lynn Rienner Publishers, 2000.

Brown E. H. The Web of Debt: The Shocking Truth about Our Money System. Baton Rouge : Third Millennium Press, 2007.

Chase-Dunn, Ch., Hall, Th. D. 1998. World-Systems in North America: Networks, Rise and Fall and Pulsations of Trade in Stateless Systems. *American Indian Culture and Research Journal* 22(1): 23–72.

Dahl R. A. Democracy and its Critics. New Haven : Yale University Press, 1989.

Daly H. E. Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development. Boston : Beacon Press, 1996.

Dussel E. Ethics and Community / transl. by R. R. Barr. Maryknoll, NY : Orbis Books, 1986.

Escobar P. Globalistan. Ann Arbor, MI : Nimble Books, 2007.

Engdahl F. W. Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order. Weisbaden : Edition, 2009.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. With a Foreword by M. Gorbachev. New York, NY : Editions Rodopi B. V., Amsterdam, 2014.

Goerner S. J., Dyck R. G., Lagerroos D. The New Science of Sustainability: Building a Foundation for Great Change. Chapel Hill : Triangle Center for Complex Systems, 2008.

Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge : Harvard University Press, 2001.

Harris E. E., Yunker J. A. Toward Genuine Global Governance: Critical Reactions to “Our Global Neighborhood.” Westport, CT : Praeger, 1999.

Harris E. E. Apocalypse and Paradigm: Science and Everyday Thinking. Westport, CT : Praeger Publishers, 2000.

Harris E. E. Earth Federation Now! Tomorrow is Too Late. Appomattox, VA : Institute for Economic Democracy Press, 2014. Pp. xv–xvii.

Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford : Oxford University Press, 2005.

Karliner J. The Corporate Planet: Ecology and Politics in the Age of Globalization. San Francisco : Sierra Club Books, 1997.

Klein N. The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism. New York : Henry Holt & Co., 2008.

Martin G. T. Ascent to Freedom: Practical and Philosophical Foundations of Democratic World Law. N. p., 2008.

Martin G. T. The Anatomy of a Sustainable World: Our Choice Between Climate Change or System Change. Appomattox, VA : Institute for Economic Democracy Press, 2013.

Marx K., Engels F. The Communist Manifesto S. H. Beer. New York, NY : Appleton Century-Crofts, 1955.

Miranda J. P. Marx and the Bible: A Critique of the Philosophy of Oppression / transl. by J. Eagleston. Maryknoll, NY : Orbis Books, 1974.

Petras J., Veltmeyer H. Globalization Unmasked. London : Zed Books, 2001.

Philpott D. Revolutions in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations. Princeton : Princeton University Press, 2001.

Posner E. A. The Twilight of Human Rights Law. Oxford : Oxford University Press, 2014.

Saul R. J. The Collapse of Capitalism and the Reinvention of the World. New York : The Overlook Press, 2005.

Wallerstein I. Historical Capitalism. London : Verso, 1983.

Weston B. H., Falk R. A., D'Amato A. International Law and World Order: A Problem-Oriented Coursebook. St. Paul : West Publishing Co., 1990.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСФЕРТ АТОМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК УГРОЗА РЕЖИМУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Макаров В. Г.[*]

В данной статье анализируется роль международного трансферта атомных технологий в распространении ядерного оружия. Рассматривая историю становления ядерных держав, автор выявляет возможные пути данного трансферта. В исследовании поднимается вопрос о сотрудничестве современных ядерных пороговых государств в области атомных технологий. Часть статьи посвящена оценке угрозы ядерного терроризма.

Ключевые слова: *атомные технологии, ядерное взрывное устройство, атомная энергетика, ядерное оружие, международный терроризм.*

The role of the international transfer of nuclear technologies in proliferation of nuclear weapons is analyzed in the present paper. Considering the history of formation of nuclear powers, the author reveals the possible ways of this transfer. The issue of cooperation of the modern nuclear threshold states in the field of nuclear technologies is raised in the research. The part of the article is devoted to an assessment of threat of nuclear terrorism.

Keywords: *nuclear technologies, nuclear explosive device, nuclear power, nuclear weapon, international terrorism.*

Под атомными технологиями понимаются технологии, связанные с ядерными реакциями – распадом ядер или ядерным синтезом. Научная сфера, изучающая их, ядерная физика, в данный момент является высокоразвитой научной дисциплиной. Одна из ключевых особенностей ядерных технологий – их ярко выраженная многонаправленность применения. Так, например, технологии обогащения урана могут быть использованы для получения топлива для АЭС и в целях создания ядерного взрывного устройства. Оружейный плутоний может использоваться и для создания бомбы, и в реакторах особой конструкции. Однако создание ядерного взрывного устройства (ЯВУ) на основе любого из этих компонентов сопряжено с соблюдением целого ряда технических нюансов. Помимо соответствующей промышленной базы необходимо обладать технологиями производства расщепляющихся веществ, способных к цепной реакции распада,

[*] Макаров Владимир Георгиевич – аспирант Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: vladimir-truth@mail.ru.

чертежами конструкции ядерного взрывного устройства, а также квалифицированными кадрами.

Поскольку контроль над ядерными технологиями является неотъемлемой частью международного режима ядерного нераспространения, данной проблемы касаются в своих работах многие российские и зарубежные исследователи.

Среди использованной в исследовании литературы следует выделить издания Российской академии наук. В сборнике статей «Разоружение и безопасность» имеется исчерпывающая информация о современном состоянии уранодобывающей промышленности и связи технологий получения урана, используемого в качестве топлива для реакторов и применяемого в ЯВУ [Разоружение… 2007]. Также приводится список стран, обладающих наибольшими запасами урановой руды. В своем научном труде «Ядерный терроризм. Самая страшная, но предотвратимая катастрофа» исследователь из США Грэм Аллисон анализирует недостатки и угрозы нынешнего режима ядерного нераспространения в контексте тенденций современного международного терроризма и выявляет целый ряд возможностей неподконтрольного международного оборота ядерных материалов и технологий, подчеркивая мотивированность террористических группировок к приобретению ядерных взрывных устройств [Аллисон 2007]. Проблему обеспечения безопасности ядерных технологий в контексте работы спецслужб США исследует в своих научных работах С. В. Старкин, в особенности обращая внимание на пакистанскую ядерную программу [Старкин 2011: 232–240]. Угрозу ядерного терроризма поднимает и российский исследователь В. Е. Петрищев в книге «Что такое терроризм или введение в террорологию», относя к ядерному терроризму также и радиационный терроризм [Петрищев 2013]. Полезным источником информации являются такие книги, как сборник статей «Ядерное оружие после “холодной войны”» [Арбатов, Дворкин 2006] издательства «РОССПЭН» и «Современная международная безопасность» А. В. Фененко, где поднимается вопрос современных ядерных пороговых государств, а также неофициальных членов мирового «ядерного клуба» [Фененко 2013]. В исследовании использовались периодические и непериодические издания ПИР-Центра [Антонов 2012; История…; Ядерное… 2002]. В частности, в журнале «Индекс безопасности» многие авторы обращаются к проблеме ядерного нераспространения [Пономарев-Степной 2012: 47–60; Чебан 2014: 33–50]. Среди периодических изданий следует отметить научный журнал «Исторические, философские, политические и юридические науки» издательства «Грамота» [Григорьев 2014: 42–44].

Поскольку технологии создания ядерного оружия тесно связаны с атомной энергетикой, в исследовании была использована литература, посвященная актуальным проблемам мировой энергетики. Ю. В. Боровский в своей монографии «Современные проблемы мировой энергетики» отмечает возобновление интереса десятков стран к данному виду энергетики [Боровский 2011]. В качестве источников также использовались Договор о нераспространении ядерного оружия [Договор…] и Гарантии МАГАТЭ [Система…].

Учитывая тот факт, что трансферт ядерных технологий играл значительную роль в ядерных программах государств, которые обладали или обладают атомным оружием, в данном исследовании применялся сравнительно-исторический метод.

Кроме того, для описания современного режима ядерного нераспространения использовался системный подход.

Целями данной статьи являются: определение возможных путей международного трансферта ядерных технологий, оценка его роли в становлении ядерных держав; выявление проблем международного контроля данного трансферта.

Научная новизна данного исследования заключается в рассмотрении изучаемого феномена как наиболее существенного элемента ядерного распространения, более детального рассмотрения такого фактора, как международная миграция квалифицированных кадров.

Задачи данного исследования заключаются в поиске соответствующей научно-исследовательской литературы, посвященной проблемам ядерного нераспространения, а также в анализе документов международно-правового характера, регулирующих трансферт ядерных технологий. На основе данного материала необходимо сделать выводы о роли импортных технологий в ядерных программах государств, обладающих атомным оружием, и пороговых стран.

Ядерные технологии, безусловно, относятся к технологиям двойного назначения, так как могут быть использованы как в гражданской, так и в военной сферах жизни. Современный технический прогресс невозможен без использования высоких технологий. Впервые термин «технологии двойного назначения» появился в конце 1970-х гг. В докладе ЭКОСОСа ООН от 1977 г. отмечалось, что попытки снизить накал гонки вооружений путем ограничения доступа к технологиям, которые одновременно могут применяться в военных и общегражданских целях, противоречат усилиям мирового сообщества по достижению всеобщего экономического прогресса [Григорьев 2014: 42].

Однако полностью данный термин был раскрыт во Вассенаарских соглашениях в 1996 г., установивших список товаров и технологий двойного назначения [Criteria…]. В настоящее время термин «двойные технологии» используется для обозначения технологической сферы, охватывающей военные и общегражданские технологии. Суть его заключается в их универсальном характере, не только в двойном, а в многоцелевом использовании.

Помимо ядерной энергетики ядерные технологии имеют широкий круг применения в различных отраслях гражданской промышленности. Например, на стыке ядерной индустрии родились технологии создания новых композитных материалов, которые используются очень широко – от строительства до производства товаров народного потребления. Большое распространение также получили радиационные технологии, применяемые в производственных и технологических процессах, в частности в сельском хозяйстве, медицине (для борьбы с раковыми опухолями и в создании высокоточных приборов) и даже в энергопроизводстве – для достижения более высокой производительности традиционных источников энергии. Расщепляющиеся материалы используются в процессе очистки сточных вод, переработки отходов и токсичных газов [Бойко, Кошелев 2008: 271]. В ближайшие годы приборостроение, тесно связанное с радиационными технологиями (лазеры, ускорители, магниты), продолжит развиваться высокими темпами.

Основной причиной повышенного внимания международного сообщества к технологиям двойного назначения является в первую очередь их потенциальная

военная направленность. Трансфер технологий двойного назначения является гораздо более существенным рычагом внешнеполитического воздействия, нежели трансфер чисто гражданских технологий. На примере таких военно-политических образований, как блок НАТО, можно увидеть значительную упрощенность такого трансферта [Григорьев 2014: 43].

Международная торговля ядерными технологиями осуществляется не только в качестве передачи интеллектуальной собственности, но и путем строительства ядерных объектов, поскольку в ходе разработки проекта, а также его эксплуатации принимающая сторона осваивает примененные научные технологии. Одним из возможных путей утечки подобных технологий является миграция населения. Это может происходить как в форме отъезда специалистов в данной области за рубеж на постоянное место жительства, так и при получении иностранными гражданами соответствующего образования. Также истории известны случаи вербовки ученых иностранными спецслужбами и даже террористическими организациями в целях получения научной информации [Фененко 2013: 183; Аллисон 2007: 55; Старкин 2011: 8].

В настоящее время контроль международного трансферта ядерных технологий является неотъемлемой частью режима ядерного нераспространения. Наиболее значимой международной организацией, обеспечивающей режим ядерного нераспространения, является Международное агентство по атомной энергетике (МАГАТЭ), которое было создано в 1957 г. в рамках ООН и связано с ним рядом соглашений.

В задачи организации входит как содействие развитию атомной энергетики и практическому применению атомной энергии в мирных целях, так и обеспечение гарантий того, чтобы ядерные материалы и оборудование, предназначенные для мирного использования, не применялись в военных целях [Система…].

Наиболее значимым международным соглашением по нераспространению ядерных военных технологий является Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), разработанный в 1967 и открытый для подписания в 1968 г. Положения ДНЯО включают обязательство государств-подписантов не передавать кому бы то ни было технологии создания атомного оружия и поставить свои ядерные объекты под контроль МАГАТЭ [Договор…].

Для разных типов топлива ЯВУ используются различные способы детонации. Уран оружейного качества (содержание U-235 более 90 %) можно сдетонировать пушечным или имплозивным способом, плутоний же – только имплозивным. При пушечной детонации два куска урана находятся внутри трубы (в первой бомбе подобного типа, «Малыше», сброшенной на Хиросиму, в этом качестве был использован ствол 100-мм корабельного орудия), при помощи взрывчатого вещества один из кусков на большой скорости врезается в другой, создается критическая масса и запускается цепная реакция деления ядер. Имплозивный способ предполагает использование специальных химических взрывчатых веществ, которые при взрыве сдавливают топливо и вызывают детонацию [Аллисон 2007: 113].

Трансферт ядерных технологий сыграл заметную роль в становлении всех ядерных держав. Например, в проекте по созданию первой американской атомной бомбы, получившем название «Проект Манхэттен», большинство ученых были

мигрантами из Европы. В 1939 г. под руководством одного из таких физиков-эмигрантов – Лео Сцилларда был впервые осуществлен успешный научный эксперимент по расщеплению урана, доказавший возможность осуществления цепной реакции и использования ее энергии в военных целях [Шапиро 2007: 35]. Тогда перспектива нового крупного конфликта казалась многим политикам неизбежностью. Также вызывал беспокойство тот факт, что многие их коллеги остались в Германии и сотрудничали с правительством Гитлера. После нападения Третьего рейха на СССР некоторые физики из проекта были завербованы Советским Союзом и информация, переданная ими, сыграла определенную роль в создании первой советской атомной бомбы [Рабинович 2012: 127].

В августе 1943 г. Уинстон Черчилль и Франклин Рузвельт подписали соглашение о сотрудничестве в области создания атомного оружия. Британские ученые смогли непосредственно принять участие в «Проекте Манхэттен» и обменяться опытом со своими коллегами из Соединенных Штатов. После окончания Второй мировой войны в ноябре 1945 г. на встрече в Вашингтоне руководители Великобритании и США подписали соглашение о дальнейшем сотрудничестве в области создания и развития атомного оружия. Однако летом 1946 г. Конгресс США принял решение о запрете трансферта американских ядерных технологий за рубеж. Лишь в 1958 г. по инициативе президента Д. Эйзенхауэра некоторые положения закона были отменены в отношении Соединенного Королевства, было подписано новое соглашение о сотрудничестве в области атомного оружия [Фененко 2013: 425]. Параллельно был налажен обмен технологиями в области ракетостроения.

Французская ядерная программа также стартовала в конце Второй мировой войны. В 1945 г. был учрежден Комиссариат атомной энергетики [Толкачев 2004: 142], а в 1956 г. построен первый реактор. В те годы Франция активно участвовала в интеграционных процессах в Европе, став участником Европейского общества угля и стали, а затем и Европейского экономического сообщества и Евратома. Однако поражение в войне за колонии в Индокитае, а также успешные испытания атомной бомбы Великобританией подтолкнули французское правительство начать собственную военную ядерную программу. Ее ведущим научным специалистом был назначен Бертран Голдшмидт, участвовавший в «Проекте Манхэттен» [Шапиро 2007: 78]. С приходом к власти президента де Голля, мечтавшего о возрождении военной мощи Франции, в 1958 г. программа получила дополнительную поддержку [Толкачев 2004: 141].

В 1949 г. в Китае к власти приходят коммунисты во главе с Мао Цзэдуном. Ядерное оружие должно было обеспечить национальную безопасность Китая, поскольку долгое время режим Мао не признавался западными странами, а в качестве постоянного члена ООН выступал Тайвань. Китай открыто попросил помощи в своей ядерной программе у СССР в 1954 г. Несмотря на натянутые личные отношения между Хрущевым и Мао Цзэдуном, в период с 1955 по 1958 гг. был подписан ряд соглашений между КНР и СССР в ядерной сфере, в том числе и по передаче Китаю чертежа ядерного взрывного устройства [Ядерное… 2002: 85]. За время сотрудничества около 11 тысяч китайских специалистов прошли стажировку в СССР и приблизительно 10 тысяч советских ученых побывали в КНР [История…].

Трансферт ядерных технологий сыграл огромную роль в израильской военной ядерной программе. В 1955 г. было подписано соглашение с США о подготовке израильских специалистов [Фененко 2013: 446; Шапиро 2007: 446]. Франция, в свою очередь, в период первой половины 1950-х гг. активно сотрудничала с Израилем в области ядерных исследований, надеясь заручиться его поддержкой против Египта [Фененко 2013: 447], национализировавшего Суэцкий канал. Однако даже после провала операции вследствие вмешательства СССР и США французские специалисты продолжали работать на израильских ядерных объектах [Есин 2013: 2]. Сотрудничество продолжалось вплоть до начала 60-х гг. [Ядерное… 2006: 447]. Но к тому времени реактор уже был построен. Однако Израиль не обладает собственными урановыми месторождениями, поэтому было налажено сотрудничество с ЮАР [Есин 2013: 2], обладающей значительными месторождениями урана [Арбатов, Дворкин 2006: 182]. Израиль передал технологии создания ядерного оружия и взамен получил уран.

Основатель и руководитель пакистанской ядерной программы Абдул Кадир Хан получил образование в ФРГ в 1960-е гг., а затем работал в Амстердаме в лаборатории по обогащению урана [Аллисон 2007: 118]. В 1974 г. Индия успешно испытала ядерное оружие [Арбатов, Дворкин 2006: 374]. На следующий год Кадир Хан уехал из Европы в Пакистан, привезя с собой скопированные чертежи центрифуг по обогащению урана [Аллисон 2007: 118]. После тяжелого поражения пакистанской армии в ходе Третьей индо-пакистанской войны руководство страны считало первостепенной задачей национальной безопасности достижение военного паритета с Индией [Арбатов, Дворкин 2006: 384]. Но, несмотря на то, что многие сотрудники Кадыр Хана получили образование и ученые степени в европейских университетах, первое испытание пакистанской ядерной бомбы произошло в 1998 г. [Аллисон 2007: 118]. Следует заметить, что первые индийские реакторы были поставлены Великобританией и США в рамках программы «Атом для мира» [Фененко 2013: 483].

В КНДР собственная ядерная программа стартовала после войны 1953–1956 гг. В 1959 г. Северная Корея подписала соглашение с Китаем и СССР о строительстве исследовательского центра в Ёнбене [Там же: 50], где впоследствии и был произведен почти весь имеющийся на данный момент в этой стране оружейный плутоний. В 1990-е гг. КНДР заключила соглашение с Пакистаном, передав результаты своих исследований в области ракетостроения взамен на технологии создания атомного оружия, известные пакистанским ученым [Арбатов, Дворкин 2006: 195]. Впоследствии Северная Корея так же делилась своими исследованиями с Сирией [Разоружение… 2007: 168].

Передовыми ядерными технологиями обладают лишь единицы из существующих в данный момент на карте мира государств. Мировым лидером в области тендерного строительства реакторов различного назначения является Франция [Арбатов, Дворкин 2006: 190], на чью долю приходится 46 % атомного энергопроизводства в ЕС. Импортерами французских реакторов являются Бельгия, Китай, Южная Корея, ЮАР, Бразилия. Все данные реакторы имеют легководную основу [Там же], поэтому выработка на них плутония невозможна.

Советский Союз вышел на рынок строительства атомных электростанций в 1970-е гг. Покупателями были главным образом страны ОВД, а также Финляндия. После аварии на Чернобыльской АЭС к советским реакторам стали относиться с подозрением. В 1990-х гг. были частично или полностью закрыты реакторы советской постройки в Болгарии, Германии, Румынии и Польше. Кроме того, общественное мнение по отношению к ядерной энергетике во многих странах стало резко отрицательным [Арбатов, Дворкин 2006: 191].

На данный момент Россия занимает второе место в мире по экспорту ядерных технологий. Среди заказчиков такие страны, как Индия, Иран, Китай [Боровский 2011: 105].

Соединенные Штаты также имеют весьма развитую атомную промышленность. В 1950–1960-е гг. США строили реакторы в некоторых развивающихся странах, таких как Бразилия, Иран, в обмен на обязательства проводить свои исследования только в направлении мирного использования атома [Разоружение… 2007: 170]. Данная программа, получившая название «Атом для мира», была выдвинута президентом Д. Эйзенхауэром в ходе заседания Генеральной Ассамблеи ООН в 1953 г. и, будучи поддержанной СССР и Великобританией, привела впоследствии к созданию МАГАТЭ [Ядерное… 2002: 118–120].

Среди других поставщиков ядерных технологий следует выделить ФРГ, Японию, Канаду и Китай. Особое внимание мирового сообщества сейчас привлекают так называемые ядерные пороговые государства. Под данным термином следует понимать страны, где скрытно осуществляется военная ядерная программа.

Ядерная программа Ирана стартовала в конце 1950-х гг. при поддержке США. В 1967 г. начал работу первый исследовательский реактор [Арбатов, Дворкин 2006: 457]. Однако после Исламской революции 1979 г. иностранные специалисты и многие иранские ученые были вынуждены эмигрировать и новое правительство отказалось от строительства АЭС [Разоружение… 2007: 171]. В начале 1990-х гг., когда обстановка в стране стабилизировалась, работы над ядерной программой были возобновлены. В 1992 г. Иран подписал соглашения о сотрудничестве в области использования расщепляющихся материалов с Китаем и Россией [Арбатов, Дворкин 2006: 451]. В 1995 г. было заключено соглашение с Россией о строительстве российскими специалистами АЭС в Бушере [Там же: 460].

Трансферт ядерных технологий создает угрозу попадания ЯВУ и ядерных технологий в руки террористов и проведения ими актов ядерного терроризма. Под ядерным терроризмом обычно понимают терроризм с использованием радиологического оружия или ядерной бомбы. Для оценки вероятности подобного теракта следует рассмотреть ряд актуальных факторов.

Теракты современных международных террористических группировок отличаются большим количеством пострадавших и неизбирательностью в выборе жертв. Подобная тенденция объясняется тем, что масштабная акция вызывает бóльший резонанс в обществе и позволяет организации заявить о себе. В данном контексте вполне логичным становится стремление наиболее крупных группировок приобрести ядерное взрывное устройство или технологии его создания.

Десятки тысяч тонн расщепляющихся материалов имеют обращение на мировом рынке, из них лишь плутоний или уран оружейного качества могут служить топливом для ядерного взрывного устройства. Несмотря на строгое международное регулирование данной сферы со стороны таких международных организаций, как МАГАТЭ и ГЯП, оборот ядерных материалов и технологий, в том числе и на черном рынке, создает угрозу их хищения или передачи в руки террористических организаций. Оружие массового поражения уже применялось в террористических актах. В 1995 г. члены секты «Аум Сенрикё» распылили зарин в токийском метро [Петрищев 2013: 161]. Группировка обладала значительной финансовой и материальной базой. В ряды «Аум Сенрикё» активно вербовались ученые различных специальностей, с чьей помощью и создавался арсенал для будущих терактов. В результате оперативно-разыскных мероприятий во второй половине 1990-х гг. секта была обезглавлена и лишена имевшейся у нее недвижимости. В Токио она владела промышленным помещением, где производились отравляющие газы. В лаборатории культивировались смертельно опасные вирусы. В России «Аум Сенрикё» активно пыталась завербовать специалистов физики атомного ядра, а в Австралии через подставные фирмы покупались участки земли, где могли быть залежи урановой руды [Аллисон 2007: 55]. Подобным образом планировалось закупить и оборудование для проектирования и производства сердечника ЯВУ.

Несмотря на глобальный характер идей и намерений, деятельность «Аум-Сенрикё» носила скорее региональный характер. В последние два десятка лет наибольшее развитие получает международный терроризм, называемый некоторыми исследователями также «глобальным терроризмом»; отличительной особенностью подобных группировок является относительное отсутствие иерархии между отдельными ячейками в их организационной системе и их значительная автономия [Разоружение… 2007: 157].

Наиболее известным подобным движением является «Аль-Каида». Данная группировка известна прежде всего своими атаками на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. Ее лидер У. Бен Ладен также активно вел работу по приобретению расщепляющихся материалов, ядерных технологий и вербовке физиков-ядерщиков. За шесть месяцев до теракта технические службы разведки США перехватили сообщение членам «Аль-Каиды» о готовящейся «американской Хиросиме» [Аллисон 2007: 15].

Относительно «Аль-Каиды» следует отметить хорошо отработанную организационную систему, включающую добывание финансовых средств, вербовку и организацию деятельности.

Летом 2001 г. в своей штаб-квартире в Кабуле Бен Ладен принял двух бывших сотрудников пакистанской ядерной программы – Султана Башируддина Махмуда и Абдула Маджида. Разговор шел о химическом, биологическом и ядерном оружии. Оба ученых долгое время работали под руководством Абдулы Кадир Хана – руководителя пакистанской ядерной программы. Физики-ядерщики были частью элиты пакистанского общества. Однако многие из них видели целью своей работы не просто противостояние Индии, но поддержку всего исламского мира. Они образовали фракцию так называемых «ядерных

ястребов», которые не поддерживали умеренность руководства страны и его тесное сотрудничество с США. Их решимость еще более окрепла после вторжения войск США в талибский Афганистан в 2001 г. В октябре 2001 г. Махмуд и Маджид были схвачены и допрошены представителями ЦРУ и пакистанских спецслужб [Аллисон 2007: 32–35]. После данного инцидента контроль над сотрудниками пакистанской ядерной программы усилился. Высказывались предположения, что ученые передавали технологии лишь в рамках официальных полномочий [Фененко 2013: 467]. В продаже ядерных технологий был обвинен и руководитель пакистанской ядерной программы Абдул Кадир Хан, однако впоследствии помилован [Старкин 2011: 8].

«Аль-Каида» остается единственной террористической группировкой в истории подобных организаций, которая демонстрировала деятельность уровня, достаточного для самостоятельного создания оружия массового уничтожения (ОМУ). Следует заметить, что для таких группировок, как «Аль-Каида», характерно построение своих заявлений в таком ключе, что факт обладания ими ядерным оружием ни подтверждается, ни опровергается. Таким образом, это является элементом саморекламы группировки и дополнительным инструментом устрашения. Сами по себе заявления о готовности применить ядерное оружие и другие виды ОМУ не являются доказательством того, что та или иная группировка действительно обладает возможностями провести такую атаку [Арбатов, Дворкин 2006: 316].

Обладая лишь технологиями создания ЯВУ, террористические группировки тем не менее не обладают достаточной промышленной базой для их применения. Кроме того, данный технологический процесс сопряжен с соблюдением огромного количества технических нюансов. Для освоения производства ядерного оружия даже государствам необходимы годы и десятилетия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что международный трансферт ядерных технологий сыграл решающую роль в распространении ядерного оружия. Данный процесс происходил самыми различными путями: в форме миграции квалифицированных кадров, их вербовки заграничными спецслужбами, прямой передачи чертежей ядерного взрывного устройства, а также международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергетики [Global… 2003: 367–377].

Подводя итог, можно сделать вывод, что международный трансферт ядерных технологий играет двоякую роль в мировых процессах. С одной стороны, технологии ядерной энергетики могут помочь государствам, страдающим от недостатка традиционных источников энергии, с другой – освоение неядерными государствами процесса обогащения урана до уровня, достаточного для использования его в качестве топлива в реакторе, создает вероятность того, что технология обогащения будет усовершенствована и станет возможной выработка урана оружейного качества. Оружейный плутоний также является побочным продуктом работы реакторов определенных конструкций. Все это делает угрозу распространения ядерного оружия весьма серьезной и актуальной проблемой глобального мира, а международный трансферт атомных технологий – основным способом, увеличивающим степень этой угрозы.

Литература

Аллисон Г. Т. Ядерный терроризм. Самая страшная, но предотвратимая катастрофа / науч. ред. С. К. Ознобищев. М. : Институт проблем международной безопасности РАН, 2007.

Антонов А. И. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М. : РОССПЭН; ПИР-Центр, 2012.

Арбатов А. Г., Дворкин В. М. Ядерное оружие после «холодной войны». М. : РОССПЭН, 2006.

Бойко В. И., Кошелев Ф. П. Ядерные технологии в различных сферах человеческой деятельности: уч. пособ. 2-е изд. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2008.

Боровский Ю. В. Современные проблемы мировой энергетики. М. : МГИМО; Навона, 2011.

Григорьев А. В. Технологии двойного назначения: понятие и формы трансфера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2014. № 8. Ч. 1. С. 42–44.

Договор о нераспространении ядерного оружия [Электронный ресурс]: Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 25.01.2015).

Есин В. И. Ядерная политика Израиля // Россия и Америка в XXI веке. 2013. № 2. С. 2–3.

История военной ядерной программы КНР // ПИР-Центр: [сайт]. URL: http://www.pircenter.org/media/content/files/9/13509737360.pdf (дата обращения 20.01.2015).

Петрищев В. Е. Что такое терроризм. Введение в терроризмологию. М. : КРАСАНД, 2013.

Пономарев-Степной Н. А. Архитектура глобальной атомной энергетики: ключ к энергетической безопасности // Индекс безопасности. 2012. № 1. С. 47–60.

Рабинович Я. И. Мировой ядерный клуб. Как спасти мир. М. : Алгоритм, 2012.

Разоружение и безопасность. 2004–2005: новые подходы к международной безопасности / под ред. А. Г. Арбатова; рук. авт. коллектива А. А. Пикаев. М. : Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2007.

Система гарантий МАГАТЭ [Электронный ресурс]: Официальный сайт МАГАТЭ. URL: http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/Others/Russian/infcirc66r2_rus.pdf (дата обращения: 20.01.2015).

Старкин С. В. Борьба с распространением ОМП как проявление трансформации глобальных угроз в деятельности американского разведывательного сообщества // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 232–240.

Толкачев В. В. Французские военно-стратегические концепции в период президентства Шарля де Голля (1958–1969 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2004. С. 141–149.

Фененко А. В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор / отв. ред. В. А. Веселов. М. : Аспект Пресс, 2013.

Чебан А. Я. Противодействие черному рынку ядерных технологий: международные усилия и российские оценки // Индекс безопасности. 2014. № 4. С. 33–50.

Шапиро В. Г. Мораль и бомба. О моральной ответственности ученых и политиков в ядерную эпоху. М. : ЛКИ, 2007.

Ядерное нераспространение. Т. 1 / под общ. ред. В. А. Орлова. М. : ПИР-Центр, 2002.

Global Studies Encyclopedia / Ed. by I. I. Mazour, A. N. Chumakov, W. C. Gay. TsNPP “Dialog”. Moscow : Raduga Publishers, 2003.

Criteria for the Selection of Dual-use Items. Официальный сайт Вассенаарских соглашений [Электронный ресурс]. URL: http://www.wassenaar.org/controllists/ 005/Criteria_as_updated_at_the_December_2005_PLM.pdf (дата обращения: 20.01.2015).

ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Щенникова Н. В.[*]

На основе анализа логики новой парадигмы коммуникативно-практической деятельности в мировом сообществе рассмотрен вопрос о языковой составляющей процесса глобализации. Показана полярность суждений относительно положения и статуса английского языка в контексте современных процессов глобализации и интеграции; дан анализ концепции International English; сделан прогноз о возможном сценарии изменения функциональной значимости и структурных характеристик английского как глобального языка.

Ключевые слова: *глобализация, глобальная коммуникация, языковая составляющая процесса глобализации, английский язык, международный английский язык.*

The issue of global world language is considered in the framework of a new paradigm of communication and practical activity. The polarity of views on the English language status in the present-day world is highlighted and the concept of International English is analyzed. The prognosis is made about the possible vector of functional and structural development of English as Lingua Globalis.

Keywords: *globalization, global communication, language constituent of globalization, English, International English.*

На протяжении своей истории человеческая цивилизация испытывает необходимость во вспомогательных языках как особых знаковых системах различного генеза для осуществления коммуникации в таких условиях, когда употребление этнических языков является невозможным, нецелесообразным, неадекватным или недостаточным. Несмотря на потребность в общем языке как универсальном адаптивно-адаптирующем механизме, его появление видится как весьма далекая перспектива языкового развития человечества. Гипотетически существуют внутриязыковые механизмы и этнические, психологические, социальные, биологические, культурные факторы, которые препятствуют появлению общего языка как универсального наднационального семиотического кода или сдерживают его. В нашем исследовании мы ставим задачу определить эти причины и спрогнозировать наиболее вероятное средство международного общения для современного цивилизованного сообщества.

Ведущим процессом современности является глобализация, создается архитектура нового мира. Значительная часть мирового населения вовлечена в новую информационную реальность, соединившую и скрепившую воедино отдельные регионы планеты. В результате формирующейся глобальной информационной среды мир становится беспрецедентно коммуникационно тесным, прозрачным,

[*] Щенникова Наталья Владимировна – к. филол. н., доцент Пензенского государственного университета. E-mail: schennikova@list.ru.

доступным. Ученые говорят о коммуникационном сближении, информационной открытости мира, интернациональном образовании. Современные процессы информатизации, распространение телекоммуникационных и компьютерных технологий во всех областях жизни человека, интеграционные процессы в политико-экономической сфере дают возможность говорить о создании коллективного интеллекта человечества для управления мировыми процессами и решения мировых проблем на основе общих интересов выживания и развития цивилизации. Это с неизбежностью ведет к накоплению предпосылок для содержательно-ценностных изменений внутри культур и, возможно, к переоценке таких устоявшихся понятий, как «родина», «нация», «страна», «культура», «иностранный язык», «самобытность», «идентичность».

Проблемы коммуникации, и в частности международной, входят в число постоянных объектов исследования гуманитарных наук, а на современном этапе проблемы изучения коммуникативных процессов и транскультурных контактов в едином культурно-прагматическом пространстве принадлежат к списку актуальных глобальных проблем человечества.

В настоящее время наиболее вероятным ученые считают еще более широкое распространение в международном общении естественного языка – английского, который уже признается «универсальным языком общения нашего времени» [Сардар, Дэвис 2003: 138]. Эта точка зрения основывается на широкой фактологической базе, учитывает логику современных социальных, политических, экономических, культурных процессов, протекающих в мировом сообществе.

Стоит отметить, что хотя экстралингвистические (исторические, политические, экономические, информационные, культурные) факторы придали английскому языку существующий ныне статус, лингвистические факторы существенным образом способствовали этому и ныне влияют на укрепление его позиции.

Во-первых, английский язык является языком германской группы, испытавшим влияние романских языков. Этот факт позволяет носителям языков многочисленных германской и романской групп находить много сходных черт в английском и своем родном языке и осваивать его без особых трудностей.

Во-вторых, английский язык использует латинскую систему письменности, которая является самой употребительной в мире.

В-третьих, английский является языком высокоразвитых во всех отношениях наций Северной Америки, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, следовательно, эта языковая система способна адекватно обслуживать интересы современной цивилизации и новой миросистемы.

В-четвертых, в силу исторических факторов английский язык оказался имплантированным в многочисленные социокультурные контексты бывших колоний Великобритании. В результате процесса нативизации произошла аккультурация английского языка или его адаптирование к обслуживанию новых коммуникативно-когнитивных пространств с уникальным набором внутренних социальных, культурных, исторических, этнических характеристик. Появившиеся кодифицированные модификации английского языка – New Englishes – функционируют в качестве официальных языков этих стран (Бангладеш, Кения, Пакистан, Южная Африка, Замбия, Гана, Малайзия, Филиппины, Шри-Ланка, Зимбабве, Индия, Нигерия, Сингапур, Танзания), выполняют широкий спектр функций в контекстах официального и неофициального регистров общения, обнаруживают

культурные и лингвистические своеобразные черты, являются средством выражения самобытных этнических культур. Это свидетельствует в пользу того, что объективно английский язык давно не является моноцентричным. Он приобрел статус плюрицентричного языка, поскольку обслуживает многие культуры и многие этносы в качестве первого и второго официального языка. В целом, по мнению Д. Кристала, в качестве родного или основного английским языком пользуются 337 млн человек; в дополнение к родному языку и в качестве второго – 235 млн человек. Итоговый статистический подсчет дает следующие цифры: 670 миллионов человек, владеющих английским языком как родным или близко к этому, и 1,2–1,5 млрд человек, имеющих некоторую компетенцию в английском языке [Кристал 2001: 92–105].

В научной среде популярна идея выработки взаимопонятного общего кода мирового общения и превращение английского языка в лингва франка современности (в широком толковании этого термина). Российские ученые подключились к обсуждению этого вопроса намного позже из-за политических и экономических изменений в обществе 1980–1990-х гг. «Настоящим прорывом для российских лингвистов стала международная конференция “Глобальный английский для глобального взаимопонимания”, состоявшаяся в мае 2001 г. в Московском государственном университете. На конференции, собравшей более 400 преподавателей и исследователей со всего мира, обсуждались такие важные вопросы, как World Englishes, взаимодействие культур и глобальное взаимопонимание, содержание и программа курса межкультурной коммуникации, повышение кросс-культурной осведомленности, культурные аспекты изучения языка и многие другие… Потребовалось почти 10 лет для того, чтобы российских лингвистов начали воспринимать как полноправных участников дискуссий о новых концепциях изучения английского языка» [Lazaretnaya 2013: 35–36]. В свет вышли работы З. Прошиной [Proshina 2008], И. Устиновой [Ustinova 2005; 2011], О. Лазаретной [Lazaretnaya 2013], С. Тер-Минасовой [Ter-Minasova 2005], О. Леонтович [Leontovich 2005] и др. Ряд отечественных и зарубежных ученых считает, что английский язык в упрощенном стандартизированном своем варианте сможет выполнять функции языка-посредника для межнационального общения. В ряде работ последних лет лингвисты констатируют, что если раньше английский изучался иностранными учащимися для общения с носителями языка, то сейчас большая часть интерсубъектных контактов в поликультурном контексте осуществляется между неносителями английского языка. «Сейчас считается неоспоримым тот факт, что преобладающее и неуклонно растущее число англоязычных контактов в различных сферах жизни, таких как деловые встречи, политические и экономические переговоры, личные контакты, научные конференции и исследования, совершаются между неносителями языка, которые тем самым участвуют в его развитии, подстраивая его под свои социокультурные потребности» [Lazaretnaya 2013: 202]. «Английский не просто распространяется, а распространяется посредством удовлетворения интересов неносителей языка» [Fishman 1992: 19]. Отсюда делаются неправомочные, с нашей точки зрения, выводы о назревшей необходимости модификации аутентичного (американского или британского) английского языка с целью более легкого его освоения иностранными учащимися и смены дидактических парадигм в неанглоязычных странах, об отсутствии необходимости ориентироваться на нормы этнического языка и культуры его носителей в академическом

процессе. Предлагается упростить языковую систему, преподаваемую иностранным учащимся, определив для этого приоритетное ядро или основу под ярлыком International English и преподавать его носителям английского языка в качестве лингва франка [McKay 2003; Nunn 2005].

Последовали попытки обеспечить общий стандарт International English для взаимопонятного непроблемного общения в актах межкультурной коммуникации. Проект упрощения морфологии и синтаксиса Р. Кверка (Nuclear English) [Quirk 1982], Б. Зейдлхофер VOICE (Vienna-Oxford International Corpus of English) [Seidlhofer 2004], проект упрощенного международного произношения Гимсона (Rudimentary International Pronunciation), проект Д. Дженкинс общего ядра произношения (pronunciation common core) [Jenkins 2000], проект А. Мауранен ELFA (Corpus of English as a Lingua Franca in Academic Settings) [Mauranen 2003], проект А. Джеймса AAC (Alpine Adriatic Corpus) [James 2000], проект С. Гринбаума и Д. Нельсона ICE (International Corpus of English) [Greenbaum, Nelson 1996], проект Д. Кристала WSSE (World Standard Spoken English) [Crystal 1997], проект Ж.-П. Нерьера Globish [Nerriere *et al.* 2005], «Международный английский»/«International English» [Strevens 2006; McKay 2003], «Английский как средство межкультурного общения»/«English as a medium of intercultural communication» [Meierkord 1996], «Английский как лингва франка»/«English as a lingua franca» [Gnutzmann 2000]. Подобные проекты являются попытками целевой разработки нового лингвистического проекта, регламентирующего целенаправленное воздействие человека в виде декретивного языкового нормотворчества и искусственной (насильственной) кодификации норм.

Мы считаем, что это тупиковый путь, и такие способы упрощения и стандартизации языковой системы имеют тот же серьезный недостаток, что и искусственно созданные лингвопроекты (волапюк, интерлингва, идо, эсперанто и др.), а именно: прескриптивный характер предлагаемых нововведений (сверху вниз), игнорирование логики естественного развития и функционирования языка в различных социокультурных и социолингвистических контекстах, отсутствие механизма расширения арсенала языковых средств для объективации новых познавательных задач, творческой интерпретации меняющейся внеязыковой действительности, фиксации приобретаемого опыта интеллектуально-эмоционального освоения действительности. Более того, мы убеждены, что общение на основе такой системы будет функционально ограниченным, и концепция International English может стать синонимом ограниченной (в крайних случаях искаженной) лингвистической компетенции. Подобные опасения высказывали Р. Нанн и А. Акар, подчеркивая, что формирование лингвистической компетенции занимало второстепенное положение в эру коммуникативной компетенции, а в рамках концепции упрощенного на всех уровнях International English формирование лингвистической компетенции получит еще меньшее внимание: «…существует большая вероятность еще более выраженного пренебрежительного отношения к лингвистической компетенции в сфере International English» [Nunn 2005: 72].

Далее, в проектах International English недооцениваются типологические различия родных языков учащихся при выработке так называемого упрощенного общего кода: типологические различия языков мира исключают такую возмож-

ность. То, что видится простым носителю русского языка в системе английского языка, реформируемой для нужд кросс-культурной коммуникации, может оказаться так называемой вещью в себе, например, для корейцев, вьетнамцев, японцев. Следовательно, подбор тех или иных структурных характеристик International English неизбежно будет искусственным, произвольным, в некотором роде насильственным ввиду невозможности учета структурно-типологических характеристик всех языков мира, носители которых используют английский язык в общественно-языковой практике в качестве средства международного общения.

По замыслу сторонников этой концепции, искусственная по своей природе модель английского для неносителей языка имманентно призвана стать принадлежностью всех народов. В этом мы видим уязвимость данной концепции: если у языка нет конкретного носителя, следовательно, нет механизмов для кодификации нововведений и изменений, нет потенциала для развития в логике формирования новых когнитивно-коммуникативных потребностей общества. Мы ставим следующие вопросы: чье языковое сознание, чью идеологию, миропонимание, мировидение будет отражать International English? Чьи инструменты концептообразования будут формировать концептуальную сеть International English? Информационное обеспечение чьей культуры будет осуществлять International English? Чьим механизмом адаптации к действительности он будет? Сторонники концепции говорят, что активным субъектом International English будет являться носитель любого этнического языка, прибегающего к общему вербально-семантическому коду при межсубъектных межкультурных контактах. Мы убеждены, что, являясь носителем определенного этнокультурного и этноязыкового информационного архива, индивид будет проявлять свою этническую, культурную, языковую, религиозную идентичность, вступая в интерсубъектные контакты средствами International English. И наоборот, невозможно денационализировать и нейтрализовать языковую систему, в названии которой все же остается номинатор «English»; невозможно элиминировать весь этноинформационный архив (так называемую «английскость»/Englishness) в International English.

В своих утверждениях мы опираемся на каноны традиционной лингвистики, согласно которым понятие языка непосредственно связано с понятием носителя и творца языка, языкового коллектива, с понятиями генетической принадлежности и исконности. Генетическая принадлежность и обязательное наличие коллектива носителей языка являются основополагающими критериями в сборе эмпирического материала о языке и его последующего лингвистического анализа, на основе которого получаются сведения об аутентичности языка [Coulmas 1981: 77]. В силу этого мы видим серьезную проблему в концепции International English: он не связан с понятием носителя языка, позиционируется как нейтральный код и призван предоставить концептуальную систему единого коммуникативно-когнитивного пространства для любого индивида, принадлежащего любой нации. По нашему убеждению, невозможно создать универсальный семиотический код, который полностью удовлетворял бы коммуникативным требованиям представителей всех лингвокультурных социумов, мог бы адекватно преломить все национальные картины мира и гарантировать беспроблемное общение. Эта задача сродни задаче о квадратуре круга.

Основополагающей миссией International English считается выработка такой формы английского языка, которая понятна для говорящих на всех его вариантах и изучающих его в качестве иностранного языка, и именно эту форму следует преподавать студентам из неанглоязычных стран. Предложенное решение могло бы показаться идеальным, если бы было известно, как осуществить его на практике. Для того чтобы преподавать International English, требуется всеобщее признание и одобрение этой модифицированной формы языка, работа по кодификации его норм. Это может гипотетически осуществиться в будущем, но в настоящее время не представляется возможным. Если же учителя начнут преподавать то, что они считают International English, это обязательно приведет к неудаче – so many men, so many minds. Поэтому практическое преподавание International English вынужденно откладывается.

На настоящий момент International English не кодифицирован в справочных и дидактических материалах и не существует в учебных программах, ученые не имеют непротиворечивых данных по поводу того, какие черты аутентичного английского языка должны составить концепцию International English. Сторонники этого подхода призывают вести обширные сравнительно-описательные исследования для последующей кодификации выявленных общих черт освоения английского языка носителями различных этнических языков. Для этого ставится ряд вопросов, на которые необходимо ответить: какие грамматические конструкции и лексические единицы выбираются с наибольшей частотностью? Какие факторы обеспечивают наиболее непроблемное общение? Какие факторы, наоборот, приводят к непониманию и коммуникативным сбоям? Пропорциональна ли степень владения английским языком успешности общения? Существуют ли грамматические конструкции, лексические единицы и фонетические явления в речи неносителей языка, являющиеся нарушениями с точки зрения норм этнического английского языка, но регулярно употребляющиеся в общении между неносителями языка? Можно ли упростить на основе полученных данных систему этнического английского языка и кодифицировать системные черты нового кода International English?

С одной стороны, мы считаем, что нельзя сбрасывать со счетов проведенную научную работу по разработке концепции International English, явившейся результатом работы авторитетных ученых разных стран. Она основывается на широкой фактологической базе и научной рефлексии и учитывает логику современных социальных, политических, экономических, культурных, информационных процессов, протекающих в современной миросистеме. С другой стороны, мы убеждены, что лингвистике не стоит вмешиваться в естественный процесс развития языка. Задача лингвистов, с нашей точки зрения, состоит в описании, толковании, прогнозировании естественных языковых явлений и процессов, но не в разработке искусственных по своей природе семиотических систем, их кодификации, декретивном введении в мировую практику языковой подготовки и, как следствие, модифицировании естественного языкового континуума. Мы считаем неадекватным путь выработки универсального общечеловеческого вербально-семантического кода International English путем индивидуальных или коллективных усилий ученых. Существует альтернативный путь (и мы являемся его сторонниками) – продолжать рассматривать престижный образовательный стандарт (Standard English) в качестве педагогического стандарта преподавания английского языка для нужд

кросс-культурной коммуникации в странах, в которых английский имеет статус иностранного языка. Мы не видим объективных предпосылок и настоятельной необходимости в пересмотре существующих мононормативных стандартов языкового образования в странах «расширяющегося круга», в том числе в Российской Федерации. Наша позиция основана на следующих аргументах:

1. До настоящего времени традиционными ориентирами в преподавании английского языка иностранным учащимся были кодифицированные нормы образовательного стандарта: произносительный стандарт южного британского английского и лексико-грамматическая система британского английского. Эти нормы понятны носителям всех вариантов английского языка, они регулярно реализуются в средствах массовой информации (печатных, электронных, радио- и телевизионных СМИ), составляют основу дидактических материалов, широко доступных и постоянно обновляемых усилиями таких авторитетных издательств, как Longman, MacMillan, Cambridge University Press, Oxford University Press. Независимо от того, является ли индивид носителем английского языка, является ли для него английский язык первым, вторым или иностранным, его языковая компетенция неизменно основывается на стандарте английской грамматики и частотной лексики. Освоение единой системы стандартного английского языка на уровнях Intermediate, Upper-Intermediate и Advanced гарантировала и гарантирует общность основного когнитивно-коммуникативного кода для неанглоязычных наций. Пока у носителей разных этнических языков один и тот же ориентир в преподавании и освоении английского языка, его и следует рассматривать как общий код. Стандартные каноны языковой подготовки на указанных уровнях, реализуемые в качестве стандартной педагогической модели иноязычного образования стран «расширяющегося круга», рассматриваются нами как общий код разноязычных индивидов, и в этом смысле уже являются International English.

2. Англоязычное общение между неносителями языка отличается неконфликтностью, более высокой степенью взаимопонятного общения, готовностью к коммуникативному сотрудничеству, высокой степенью аккомодационных усилий субъектов коммуникации в кросс-культурном пространстве. Этот факт, неоднократно приводимый в лингвистической и научно-популярной литературе [Firth 1996; House 2002; Meierkord 1996], говорит о том, что действующие стандарты языковой подготовки уже выполняют свою функцию – служить средством взаимопонятного межкультурного общения даже в условиях языковой вариативности английского языка ввиду его глобальной диффузии в типологически разные социолингвистические и социокультурные контексты. Миллионы людей с адекватным уровнем мотивации во всем мире успешно осваивают английский язык без применения искусственных моделей, выработанных специально для неносителей английского языка. Поэтому мы не являемся сторонниками современного движения по искусственной выработке универсального кода International English.

3. Использование английского языка как орудия создания единого коммуникативного пространства для носителей и неносителей английского языка, как языка международных контактов является неоспоримым достижением для международной политики, бизнеса, средств массовой информации, культуры, образования. Многие носители английского языка воспринимают английский в логике современного этапа всемирно-исторического процесса как универсальное и надэтническое орудие единой цивилизованной семьи, как некое отдельное явление,

отличное от английского в качестве их родного языка. Это значит, что при контактах с иностранцами носители этнического английского языка интуитивно или целенаправленно избегают употребления регионально и локально маркированных слов, идиом, выражений, отражающих верования, убеждения, ценности отдельных обществ, сложных грамматических конструкций и специфических оборотов, которые могут быть сложны для восприятия и непонятны. Осознание современных тенденций носителями языка важно не только для того, чтобы лучше понимать, что говорят люди в разных частях мира (восприятие речи), но и чтобы эффективно общаться на международных форумах, где употребление ими американских, британских, канадских, австралийских коллоквиализмов и других регионально маркированных элементов языка может быть неуместным (речепроизводство). Прогрессивно мыслящие люди считают, что императивным требованием постмодернистского времени является создание новых правил международного поведения на принципах многополюсности и взаимодействия сегментов мирового космополиса, которые были бы приняты подавляющим большинством стран. Можно констатировать, что современное отношение цивилизованного мира к английскому языку становится более гибким, многоканальным, полимодельным, принимает во внимание разнообразие культур того множества людей во всем мире, которое говорит на английском в качестве первого/второго/иностранного языка. Можно также констатировать, что английский язык как средство, обслуживающее кросс-культурное пространство, стихийно (без вмешательства искусственных факторов) подстраивается под современную геополитическую ситуацию, затребовавшую новый миросистемный принцип единства в многообразии. Стихийно происходящая процедура селективного отбора языкового материала аутентичного английского языка для обслуживания прагматических целеустановок кросс-культурной коммуникации способствует созданию коммуникативной модели глобального англоязычного общения. Далее, человеческая цивилизация начала рассматривать английский язык с позиции деидеологизированной рациональности и прагматической оправданности, тогда как искусственная мировая языковая унификация под эгидой International English может привести к глубинным конфликтам из-за имплицитно несовпадающих морально-этических ориентиров и этнокультурных ценностей, что, в свою очередь, может привести к этноцивилизованному сопротивлению.

4. Для научной рефлексии по вопросу пересмотра стандартов языкового образования в странах «расширяющегося круга» и разработки International English считаем важным обратиться к модели распространения английского языка по миру Б. Качру. Принципиальным моментом в этой классификации считаем вопрос об отношении к норме и статус нормы. Отношение к норме стран «внутреннего круга» описывается как создающее и формирующее норму (norm-providing), стран «внешнего круга» – как развивающее норму (norm-developing), стран «расширяющегося круга» – как зависимое от нормы (norm-dependent). Варианты английского языка в странах «внешнего круга» в силу экстралингвистических причин имеют и развивают собственную норму английского языка в качестве массового инструмента живого языкового общения, следовательно, они, несомненно, имеют право на кодификацию собственных норм: в новых социокультурных контекстах аккультурация и адаптация английского языка неизбежна, является объективным результатом естественных социолингвистических процессов. В этих

условиях было бы неадекватным выдвигать требование соблюдать мононормативные педагогические стандарты стран «внутреннего круга». Напротив, в странах «расширяющегося круга» отсутствуют объективные предпосылки для развития собственных внутренних норм функционирования английского языка, следовательно, мононормативный ориентир на внешние педагогические модели стран «внутреннего круга» является обоснованным и логичным следствием. Если преподавать и учить английский язык в странах «расширяющегося круга», то это должен быть, с нашей точки зрения, этнический английский язык, а не какая-либо рафинированная, упрощенная, нейтрализованная в национально-культурном плане искусственная система, пусть даже и созданная на основе достаточно объемного эмпирического материала, научной рефлексии и убедительных теоретических выкладок. Поэтому мы также не поддерживаем позицию тех ученых, которые отвергают авторитет норм носителей языка в пользу нового кода International English [Cook 1999: 185–209; Jenkins 2000; McKay 2003: 1–22].

5. Английский, как и любой естественный язык, не содержит функциональных ограничений и имплицитно способен обеспечить любые коммуникативные потребности индивида: общение между неносителями языка в ситуациях ежедневно-бытового дискурса, общение между неносителем и носителем английского языка, знакомство с аутентичными источниками: англоязычная литература, поэзия, публицистика, информация в средствах массовой информации. Системно-структурные характеристики английского языка как любого естественного человеческого языка позволяют индивиду осуществлять поступательное движение к совершенствованию своей коммуникативной и лингвистической компетенции сообразно его возрастающим и меняющимся потребностям в комплиментарном средстве коммуникации, тогда как искусственная система International English, напротив, не способна предоставить такую возможность в силу своей рафинированности, упрощенности, нейтрализованности в национально-культурном плане.

Перспективу дальнейшего лингвистического поиска в русле определения общего коммуникативно-когнитивного кода мы видим в следующем: определить причины высокого уровня взаимопонятного общения средствами английского языка у неносителей языка. Для этого следует ответить на те же вопросы, которые ставят сторонники выработки искусственного кода International English: какие грамматические конструкции и лексические единицы выбираются с наибольшей частотностью? Какие факторы обеспечивают наиболее непроблемное общение? Какие факторы, наоборот, приводят к непониманию и коммуникативным сбоям? Пропорциональна ли степень владения английским языком успешности общения? Существуют ли грамматические конструкции, лексические единицы и фонетические явления в речи неносителей языка, являющиеся нарушениями с точки зрения норм этнического английского языка, но регулярно употребляющиеся в общении между неносителями языка?

Можно лишь прогнозировать возможные тенденции развития английского языка и характеристики языкового ландшафта мира XXI в.: признание языкового многообразия как нормы глобализованного мира, или культурно-языковая унификация, или культурное и национальное отчуждение стран, не вписавшихся по тем или иным причинам в логику глобализующегося мира. Трудно сказать, что образуется в результате взаимодействия «королевского», «американского», «глобального» и других разновидностей английского языка, но, несомненно, рождает-

ся что-то новое [Грани… 2003: 75]. Полярность суждений относительно положения и статуса английского языка в контексте современных процессов глобализации и интеграции отражает сложность проблемы, с одной стороны, и неготовность мирового сообщества дать однозначный ответ на поставленный вопрос – с другой. Вопрос, станет ли мир лучше или хуже, «мир без границ, в котором все будут знать все обо всех остальных», «мир без связей с историей, языком, культурой и родством» [Мухарямова 2003: 83], остается открытым. Цивилизации предстоит отыскать золотую середину, которая разумным образом уравновесит две противоположные тенденции современного мира. С одной стороны, время диктует необходимость во взаимопонимании, в облегчении и расширении контактов на межнациональном уровне в едином концептуальном пространстве, в снятии всякого рода преград и сдержек в межкультурной коммуникации. С другой стороны, существует реальная угроза этнической, этнокультурной, этноязыковой, конфессиональной идентичности и самобытности народов. Сейчас идут дискуссии по вопросам социальной управляемости языка, возможности оптимизации международного общения и прогнозирования векторной направленности мирового лингвистического процесса. Ученые едины лишь в одном: в будущем статус английского языка будет претерпевать изменения, динамично и в какой-то степени непредсказуемо реагируя на коммуникативно-деятельностные потребности мирового сообщества.

Литература

Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М. : Альпина Бизнес Букс, 2003.

Кристал Д. Английский язык как глобальный. М. : Весь мир, 2001.

Мухарямова Л. М. Языковые отношения: политологический анализ. Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2003.

Сардар З., Дэвис М. В. Почему люди ненавидят Америку? М. : Проспект, 2003.

Cook V. Going Beyond the Native Speaker in Language Teaching // TESOL Quarterly. 1999. Vol. 33. No. 2. Pp. 185–209.

Coulmas F. A Festschrift for Native Speaker. The Hague : Mouton, 1981.

Crystal D. English as a Global Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1997.

Firth A. The Discursive Accomplishment of Normality. On Lingua Franca English and Conversation Analysis // Journal of Pragmatics. 1996. No. 26. Pp. 237–259.

Fishman J. A. Sociology of English as an Additional Language // The Other Tongue / ed. by B. Kachru. Urbana, Chicago : University of Illinois Press, 1992.

Gnutzmann C. Lingua Franca / M. Byram // The Routledge Encyclopedia of Language Teaching and Learning. London : Routledge, 2000. Pp. 356–359.

Greenbaum S., Nelson G. The International Corpus of English (ICE) Project // World Englishes. 1996. Vol. 15. No. 1. Pp. 3–15.

House J. Pragmatic Competence in Lingua Franca English / K. Knapp, C. Meierkord // Lingua Franca Communication. Frankfurt a. M. : Peter Lang, 2002. Pp. 245–267.

James A. R. English as a European Lingua Franca. Current Realities and Existing Dichotomies // English in Europe: The Acquisition of a Third Language. Clevedon, UK : Multilingual Matters, 2000. Pp. 22–38.

Jenkins J. The Phonology of English as an International Language. Oxford : Oxford University Press, 2000.

Lazaretnaya O. English as a Lingua Franca in Russia: A Sociolinguistic Profile of Three Generations of Russian Users / Ph.D. in Linguistics, English Linguistics. U Lisboa, 2013.

Leontovich O. American English as a Medium of Intercultural Communication // World Englishes. 2005. No. 24 (4). Pp. 523–532.

Mauranen A. The Corpus of English as a Lingua Franca in International Settings // TESOL Quarterly. 2003. No. 37. Pp. 513–527.

McKay S. L. Toward an Appropriate EIL Pedagogy: Re-examining Common EIL Assumptions // International Journal of Applied Linguistics. 2003. No. 13(1). Pp. 1–22.

Meierkord C. Englisch als Medium der Interkulturellen Kommunikation. Untersuchungen zum non-native-/non-native speaker Diskurs. Frankfurt/Main : Lang, 1996.

Nerriere J.-P., Dufresne P., Bourgon J. Decouvrez le globish: L`anglois allege en 26 etapes. Paris : Eyrolles, 2005.

Nunn K. Competence and Teaching English as an International Language // Asian EFL Journal. 2005. No. 7(3). Pp. 61–74.

Proshina Z. English as a Lingua Franca in Russia // Intercultural Communication Studies. 2008. Vol. XVII (4). Pp. 125–140.

Seidlhofer B. Research Perspectives on Teaching English as a Lingua Franca // Annual Review of Applied Linguistics. 2004. No. 24. Pp. 209–239.

Strevens P. Standards and the Standard Language // World Englishes: Critical Concepts in Linguistics / Ed. by K. Bolton, B. B. Kachru. Vol. 3. London; New York : Routledge, 2006. Pp. 457–461.

Quirk R. International Communication and the Concept of Nuclear English // English for International Communication / Ed. by C. Brumfit. Oxford : Pergamon, etc., 1982. Pp. 15–28.

Ter-Minasova S. Traditions and Innovations: English Language Teaching in Russia // World Englishes. 2005. Vol. 24. No. 4. Pp. 445–454.

Ustinova I. P. English in Russia // World Englishes. 2005. Vol. 24. No. 2. Pp. 239–251.

Ustinova I. Multiple Identities of English in Russia // The International Journal of Diversity. 2011. No. 10(6). Pp. 67–77.

МАЛЬТУЗИАНСКАЯ ЛОВУШКА В ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ?[*]

Зинькина Ю. В.[**]

В статье исследуется феномен демографического и экономического отставания Тропической Африки, в результате которого для континента все еще релевантны риски и угрозы мальтузианского характера. Показано, что рост макроэкономических показателей за счет отдельных высокопроизводительных секторов в большинстве изученных стран не трансформировался в улучшение уровня жизни большинства населения, по-прежнему занятого в низкопроизводительном товарном хозяйстве. С учетом накопленной колоссальной демографической инерции и предстоящего неизбежного удвоения населения в ближайшие 30–40 лет в большинстве стран региона это может иметь глобальные дестабилизирующие последствия. Представлены практические рекомендации по снижению подобных рисков.

Ключевые слова: *Тропическая Африка, глобальные риски, мальтузианская ловушка, демографический взрыв, рост населения.*

The paper views the economic and demographic laggardness of Tropical Africa due to which the Malthusian-type risks and threats are still highly relevant to the region. We show that the macroeconomic improvements of recent years have largely failed to transform into visible improvement of the living standards of the majority of population (still employed in extremely low-productive smallholder agriculture). Accounting for the colossal demographic inertia and the already unavoidable population doubling in most Tropical African countries in the next 30–40 years, this is very likely to have globally destabilizing implications. We also present some practical recommendations on how to mitigate these risks.

Keywords: *Tropical Africa, global risks, "Malthusian trap", demographic explosion, population growth.*

Введение

Изучение, с одной стороны, влияния глобализации на самый отстающий по многим показателям развития регион мира, а с другой – «вписывания» острых социально-экономических проблем Тропической Африки[1] в повестку дня глобального мира как нельзя лучше подчеркивает справедливость утверждения

[*] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 13-06-00336 «Анализ социально-демографического развития стран Тропической Африки: выявление ключевых факторов риска и модифицируемых управляющих параметров для разработки практических рекомендаций по предотвращению социально-демографического коллапса»).

[**] Зинькина Юлия Викторовна – к. и. н., с. н. с. Международной лаборатории политической демографии и макросоциологической динамики РАНХиГС. E-mail: juliazin@list.ru.

[1] Здесь и далее мы используем региональный топоним «Тропическая Африка», включающий в себя все страны Африки южнее Сахары за исключением южноафриканских государств. Дело в том, что эти государства по целому ряду показателей развития выделяются в самостоятельный субрегион, резко контрастируя с государствами Западной, Центральной и Восточной Африки, которые мы и объединяем в понятие «Тропическая Африка».

А. Н. Чумакова: «…из того, что мировое сообщество стало единым, обретя и “общий дом”, и “общую судьбу”, и общую ответственность за происходящее в мире, вовсе не следует, что демократические ценности и цивилизационные принципы организации общественной жизни, по которым живет пока еще меньшая часть человечества, автоматически будут восприняты остальным мировым сообществом» [Чумаков 2013: 25].

Дискуссии о роли различных аспектов глобализации в решении наиболее острых проблем африканской повестки дня и влиянии их на дальнейшие перспективы развития региона не утихают в последние годы; различные мнения, выражаемые учеными, экспертами, лицами, принимающими решения, и т. д., зачастую сильно разнятся, а иногда носят полярный характер.

С одной стороны, широко распространено мнение, что «шансов на равных войти в глобальную экономику у подавляющего большинства стран “периферии” почти нет» [Гранин 2014: 100]. Тропическая Африка, по меткому выражению академика А. М. Васильева, нередко рассматривается в качестве «падчерицы» глобализации: «Фронтальное наступление “свободного рынка” и глобализация привели к тому, что в странах Юга разрушаются государственные и социальные институты, ранее хоть в какой-то мере отвечавшие за благосостояние и защищенность человека, социальных, этнических или конфессиональных групп, за права человека. …Под воздействием глобализации местные элиты или разрушаются, или вписываются в международную систему, но теряют ответственность за состояние своего социума» [Васильев 2012: 49].

С другой стороны, международными структурами, такими как Всемирный банк, Африканский банк развития и др., активно распространяется информация об успешно реализуемых проектах в самых разных областях социально-экономической жизни африканских государств, а также об отдельных выдающихся «историях успеха», будь то быстрорастущий сектор экономики, реорганизация системы здравоохранения и первичной медицинской помощи или же быстрое распространение отдельных видов ИКТ.

Более полутора десятков таких историй собраны в коллективной монографии «Да, Африка может! Истории успеха с динамичного континента», изданной под эгидой Всемирного банка и Международного банка реконструкции и развития [Yes, Africa… 2011]. В редакторском предисловии приводятся следующие показатели: если в 1978–1995 гг. годовые темпы роста ВВП в странах Тропической Африки составляли в среднем 2 %, то в 2003–2008 гг. они увеличились почти до 6 %. Особенно быстрым был экономический рост стран-нефтеэкспортеров, однако и у более чем 20 ненефтяных стран региона (где проживает более 40 % населения Тропической Африки) темпы экономического роста в 1995–2008 гг. составляли более 4 % в год. Поток прямых иностранных инвестиций в регион в этот же период увеличивался в среднем на 17 % ежегодно (при этом важными инвесторами стали Китай и Индия); основной объем приходился на добывающую промышленность, однако значительную долю инвестиций (особенно посевных) привлекали также строительство, банковский сектор, ИКТ. Экспорт стран Тропической Африки за период 1994–2008 гг. удвоился в объеме и вырос по стоимости в 5 раз [Yes, Africa… 2011: 2].

Африканский экономический обзор-2013, ежегодно выпускаемый Африканским банком развития совместно с другими международными структурами, каза-

лось бы, демонстрирует признаки несомненных улучшений в Тропической Африке: «Со времен “потерянных” 1980-х и начала 1990-х африканская экономическая динамика существенно улучшилась, и на континенте началось догоняющее развитие. С 1996 по 2010 г. среднегодовой рост ВВП Африки составил около 5 %, а ВВП на душу населения растет из года в год в среднем на 2,5 %. В результате в 2010 г. доход на душу населения в Африке превысил уровень 1995 г. на 46 %. Догоняющее развитие африканских экономик распространилось широко – за исключением лишь нескольких стран» [African… 2013: 22].

Мальтузианская ловушка

Тем не менее при столь впечатляющих макроэкономических успехах мы имеем основания утверждать, что значительная часть населения Тропической Африки (в особенности проживающая в сельской местности и занятая нетоварным сельским хозяйством) все еще находится в мальтузианской ловушке.

В западном экономическом дискурсе мальтузианская динамика нередко описывается моделями множественного равновесия. «Мальтузианская модель основывается на двух главных допущениях: во-первых, рост населения положительно реагирует на рост среднедушевого дохода. В тех случаях, когда заработная плата или доход в расчете на душу населения сокращаются, происходит снижение рождаемости (“превентивная мера”), а показатели смертности возрастают (“естественное препятствие”)… В соответствии со вторым допущением между среднедушевым доходом и численностью населения имеет место отрицательная связь, обусловленная убывающей отдачей от труда. <…> возникает множественное равновесие: общества могли переходить от одного состояния (многочисленное население, низкая заработная плата, маленькие города и низкая агрегированная норма смертности) к другому, характеризующемуся меньшей численностью населения, но более высокой заработной платой, более крупными городами и высокой смертностью. Переход экономики от одного равновесного состояния к другому мог инициироваться сильными шоковыми воздействиями, такими как пандемия “черной смерти”» [Мокир, Фотх 2014: 28, 35].

Однако применительно к современной Тропической Африке более точным будет другое определение мальтузианской ловушки, данное российским ученым А. В. Коротаевым, – это «типичная для доиндустриальных обществ ситуация, когда рост производства средств к существованию (в результате того, что он сопровождается обгоняющим демографическим ростом) не сопровождается в долгосрочной перспективе ростом производства на душу населения и улучшением условий существования подавляющего большинства населения, остающегося на уровне, близком к уровню голодного выживания» [Коротаев и др. 2011: 45].

Соответственно главным вопросом в связи с этим будет – трансформируются ли (и в какой степени) макроэкономические успехи в улучшение уровня жизни большинства населения? Вероятно, наиболее репрезентативным показателем в этом отношении является ежедневное потребление продовольствия на душу населения. Наиболее поразительным результатом является то, что после более чем десяти лет успешного экономического роста все восточноафриканские страны (по данным ФАОСТАТ на 2009–2010 гг.) едва достигли в национальном масштабе минимально необходимой калорийности питания, установленной ВОЗ на уровне 2100 ккал/чел/день [FAO 2014].

Отметим также, что, согласно расчетам выдающегося специалиста в области экономической истории Г. Кларка [Clark 2007: 40–70], среднедушевое потребление продуктов питания ниже 2350 ккал в день, как правило, характерно для тех социальных систем, которые еще не смогли выбраться из мальтузианской ловушки. Таков, например, был уровень потребления продуктов питания в Англии в 1800 г., или в Бельгии в 1812 г., когда эти страны были на пороге выхода из ловушки [*Ibid.*: 50]. Большинство стран Восточной Африки в настоящее время находятся в диапазоне потребления продовольствия 2100–2300 ккал/чел/день. Тем не менее динамика этого показателя, приведшая их к этому уровню за последние годы, довольно сильно различается.

Одну группу стран можно условно назвать «успевающими» – они показали очень значительное улучшение в потреблении продовольствия в расчете на душу; оно увеличилось на 500–600 ккал/чел/день в течение нескольких 10–15 лет бурного экономического роста (начиная с середины или конца 1990-х гг.). Эта группа включает в себя Малави, Мозамбик, Руанду и Эфиопию. Однако все эти страны начали с уровня серьезного недоедания, граничащего с голодом (в 1995 г. – 1500 ккал/чел/день в Эфиопии, 1700 – в Мозамбике и Руанде, 1800 – в Малави), так что даже чрезвычайно высокие темпы экономического роста последних лет позволили им лишь достичь минимального за десять и более лет, они до сих пор едва достигли минимально необходимой калорийности питания, но отнюдь не превзошли порог ловушки в 2350 ккал на человека в день, идентифицированный Г. Кларком.

Более того, обеспечение дальнейшего роста потребления продовольствия на душу населения (или как минимум надежное сохранение уровня, достигнутого в настоящее время) потребует поддержания высоких темпов роста не только ВВП, но и подушевого ВВП. Принимая во внимание прогнозируемое удвоение численности населения в ближайшие 30–40 лет из-за отставания в демографическом переходе (см. далее), эта задача будет более сложной, чем когда-либо.

Но есть и другая группа стран Восточной Африки (включающая как минимум Кению, Танзанию и Уганду), где, как ни парадоксально на первый взгляд, замечательные успехи экономики в последнее десятилетие не произвели заметных улучшений в уровне жизни большинства населения – десять лет быстрого экономического роста (на 5–7 % в год) не сопровождались сколько-нибудь значительным ростом душевого потребления продовольствия. Вместо этого, как показано на рис. 1, мы видим стагнацию на уровне 2000–2100 ккал в Кении, и слабый рост (всего на 200 ккал) в Танзании и Уганде с последующими падениями в обеих странах. Примечательно также, что ни одна страна из трех до сих пор не повторила свой максимум подушевого потребления продовольствия, достигнутый в 1970-е гг.

Еще более серьезная ситуация сложилась в Замбии, где, несмотря на ежегодный рост ВВП на 5–6 % на протяжении 2000-х гг., душевое потребление продовольствия непрерывно падало: с 2450 ккал на человека в день в 1997 г. до 1780 ккал к 2007 г. – это уровень серьезного недоедания, граничащего с полномасштабным голодом в стране.

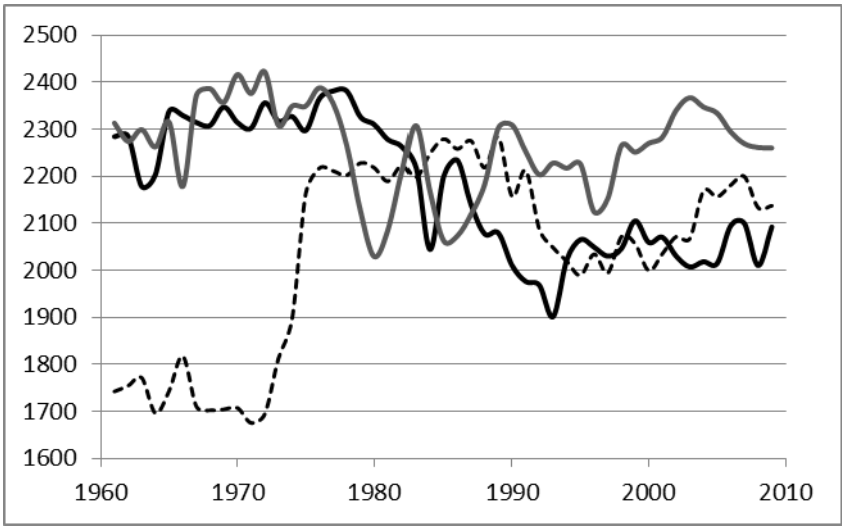


Рис. 1. Душевое потребление продовольствия в Кении, Танзании и Уганде, ккал на человека в день, 1960–2009 гг.

Примечание: Черной сплошной линией на рисунке обозначена Кения, серой сплошной линией – Уганда, пунктирной линией – Танзания.

Источник данных: FAO 2014.

Мы предлагаем следующее объяснение этого явления: быстрый экономический рост 2000-х гг. в этих странах в значительной степени достигался за счет гиперинтенсивного роста некоторых конкретных высокопродуктивных секторов экономики, где трудоустроена лишь очень небольшая часть населения этих стран, включая производство, банковское дело и финансы, связь и ИТ, торговлю, инфраструктуру и строительство, товарные культуры сельского хозяйства и т. д.

В то же время нетоварное сельское хозяйство, где до сих пор занято большинство населения, росло намного медленнее, не только значительно отставая от активно развивающихся экономических секторов, но и не поспевая за темпами роста населения. Так, в Уганде темпы роста аграрного сектора, трудоустраивающего около 65 % населения, в 2002–2010 гг. ежегодно составляли лишь 0,1–2,1 % [Ssewanyana *et al.* 2011]. Сходная ситуация наблюдается в Кении, Танзании и Замбии, где экономический рост сконцентрирован в секторах, трудоустраивающих лишь небольшую часть населения, в то время как для большинства населения, занятого в нетоварном сельском хозяйстве, уровень жизни остается крайне низким, а проблема продовольственной безопасности – совершенно реальной. Именно на счет крайне низкой производительности труда в нетоварном сельском хозяйстве следует отнести столь драматическую ситуацию с потреблением продовольствия (см. рис. 2).

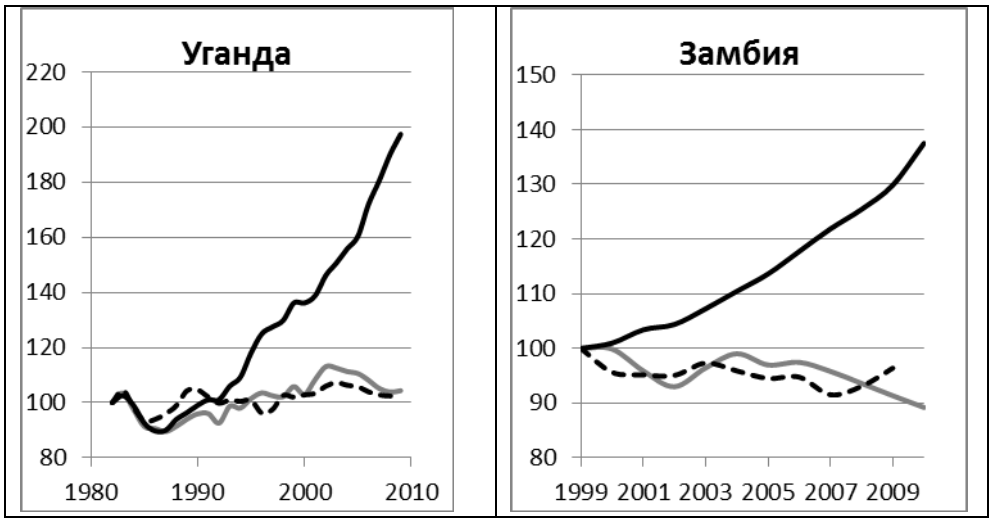


Рис. 2. Относительная динамика душевого ВВП, производительности труда в сельском хозяйстве на одного работника и уровень потребления продовольствия в Уганде (в 1980–2010 гг., 100 = уровень 1980 г.) и Замбии (в 1999–2010 гг., 100 = уровень 1999 г.)

Примечание: сплошная черная линия отображает динамику ВВП на душу населения; сплошная серая линия – динамику производительности труда в сельском хозяйстве на одного работника; пунктирная линия – динамику подушевого потребления продовольствия.

Источник данных: World Bank 2014.

Верна ли вторая часть определения мальтузианской ловушки для современной Тропической Африки – та, которая гласит, что причиной отсутствия роста производства на душу населения и улучшения уровня жизни в долгосрочной перспективе является демографический рост, обгоняющий рост производства средств к существованию? Наши предыдущие работы показывают, что как минимум для ряда стран региона это условие выполняется. Например, за три десятилетия (1980–2010 гг.) ВВП Кении вырос в 2,7 раза и его рост был в буквальном смысле «съеден» ростом населения (в 2,5 раза) [Зинькина 2012а; 2012б].

Демографические прогнозы

Угроза демографического взрыва была «на слуху» в мировом сообществе в 70-е гг. прошлого века, когда П. Эрлих писал свою знаменитую «Популяционную бомбу» [Ehrlich 1968; см. также: Ehrlich P. R., Ehrlich A. H. 1990]. С тех пор большинство стран благополучно завершили демографический переход и более-менее стабилизировали численность населения (или как минимум сильно замедлили его рост). Соответственно программы, направленные на снижение темпов демографического роста, практически исчезли из повестки международной помощи развивающимся странам. Резко снизилась приоритетность (и сократились объемы финансирования) программ распространения практик планирования семьи в развивающихся странах [Зинькина 2014].

Однако к настоящему времени все более распространяется понимание того, что сворачивание активности в этом направлении международной помощи было преждевременным. Метко заметил американский демограф С. Бернстайн: «Гонка по снижению роста населения была, по сути, объявлена оконченной еще до того, как хоть кто-то пересек финишную черту» [Bernstein 2005: 129]. И действительно, демографическая статистика последних лет убедительно показывает: говорить о том, что проблема роста численности населения решена, было преждевременно, поскольку в целом ряде стран (особенно в Тропической Африке) население продолжает расти весьма быстрыми темпами – быстрее, чем когда-либо росло население мира в целом!

Эта проблема усугубляется накопленной инерцией роста населения – даже если рождаемость в ближайшее время опустится до уровня простого воспроизводства (что само по себе практически нереально, для достижения такого результата в ближайшие десятилетия правительствам придется приложить очень существенные усилия), население еще долго будет увеличиваться по инерции – по мере того как многочисленные когорты современных детей будут взрослеть и становиться многочисленным поколением родителей. К примеру, Танзания, где население в 2013 г. составило примерно 50 млн чел., по числу детей в возрасте 0–4 лет (примерно 8,5 млн) в том же 2013 г. догнала Россию [World Bank 2014: SP.POP.TOTL].

Прогноз Бюро народонаселения ООН показывает, что в XXI в. остался макрорегион мира, где угроза демографического взрыва не просто реальна, но является основным сценарием будущего на ближайшие десятилетия, – Африка южнее Сахары. Такие некрупные страны, как Нигер, Малави, Замбия (13–15 млн человек), к концу века сравняются по населению с современной Россией. Небольшие восточноафриканские страны (35–40 млн человек) Кения и Уганда вырастут до населения Советского Союза – 160–170 млн человек. Население Танзании достигнет численности населения России уже к 2050 г., а к концу нашего века будет превышать его более чем вдвое. Население же Нигерии будет превышать современную численность населения нашей страны почти в пять раз [UN Population Database 2015]. Такой взрывообразный рост населения, несомненно, способен обернуться для этих стран и для мирового сообщества в целом крупномасштабной гуманитарной катастрофой.

Уже сейчас имеются все основания утверждать, что быстрый рост населения «тянет вниз» развитие региона. В своей фундаментальной работе «Проблемы африканского роста» команда экспертов Всемирного банка во главе с Б. Дж. Ндулу (в чьем послужном списке значится должность главы Центрального банка Танзании) выделила шесть основных «уроков», которые, по их мнению, критически важно учитывать при планировании развития в африканских странах. Ндулу и его соавторы показали, что экономическое отставание Африки южнее Сахары от других развивающихся регионов примерно на две трети обусловлено отставанием в демографическом переходе, сохраняющимися чрезвычайно высокими темпами роста населения. Этот фактор, по их мнению, негативно влиял на развитие региона как минимум через два своих проявления: 1) необычайно высокий уровень коэффициента демографической нагрузки (числа иждивенцев, особенно малолетних, на одного работающего), связанное с ним налоговое бремя, а также нагрузка на население трудоспособного возраста по уходу за очень большим количеством

детей; 2) быстрый рост рабочей силы, потенциально являющийся положительным драйвером экономического развития, но также способный выступать и в роли негативной силы, если создание новых рабочих мест не поспевает за выходом на рынок труда все увеличивающихся когорт молодых работников.

Удвоение численности населения в ближайшие 30–40 лет со всей очевидностью серьезно усложнит ход практически всех процессов социально-экономического развития в регионе, в том числе станет колоссальным препятствием для роста производительности труда и уверенного выхода из мальтузианской ловушки.

Глобальные риски

Именно мальтузианская ловушка являлась в традиционных аграрных обществах основным генератором крупномасштабных внутриполитических потрясений [обзор работ на эту тему см. в: Коротаев и др. 2010]. Сложно поверить, что в эпоху глобализации серьезные риски глобального масштаба могут быть связаны с мальтузианской ловушкой – угрозой доиндустриальных обществ, казалось бы, ушедшей в далекое прошлое.

Однако, как мы показали выше, для стран Тропической Африки мальтузианская ловушка все еще сохраняет свою актуальность.

Многие внутренние конфликты (вплоть до чрезвычайно кровопролитных гражданских войн) в различных африканских странах в последние десятилетия имели мальтузианскую подоплеку, и в ближайшем будущем риск возникновения подобных конфликтов вследствие продолжающегося действия мальтузианских факторов крайне высок, особенно с учетом того, что одни и те же факторы будут действовать одновременно почти во всех странах, охватывая собой значительную часть континента.

Так, геноцид 1994 г. в Руанде предварялся развитием событий по классическому мальтузианскому сценарию – нарастающей борьбой за землю в условиях совершенно недостаточных возможностей получения дохода вне аграрного сектора для большинства населения, повышения несправедливости распределения земли и распространения нелегального земельного рынка, роста численности безземельного населения и соответствующего роста социальной напряженности и проявлений насилия [Andre, Platteau 1998]. При этом численность жертв геноцида оказывалась выше в тех регионах страны, где была выше плотность населения и меньше возможностей для молодых мужчин получить земельный участок [Verpoorten 2012].

Анализ экономико-демографической динамики Эфиопии накануне свержения режима Менгисту Хайле Мариама также демонстрирует черты мальтузианской ловушки. В десятилетие, предшествовавшее падению режима Менгисту Хайле Мариама, общий тренд экономической динамики в Эфиопии был положительным. С 1981 г. по 1991 г. ВВП Эфиопии вырос достаточно заметно – на 12,5 %. Однако население Эфиопии за тот же период выросло значительно сильнее – почти на 40 %. В результате ежегодное производство ВВП на душу населения за этот период упало с крайне неблагополучного уровня в 608 долларов ниже катастрофического уровня – 500 долларов. Аналогичное катастрофическое падение испытал и уровень обеспеченности населения продовольствием: среднедушевое потребление продовольствия обвалилось с 1831 ккал на человека в день в 1981 г.

(при рекомендованной ВОЗ норме 2300–2400 ккал) ниже физиологического минимума, заметная часть населения страны оказалась на грани голодной смерти. В такого рода ситуации для многих обитателей страны присоединение к криминальным группировкам (или повстанческим армиям, которые, как известно, легко трансформируются в криминальные группировки и наоборот) оказывается по-своему логичным выбором, поскольку дает хоть какие-то шансы выжить [Коротаев и др. 2011: 58–60].

Подобное развитие событий наблюдалось в XX в. отнюдь не только в Эфиопии, но и во многих других странах, например в Мозамбике, Сомали, Демократической Республике Конго и т. д. [подробнее см., например: Там же; Коротаев и др. 2007: 178–200; Small, Singer 1982].

Итак, угроза мальтузианских катастроф в странах Тропической Африки весьма значима, если учесть, что ряд крупномасштабных социальных потрясений вплоть до кровопролитных гражданских войн, происходивших в различных странах в последние десятилетия, имел мальтузианскую подоплеку. Это отмечается и в прогнозах развития на ближайшие десятилетия (хотя, увы, не столь часто, чтобы попасть в приоритет международного внимания) как индивидуальными исследователями и исследовательскими коллективами, так и аналитиками международных институтов помощи развитию.

Демографическая ситуация в Тропической Африке может серьезно усугубить риски, связанные с глобальными миграционными процессами, в особенности с проблемой нелегальной миграции. По весьма точному замечанию И. В. Ивахнюк, «международная миграция трудовых ресурсов стала одной из наиболее характерных черт современной глобализации и одновременно несет в себе квинтэссенцию присущих глобализации проблем. Одна из принципиальных проблем – это противоречие интересов государств, принимающих мигрантов, и государств их происхождения на фоне нарастающей миграционной взаимозависимости стран» [Ивахнюк 2011: 109]. В настоящее время, по данным Отдела народонаселения ООН, ни во Франции, ни в Великобритании нет значительных (численно превосходящих 200 тыс.) контингентов «классических» международных мигрантов (то есть людей, живущих за пределами страны рождения) из каких-либо бывших колоний в Африке южнее Сахары (единственное исключение составляют мигранты из ЮАР в Великобритании, насчитывающие как раз около 200 тыс. человек). Этот факт можно считать эмпирическим подтверждением аргумента, что хотя в наименее развитых странах «выталкивающие» факторы миграции могут быть чрезвычайно сильны, но реальное число эмигрантов при этом может быть сравнительно невелико, поскольку абсолютное большинство населения не имеет необходимых для миграции финансовых, информационных, административных и других ресурсов [Зинькина и др. 2014; Zinkina, Korotayev 2014]. Однако предстоящее уже неизбежное (в силу накопленной демографической инерции) удвоение населения в большинстве стран Тропической Африки в ближайшие 30–35 лет может радикальным образом усилить «выталкивающие» факторы и тем самым в разы увеличить поток международной эмиграции из региона – притом немалую долю здесь будет занимать нелегальная миграция в различных ее проявлениях [см.: Алешковский, Ионцев 2008; Алешковский 2014]. Это может спровоцировать значительное обострение упомянутого И. В. Ивахнюк противоречия интересов государств происхождения мигрантов (в данном случае – стран Тропической Африки)

и государств, принимающих мигрантов, – можно предположить, что в первую очередь это будут государства первого мира (в особенности Великобритания и Франция), а также, в силу географической близости, страны Северной Африки.

Глобальные решения?

Еще в 1997 г. группа аналитиков Международного исследовательского института продовольственной политики в своем докладе о международной продовольственной ситуации и перспективах ее развития до 2020 г. указывала, что в Тропической Африке как минимум с начала 1970-х гг. отмечалась типично мальтузианская ситуация – рост численности населения обгонял рост производства продовольствия, в результате чего подушевое производство продовольствия сокращалось. При этом исследователи связывали надежды на выход Тропической Африки из мальтузианской ловушки с двумя факторами – задействованием потенциала современных технологий повышения производительности труда в сельском хозяйстве и достижением устойчивого экономического роста [Pinstrup-Andersen *et al.* 1997: 21–22].

Так, группа исследователей из Национального бюро экономических исследований США отмечает, что большинство стран Тропической Африки все еще остаются «в мальтузианском кризисе высокой смертности, высокой рождаемости и быстрого роста населения, сопровождаемого состоянием хронической экстремальной бедности» [Conley *et al*. 2007].

Н. Александратос [Alexandratos 2005] показал, что мальтузианская угроза сейчас в высшей степени актуальна для группы стран, сохранивших чрезвычайно высокий уровень рождаемости и соответственно очень быстрые темпы роста населения, при этом имеющих зачастую совершенно недостаточный уровень потребления продовольствия. Александратос выявил 19 стран, входящих в группу риска сверхвысокого роста населения – в этих странах на период 2000–2050 гг. прогнозировался рост населения более 1,8 % ежегодно. Абсолютное большинство таких государств находятся в Тропической Африке. С точки зрения глобального развития эти проблемы в ближайшие десятилетия будут значительно превосходить по масштабам возможных последствий проблемы падения рождаемости ниже уровня воспроизводства во многих развитых странах.

В целом работы, учитывающие влияние мальтузианских факторов на прогнозируемые тренды развития стран Тропической Африки в ближайшие десятилетия, довольно немногочисленны; однако еще более редки работы, исследующие пути смягчения риска мальтузианских катастроф в регионе. Доклад о международной продовольственной ситуации и перспективах ее развития до 2020 г., выполненный аналитиками Международного исследовательского института продовольственной политики, представляет собой едва ли не единственный документ международных институтов развития, содержащий прямую рекомендацию по выведению стран Тропической Африки из мальтузианской ловушки: обеспечение населения, занятого в сельском хозяйстве, доступом к высокопроизводительным технологиям, а также внедрение мер по снижению темпов роста населения [Pinstrup-Andersen *et al.* 1997: 21–22].

Определенные рекомендации по выведению стран Тропической Африки из мальтузианской ловушки дает также британский исследователь М. Кинг, называющий это состояние «демографической ловушкой» и продвигающий концепцию

«одна семья – один ребенок» в качестве единственного, по его мнению, средства, способного вывести Африку из демографической ловушки и предотвратить мальтузианские социально-демографические катастрофы. Кинг придерживается достаточно радикальной позиции, утверждая, что тема мальтузианской ловушки в Тропической Африке табуирована мировым сообществом, это является основной причиной бездействия, единственный же путь к спасению континента – скорейшее снижение рождаемости существенно ниже уровня простого воспроизводства населения (подобно китайской политике «одна семья – один ребенок») [см., например: King, Yi Wang 2006: 730].

Однако идеи Кинга едва ли можно счесть практически применимыми, особенно с учетом того, что традиционные системы хозяйствования, распространенные в странах к югу от Сахары, имеют ряд некоторых принципиальных исторически сложившихся отличий от таковых в других регионах развивающегося мира. Эти отличия оказывают сильное влияние на ценности, социальные нормы и модели поведения, связанные с рождаемостью и воспроизводством, поддерживая устойчивость режима высокой рождаемости в странах Тропической Африки и обусловливая бóльшую «резистентность» африканских обществ к целому ряду факторов, значительно ускоривших прохождение перехода рождаемости в других регионах развивающегося мира [Зинькина 2015].

Магистральным путем снижения рождаемости в Тропической Африке и доведения ее до уровня простого воспроизводства должно стать повышение охвата женщин средним образованием за счет введения всеобщего обязательного среднего образования в странах Тропической Африки. Ряд фундаментальных демографических трудов показал, что женское образование является чрезвычайно значимым фактором, влияющим на уровень рождаемости; различными страновыми и региональными выборками доказано, что повышение женского образования снижает реальную рождаемость и, что особенно важно, желаемое количество детей на женщину.

Однако с учетом того, что это долгосрочная мера, эффект от которой даже при ее немедленном введении начнет сказываться лишь через 8–10 лет (по мере вступления девочек, получивших всеобщее среднее образование, в активный репродуктивный возраст), необходимо параллельно принимать и другие меры по снижению рождаемости, которые могут дать более быстрый эффект. В частности, необходимо внедрять масштабные программы распространения контрацепции, обеспечивая доступность услуг (и информацию о них) для населения, особенно в сельской местности. Сочетание стратегических (всеобщее среднее образование) и тактических (обеспечение массовой доступности практик планирования семьи) мер является весьма дорогостоящим, однако моделирование демографического будущего Африки показывает, что для большинства стран региона это единственный способ избежать одновременного демографического взрыва, способного привести к крупнейшей гуманитарной катастрофе в современной истории глобального мира.

Литература

Алешковский И. А., Ионцев В. А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // Век глобализации. 2008. № 2(2). С. 77–87.

Алешковский И. А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. 2014. № 2(14). С. 129–136.

Васильев А. М. Африка и вызовы XXI в. М. : Восточная литература РАН, 2012.

Гранин Ю. Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014. № 1(13). С. 90–103.

Зинькина Ю. В. Социально-демографическое развитие стран Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда) // Восток. 2012а. № 6. С. 120–130.

Зинькина Ю. В. Кения: прогноз структурно-демографических рисков // Азия и Африка сегодня. 2012б. № 6. С. 55–61.

Зинькина Ю. В. Программы планирования семьи и их влияние на рождаемость: опыт развивающегося мира и перспективы применения в Африке // Народонаселение. 2014. № 3. С. 68–82.

Зинькина Ю. В. «Пронаталистская культура» Тропической Африки: связь высокой рождаемости и традиционной системы хозяйствования // Восток. 2015. № 3. В печати.

Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Андреев А. И. Структура глобальной миграционной сети и динамические изменения Мир-Системы // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2014. № 1–2(2). С. 9–37.

Ивахнюк И. В. Управление трудовой миграцией: противоречивые уроки глобального кризиса // Век глобализации. 2011. № 2(8). С. 109–125.

Коротаев А. В., Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны. М. : КомКнига/URSS, 2007.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. 3-е изд., испр. и доп. М. : ЛКИ/URSS, 2010.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем // Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы / под ред. А. А. Акаева, А. В. Коротаева, Г. Г. Малинецкого, С. Ю. Малкова. М. : Красанд/URSS, 2011. С. 45–88.

Мокир Дж., Фотх Г.-И. Экономический рост в Европе в 1700–1870 гг.: теория и фактические свидетельства // Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 1 (1700–1870) / под ред. С. Бродберри, К. О'Рурка. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. С. 17–74.

Чумаков А. Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации // Век глобализации. 2013. № 2(12). С. 23–37.

African Economic Outlook 2013. Tunisia: African Development Bank, Organisation for Economic Co-operation and Development, United Nations Development Programme, United Nations Economic Commission for Africa, 2013.

Alexandratos N. Countries with Rapid Population Growth and Resource Constraints: Issues of Food, Agriculture, and Development // Population and Development Review. 2005. Vol. 31(2). Pp. 237–258.

André C., Platteau J.-P. Land Relations under Unbearable Stress: Rwanda Caught in the Malthusian Trap // Journal of Economic Behavior & Organization. 1998. Vol. 34(1). Pp. 1–47.

Bernstein S. The Changing Discourse on Population and Development: Toward a New Political Demography // Studies in Family Planning. 2005. Vol. 36(2). Pp. 127–132.

Clark G. A Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World. Princeton : Princeton University Press, 2007.

Conley D., McCord G. C., Sachs J. D. 2007. Africa's Lagging Demographic Transition: Evidence from Exogenous Impacts of Malaria Ecology and Agricultural Technology // NBER Working Paper. 2007. No. 12892.

Ehrlich P. R. The Population Bomb. New York, NY : Ballantine, 1968.

Ehrlich P. R., Ehrlich A. H. The Population Explosion. New York, NY : Simon & Schuster, 1990.

FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nations). FAOSTAT. Food and Agriculture Organization Statistics [Электронный ресурс]. URL: http://faostat.fao.org/site/609/default. aspx#ancor (дата доступа 26.04.2014).

King M., Yi Wang E. Looking into the Malthusian Abyss // Lancet. 2006. Vol. 367(9512). P. 730.

Ndulu B. J., Chakraborti L., Lijane L., Ramachandran V., Wolgin J. Challenges of African Growth. Opportunities, Constraints, and Strategic Directions. Washington, D.C. : The World Bank, 2007.

Pinstrup-Andersen P., Pandya-Lorch R., Rosegrant M. W. The World Food Situation: Recent Developments, Emerging Issues, and Long-Term Prospects. 2020 Vision Food Policy report. Washington, D.C. : International Food Policy Research Institute, 1997.

Small M., Singer J. D. Resort to Arms: International and Civil Wars 1816–1980. Beverly Hills, CA : Sage Publications, 1982.

Ssewanyana S., Matovu J. M., Twimukye E. Building Growth in Uganda // Yes Africa Can: Success Stories from a Dynamic Continent / Ed. by P. Chuhan-Pole, M. Angwafo. Washington, D.C. : The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. Pp. 51–65.

Yes, Africa Can: Success Stories from a Dynamic Continent / Ed. by P. Chuhan-Pole, M. Angwafo. Washington, D.C.: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2011.

UN Population Division. United Nations Department of Economic and Social Affairs Population Division Database [Электронный ресурс]. World Population Prospects. URL: http://www.un.org/esa/population (дата доступа: 27.02.2015).

Verpoorten M. Leave none to Claim the Land: A Malthusian Catastrophe in Rwanda? // Journal of Peace Research. 2012. Vol. 49(4). Pp. 547–563.

World Bank. 2014. World Development Indicators Database [Электронный ресурс]. URL: http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL (дата доступа: 25.03.2015).

Zinkina J., Korotayev A. What does Global Migration Network Say about Recent Changes in the World System Structure? // Journal for Multicultural Education. 2014. Vol. 8(3). Pp. 146–161.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЕ ИДЕИ В. И. ВЕРНАДСКОГО КАК ОСНОВА ДЛЯ НОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Грачев В. А.[*]

В статье проанализированы и обобщены научные идеи В. И. Вернадского, рассмотрена взаимосвязь ноосферного мировоззрения с философией, религией и наукой. Автор указывает на роль научно-технического прогресса, образования и творческого наследия В. И. Вернадского в достижении устойчивого развития общества и перехода биосферы в ноосферу – сферу разума.

Ключевые слова: *Вернадский, ноосфера, ноосферное мировоззрение, религия, наука, устойчивое развитие, научно-технический прогресс, образование.*

The article analyzes and summarizes V. I. Vernadsky's scientific ideas, examines the relationship between the noosphere worldview, philosophy, religion and science. The author points to the role of scientific and technological advance, education and V. I. Vernadsky's scientific heritage in achieving sustainable development of society and the transition of the biosphere into the noosphere – the sphere of mind.

Keywords: *Vernadsky, noosphere, noospheric worldview, religion, science, sustainable development, scientific and technological advance, education.*

Учение В. И. Вернадского как основа для нового мировоззрения

Классическое понимание мировоззрения [Дильтей 1912] как совокупности взглядов, оценок, принципов и образных представлений, определяющих самое общее видение, понимание мира, места в нем человека, а также жизненные позиции, программы поведения, действий людей, и понятие ноосферы тесно связаны. Ноосфера выводит нас на новое **ноосферное мировоззрение** [Грачев 2013].

В трудах В. И. Вернадского много размышлений о научном мировоззрении. Он пишет: «Научное мировоззрение есть создание и выражение человеческого духа; наравне с ним проявлением той же работы служат религиозное мировоззрение, искусство, общественная и личная этика, социальная жизнь, философская мысль или созерцание. Подобно этим крупным отражениям человеческой лично-

[*] Грачев Владимир Александрович – д. т. н., профессор, член-корреспондент РАН, президент Неправительственного экологического фонда имени В. И. Вернадского, президент Российской экологической академии. E-mail: vagrachev@gmail.com.

сти, и научное мировоззрение меняется в разные эпохи у разных народов, имеет свои законы изменения и определенные ясные формы проявления» [Вернадский 2000: 23].

Решение экологических проблем В. И. Вернадский видел в смене мировоззрения и идеологических принципов, то есть в ноосферном мышлении. Поэтому в наши дни особую актуальность приобретает учение Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, что может послужить основой фундаментальных исследований экологических проблем и практического поиска их разрешения. Именно в познании закономерностей развития биосферы и лежит ключ к разумному природопользованию.

Земля – очень сложная система. Та ее часть, где существует жизнь, называется **биосферой**. Древнегреческое слово «**биос**» означает «жизнь». Границы биосферы проходят чуть ниже и чуть выше поверхности планеты. Выделяют различные местообитания (биотопы) – участки суши или водоема с особым климатом, почвой и т. д. Вместе с населяющими их животными и растениями они образуют экосистемы. Взаимные связи между компонентами экосистемы поддерживают ее жизнеспособность. Но ни одна экосистема не может существовать обособленно: она обменивается с миром светом, теплом, водой, питательными веществами, организмами.

Ноосфера – это область взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития.

Понятие ноосферы было предложено Э. Леруа, который трактовал ее как «мыслящую» оболочку, формирующуюся человеческим сознанием. Э. Леруа подчеркивал, что пришел к этой идее совместно со своим другом – крупнейшим геологом, палеонтологом-эволюционистом и католическим философом Пьером Тейяром де Шарденом. При этом Леруа и Тейяр де Шарден основывались на лекциях по геохимии, которые в 1922–1923 гг. читал в Сорбонне Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). Наиболее полное воплощение теория Леруа нашла в разработке Тейяра де Шардена, который разделял не только идею абиогенеза (оживления материи), но и идею о том, что **конечным пунктом развития ноосферы будет слияние с Богом**. Человеческий разум как духовный компонент ноосферы поставлен перед выбором парадигмы решения глобальных экологических проблем.

По мнению В. И. Вернадского, основными предпосылками, которые станут способствовать необратимому процессу становления ноосферы, являются: ставшее единым человечество, преобразование средств связи и обмена, открытие новых источников энергии, подъем благосостояния, равенство всех людей, исключение войн из жизни общества. Вернадский делает вывод о том, что человечество в ходе своего развития превращается в новую мощную силу, своей мыслью и трудом преобразующую лик планеты.

Главное – обоснование неизбежности перехода биосферы в состояние ноосферы, которая есть идеал разумного человеческого вмешательства в биосферные процессы под влиянием научных достижений. Многие прогнозы Вернадского уже сбылись, а многие человечеству еще предстоит воплотить в жизнь, ведь идеал разумного влияния человека на биосферные процессы еще не достигнут.

Понимание таких возможностей для решения глобальных экологических проблем, но в интересах каждого человека – очень важно, это позволяет надеяться, что научно-технический прогресс (НТП), продвигаемый **разумом**, позволяет решить все экологические проблемы.

Решение практически любых экологических проблем возможно путем использования передовой научной мысли.

Благодаря техническому прогрессу решаются две главные для выживания человечества задачи: повышение эффективности использования природно-ресурсного потенциала Планеты и использование новых сил Природы на благо Человечества.

Важнейшую роль в жизнедеятельности человечества играют:

- экологические ресурсы;
- ресурсы для производства продуктов питания;
- энергетические ресурсы;
- ресурсы для производства конструкционных материалов и др.

Наиважнейшей, необходимейшей частью ноосферного процесса является безусловное осознание человечеством и каждым человеком своей роли и своей ответственности за формирование ноосферы. Весь накопленный опыт человечества – духовный, культурный, индивидуальный – должен быть бережно и тщательно изучен и максимально использован для решения этой грандиозной задачи. Нужно научиться понимать мысли и идеи, высказанные не только на разных языках, но и в разных системах понятий.

Ноосферное мировоззрение, философия и религия

В нашей стране можно отметить две крайности: одна связана с периодом *господства марксизма-ленинизма*, основанного на атеизме, то есть отрицании религии и господстве ведущей роли науки, другая крайность – *господство религии*, основанной на ближневосточном фольклоре 20-вековой давности, снижающей роль науки и разума человека и списывающей все на волю Божью.

Для нашей страны характерно **«шараханье» от преподавания «Основ научного атеизма» на гуманитарных факультетах до открытия кафедры теологии в МИФИ**.

В философии это связано в значительной мере с противопоставлением материализма и идеализма и вечным спором о том, кто и что первичнее: сознание или материя. Учение о ноосфере в значительной мере может расставить все по своим местам, так как не только не отрицает наличие Духа, но и дает ему сферу обитания – ноосферу, связывая ее прежде всего с биосферой, то есть с существованием всего живого на Земле и вокруг нее.

Можно предположить, что ноосфера очень близка к понятию **«эфира Всемирного разума»**. В этом случае надо уже констатировать, что *ноосфера расширяется в космическое пространство и появляется «ноокосмос» – пространство Разума.* Таким образом, ноосфера − это часть ноокосмоса, то есть Всемирного разума или Бога в понимании религиозном. Дальнейшая разработка ноосферы может привести к **ноосферному мировоззрению** или опять же к религии, по сути дела, к вере во Всемирный разум. А что такое ленинизм? Это тоже религия. Да еще и более приближенная к классическому виду: заповеди, мощи и т. д. А если взять другие религии? Увидим примерно то же самое.

Например, из новых религий можно выделить хаббардизм: есть заповеди, их больше, чем у христиан (не 10, а 21), а их содержание все примерно то же. Но установка новая – ***вера в успех*** **(не самая худшая цель)**.

Упоминая космизм, нельзя не сослаться на видного российского философа Николая Федоровича Федорова. Он в конце XIX в. уже предвидел то, что в конце XX в. стали называть **«глобальными экологическими проблемами».**

Федоров заложил основы мировоззрения, способного открыть новые пути для понимания места и роли человека во Вселенной. В отличие от многих попытавшихся построить универсальное планетарное и космическое мировоззрение, опираясь на восточные религии и оккультные представления о мире, Федоров считал, что **средневековое мировоззрение несостоятельно после Коперниканского открытия, обозначившего человеку космическую перспективу**. Но главное, по мнению Федорова, в учении Христа – весть о грядущем телесном воскрешении, победе над «последним врагом» – смертью; он сохранил веру в это неколебимо, выдвинув парадоксальную мысль о том, что эта победа свершится при участии творческих усилий и труда, объединившегося в братскую семью Человечества. **Он искренне верил в реальное, научно обоснованное долголетие.**

Ноосферное мировоззрение связано с религиозными верованиями. Вера в силу человеческого разума неизбежно приводит к вере в целом, но, как правило, это не очень сочетается с религиозными верованиями на основе фольклора 20-вековой давности.

В мире все больше людей, которые «верят в Бога без посредников», то есть признают Бога, но не верят и не признают священнослужителей и уже тем более новых течений. В мире 25 % людей, которые верят в **Бога** без посредников: в США – 50 млн человек, в Китае – 700 млн человек, в России – 23 млн человек.

Возникают новые религии. **Рациотеизм** – это слепая вера в науку, технику и технологию, которая зародилась еще в эпоху Просвещения, но только в XX в. завоевала массовую аудиторию и стала реальным конкурентом вере в Бога.

Наука, являющаяся высшей формой рационального, стала тем кумиром, в жертву которому приносится все то, что не поддается алгоритмизации и объективации. Фраза «ученые доказали, что...» для современного человека свидетельствует об абсолютной истинности последующего высказывания. С последним утверждением можно не согласиться. Часто то, что кажется на какой-то момент истиной, оказывается потом не соответствующим этому понятию. Некое таинство всегда остается и является той основой, на которой держится **вера**. На наш взгляд, **вера** должна быть не в истинности тех или иных суждений, а в Силе Всемирного Разума. Мудрец сказал: «Немногие знают, как много надо знать, чтобы знать, как мы мало знаем». Природа нелегко расстается со своими тайнами, но мы узнаем все больше и больше, и все более эффективно используем «новые силы Природы», как говорил В. И. Вернадский.

Активное долголетие людей в контексте долголетия биосферы в целом

Средняя продолжительность жизни большинства землян постоянно растет с 1840 г., и нет никаких признаков замедления этого процесса. Об этом свидетельствуют факты. Так, за последние 50 лет жители тридцати развитых стран мира вдвое чаще стали пересекать рубеж в 80 лет. В 1950 г. вероятность дожить до возраста 80–90 лет составляла в среднем 15 % для женщин и 12 % для мужчин.

В 2002 г. этот показатель был уже 37 % для женщин и 25 % для мужчин. Поэтому вполне вероятно, делают выводы специалисты, что более половины младенцев, которые в наши дни рождаются в развитых странах, доживут до 100 лет.

Ощущение счастья – это психологическая база долголетия. И счастье больше зависит от наших внутренних установок, чем от внешних условий.

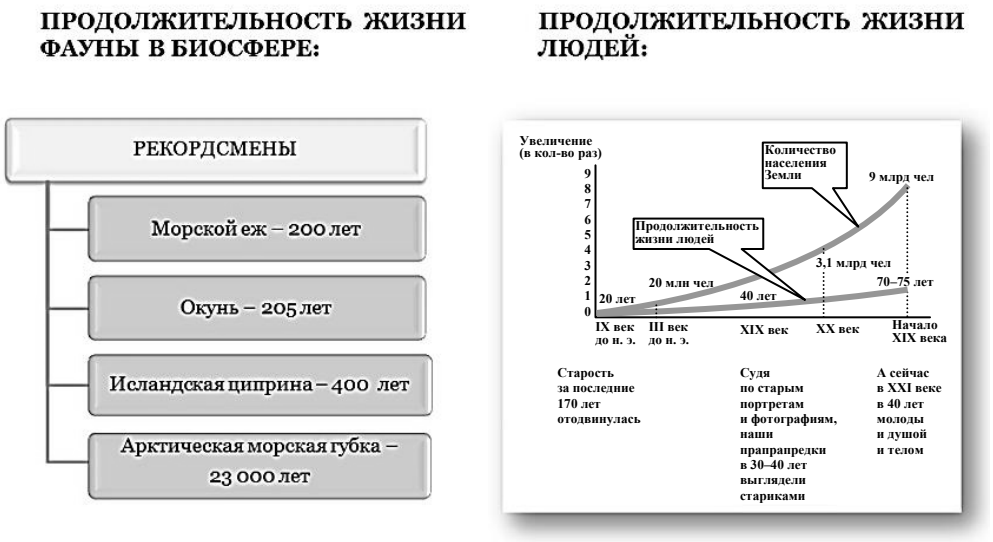


Рис. 1. Продолжительность жизни фауны в биосфере и продолжительность жизни людей

Долгожители умеют управлять своим настроением и видеть даже в неприятностях хорошую сторону. Для них всегда сосуд наполовину полон, а не пуст.

Головной мозг – это наш самый ленивый орган. Труднее всего преодолеть умственную лень. Головной мозг чаще страдает не от работы, а от праздности. **От активной деятельности он вовсе не изнашивается**, а укрепляется и развивается. Так же, как и мышцы, без работы мозг дряхлеет. Это касается любого возраста. Но особенно важна активная работа мозга в старости для сохранения памяти и ясности ума. Если есть возможность, продолжайте профессионально работать, помогайте молодым коллегам, **пишите статьи, книги, учите иностранные языки, решайте кроссворды, заучивайте стихи.** Это препятствует одряхлению мозга.

Но не нужно перенапрягать мозг – это может привести к стрессу и пользы от такой активной работы не будет. **Чрезмерное напряжение, и умственное, и физическое, – вредно.** Среди долгожителей нет спортсменов-профессионалов, но много ученых (члены Академии наук живут дольше бизнесменов).

Связь ноосферного мировоззрения с развитием науки

Ноосферное мировоззрение позволяет думающему человеку выбрать для себя религию по душе и верить в силу науки и могущество Всемирного разума, не замыкаясь при этом в слепой вере.

У русских людей боги раньше жили на опушке леса, прямо возле деревни, греки их немного возвысили и отправили на Олимп. Затем Бог переместился на

небо, но на земле открылись, по меткому выражению А. Пикуленко, «дилерские центры», и «дилеры» стали достаточно активны.

При разрушении религии и возвеличивании науки «дилерскими центрами» в нашей стране были НИИ советского периода, которые полностью опозорились через свою никчемность и отраслевую привязанность, насильственную научность («партия нас учит, что газы при нагревании расширяются»).

Сейчас мы наблюдаем разрушение науки. Оба явления, слава Богу, не доходят до полного абсурда.

Тяга людей и потребность их общности, социума, и в том и в другом очевидна, и ноосферное мировоззрение позволяет быть и верующим, и верить в силу науки и Великую роль Всемирного Разума, от которого к нам через интуицию приходят новые идеи, решения и открываются новые сферы использования идей и знаний – этих замечательных продуктов Всемирного Разума.

Вместе с дальнейшими научными открытиями будет развиваться и ноосферное мировоззрение.

В его развитии желательно не повторить ошибок прошлого. Во-первых, для этого нового ноосферного мировоззрения не нужно создавать никаких «дилерских центров»: ни отраслевых НИИ, ни храмов. Во-вторых, никакой насильственности. Если каким-нибудь чиновникам поручить это дело, то они, во-первых, «лоб расшибут», а во-вторых, все финансирование по обыкновению растащат.

Ноосферное мировоззрение должно быть в каждом из нас: в наших душах, нашем разуме, нашей духовной сфере.

Ноосферное мировоззрение относится к внеконфессиональному типу веры без посредников как личностей.

Посредники здесь – **знания, наука, образование**.

В их развитии заложено могущество Человека, а в умении организовать высокий уровень их развития – **могущество государства**. Этому нас учит творческое наследие В. И. Вернадского.

Творческое наследие В. И. Вернадского – основа устойчивого развития

Цитата В. В. Путина (из выступления на Деловом саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в ноябре 2000 г.): *«Еще наш соотечественник Владимир Вернадский в начале XX в. создал учение об объединяющем человечество пространстве – ноосфере. В нем сочетаются интересы стран и народов, природы, общества, научное знание и государственная политика. Именно на фундаменте этого учения фактически строится сегодня концепция устойчивого развития».*

На сегодняшний день деятельность человека достигла глобальных масштабов воздействия на биосферу, изменяя круговорот веществ, водный баланс планеты, оказывая сильное влияние на почвы, растительность и животный мир. Антропогенная деятельность создала новые токсические источники загрязнения биосферы, что в конечном счете может создать угрозу существованию самого человека. Следует сказать и о значении таких проблем, как укрепление здоровья человека, а также борьба с хроническими заболеваниями, патологическим старением, освоение новых экстремальных районов планеты и космоса, совершенствование существования человека в земных условиях. Сейчас актуальны проблемы пресной воды, чистого воздуха, зеленого покрова планеты, загрязнения окружающей среды,

приближения к критическим пределам использования невостребованных рудных и энергетических ресурсов.

Устойчивое развитие – гармоничный процесс изменений, в котором использование природных ресурсов, инвестиций и ориентация научно-технического развития, развития личности и институциональных изменений согласованы и укрепляют потенциал удовлетворения человеческих потребностей. Составляющие триединой концепции: экономическая, экологическая, социальная.

Учение В. И. Вернадского о ноосфере стало философской основой концепции устойчивого развития мирового сообщества, стратегии сбалансированного экономического развития и рационального использования природных ресурсов. Оно продолжает оказывать сильное влияние на формирование современного экологического сознания, и, как часто происходит с великими учеными, опередившими свое время, научное наследие Вернадского еще будет осмысливаться и творчески развиваться следующими поколениями [Вернадский 2012: 46–47].

Устойчивое развитие России подразумевает решение трех взаимосвязанных задач:

- создание эффективной экономики;
- создание благоприятной экологической обстановки;
- решение социальных задач и реализация прав граждан на охрану здоровья.

Рис. 2. Триединая концепция устойчивого развития

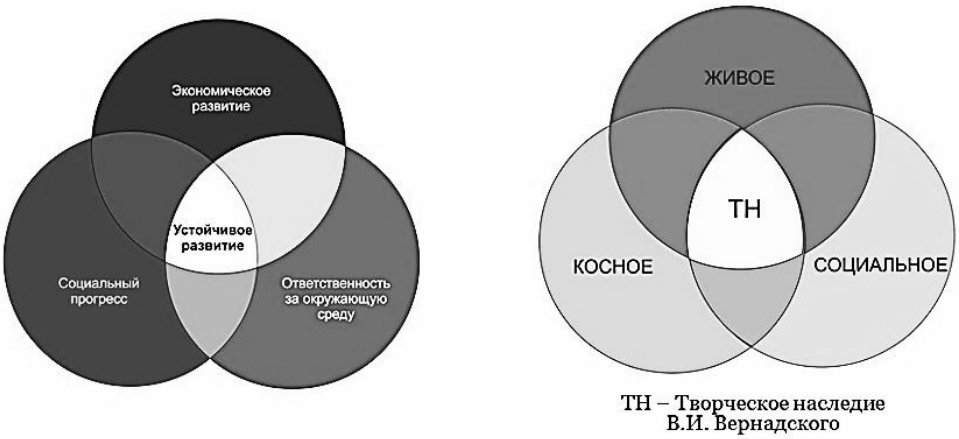


Рис. 3. Схемы устойчивого развития (а) и трех сфер научного мировоззрения В. И. Вернадского (б)

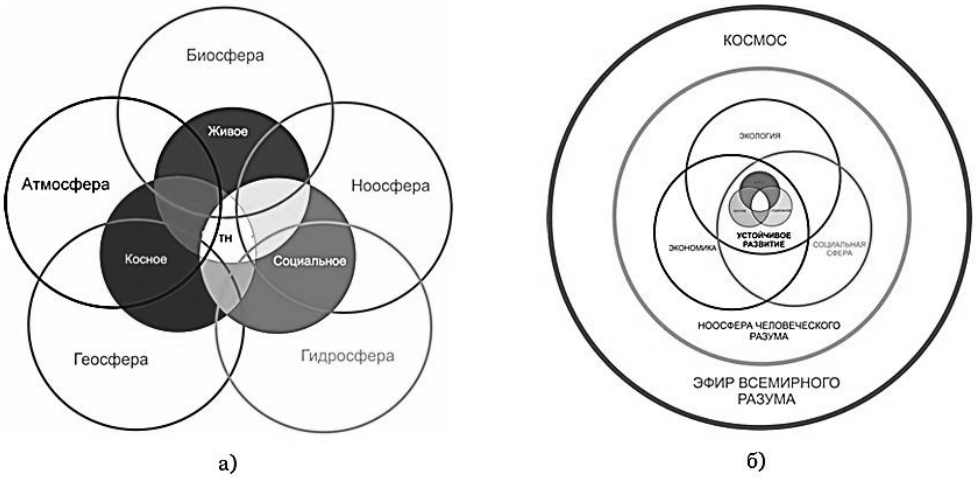


Рис. 4. Сфероидизация по В. И. Вернадскому (а) и ноосферное мировоззрение (б)

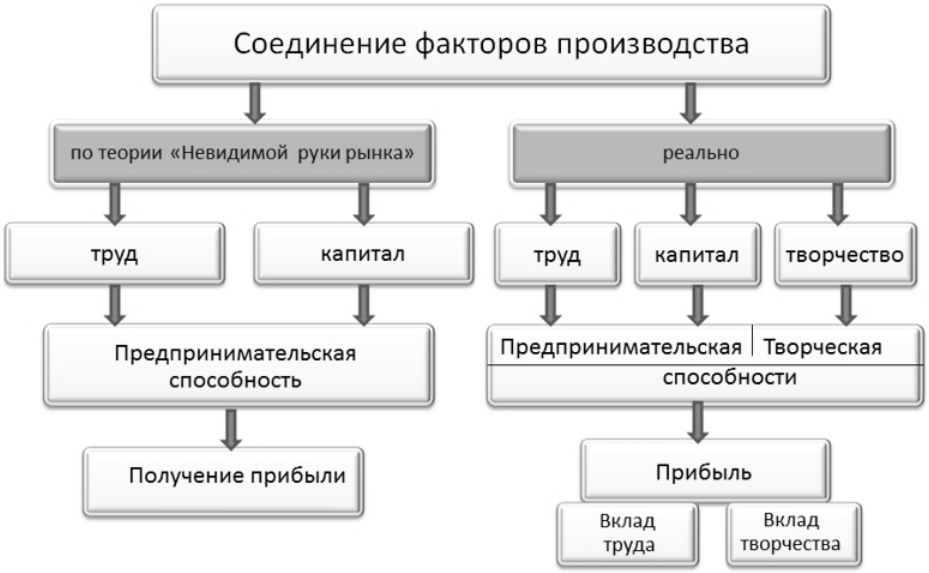


Рис. 5. Экономические составляющие устойчивого развития

Ни одна из этих задач не может быть решена в отрыве от другой. Например, загрязнение окружающей среды приводит к снижению эффективности экономики и ухудшению здоровья населения. Поэтому, в свою очередь, для восстановления качества окружающей среды необходимо принятие соответствующих мер как в области экономики, так и в социальной сфере.

Ноосферный баланс – это баланс между возникающей потребностью в новых идеях, преобразующих мир, и их возникновением и реализацией. Он может быть обеспечен только за счет научно-технологического прогресса, который в свою очередь невозможен без развития науки и образования. Ноосферный баланс **должен обеспечивать опережающее воспроизводство ресурсов. А это тесно связано с НТП и образованием.**

Ноосфера, научно-технический прогресс и образование

«Спасение России заключается в поднятии и расширении образования и знания. Только этим путем возможно достижение правильного государственного управления, только поднятием культуры возможно сохранить сильно пошатнувшееся мировое значение нашей родины» [Вернадский 1905: 25].

«Учащийся народ – основа широкого и мирного развития человечества» [Он же 2002: 215].

«Картина мира, сведенная к энергии и материи, если мы попытаемся сейчас на нее взглянуть без предубеждения, явно не отвечает действительности… материя может быть фактически приведена в связь с энергией (кванты, электроны, эфир – в разных построениях). Но в мире есть еще регуляторы энергии – сознание. Духовное начало?» [Он же 1987: 339].

Развитие ноосферного мировоззрения тесно связано с развитием науки и образования. Здесь без роли государства не обойтись. Пока роль НТП в развитии

экономики не будет на должном уровне, не будет и дальнейшего развития ноосферного мировоззрения. На это можно было бы закрыть глаза, если бы это не вело к деградации страны, к превращению ее в природоресурсный придаток государств, где роль НТП в экономическом развитии находится на высоком уровне, которые де-факто идут к ноосферному мировоззрению.

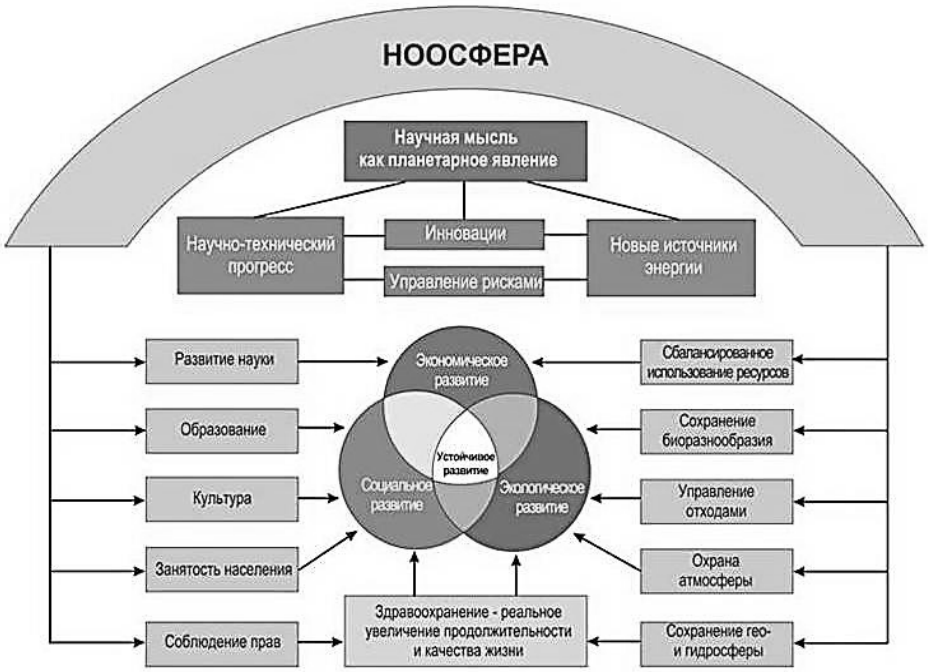


Рис. 6. Ноосфера, научно-технический прогресс и образование

«Ценность создается не только капиталом и трудом. В равной мере необходимо для создания предмета ценности и **творчество**. Этот элемент творчества может совпадать с обладателем капитала, т. е. его носителем может быть капиталист, может совпадать и с обладателем труда – его носителем может быть рабочий, но может с ними не совпадать. Его может внести в дело третья категория лиц, различная по своему участию в деле и по своему составу и от рабочего, и от капиталиста. Результатами его творчества могут воспользоваться – и обычно пользуются – как рабочие, так и капиталисты. И те и другие могут ее эксплуатировать как 3-ю силу, с ними равноценную» [цит. по: Аксенов 2010: 302–303].

Если мы не будем учиться, если будем и дальше мириться со сложившейся практикой, то нас ждет невеселое будущее.

Россия откатится на самые отдаленные позиции, станет страной малограмотных людей со слаборазвитой научной сферой. Стоит ли нам удивляться, что «Булава» не взлетает и нет уже ни российских станков, ни автомобилей, скоро и самолетов не будет. И даже в добыче и транспортировке нефти и газа мы можем откатиться на задворки. Там ведь тоже НТП важен.

Вот когда нас ждут финансовые трудности. Но и это еще не катастрофа. Катастрофа нас ждет, когда мы откатимся на задворки в атомной отрасли, а это и

ядерное оружие, и атомная энергетика – надежда всего человечества и в смысле энергообеспечения, и в смысле решения глобальных экологических, в первую очередь климатических, проблем.

Нельзя сказать, что в правильном направлении ничего не делается. «Сколково», конечно, положительное явление, и утвержденные президентом Российской Федерации «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» – тоже важный шаг в правильном направлении.

Но факт остается фактом: наука в вузах хиреет в полном соответствии с отсутствием средств на ее развитие. Закономерный результат – резкое падение наших рейтингов. Наши ученые уезжают и становятся нобелевскими лауреатами не у себя на родине. На родине нет тех возможностей, что «там», так как нет **инфраструктуры науки**.

Глобальные экологические и энергетические проблемы

Глобальный характер экологических проблем не абстракция – каждый день тысячи людей становятся жертвами природных катастроф. Землетрясения и цунами не только нанесли огромный ущерб, но и поставили вопрос о путях развития энергетики в мире и вывели глобальные экологические проблемы на первое место среди всех глобальных проблем человечества. Человеческий разум как основной компонент ноосферы поставлен перед выбором парадигмы решения глобальных экологических проблем. **Ноосфера – это область взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития**.

Рис. 7. Роль человеческой деятельности в возникновении экологических и энергетических проблем

В. И. Вернадский писал: «Человечество, как живое вещество, неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли – с ее биосферой. Оно не может быть от нее независимым ни на одну минуту» [Вернадский 1991].

Рис. 8. Пути решения глобальных экологических проблем

Достижения НТП – основа решения экологических проблем и устойчивого развития. Достижения НТП дадут возможность решить любую, даже самую глобальную, экологическую проблему: будь то глобальные изменения климата, радиоактивные отходы (их вообще очень мало), или отходы в целом (их много), и обеспечить устойчивое развитие. Насколько мы **готовы и можем** использовать достижения НТП? Анализ современного состояния НТП показывает, что **мы не готовы и не можем**, так как **роль НТП принижена**, а наука и образование деградируют. Классики капитализма предлагают в качестве факторов развития только **труд** и **капитал**. Причем последний у них в особом почете. **Задача № 1 – восстановление роли НТП как фактора развития.**

В. И. Вернадский еще на заре XX в. предвидел беспрецедентность, безграничную мощь энергии расщепленного атомного ядра. Но он предвидел и безграничную опасность неразумного обращения с ней. 29 декабря 1910 г. на Общем собрании Академии наук он выступает с докладом «Задачи дня в области радия»: *«Перед нами открываются в явлениях радиоактивности источники атомной энергии, в миллионы раз превышающие все те источники сил, какие рисовались человеческому воображению… В вопросе о радии ни одно государство и общество не может относиться безразлично, как, каким путем, кем и когда будут использованы и изучены находящиеся в его владении источники лучистой энер-*

гии» [Вернадский 1954: 679]. Его пророчество сбылось. Разум дал нам ядерный реактор, антиразум – Хиросиму, недомыслие – Чернобыль.

Удивительная способность В. И. Вернадского выдвигать философские идеи, заглядывающие далеко в будущее и с удивительной точностью предсказывающие ход развития процессов биосферы, а в особенности – прогресс научной мысли

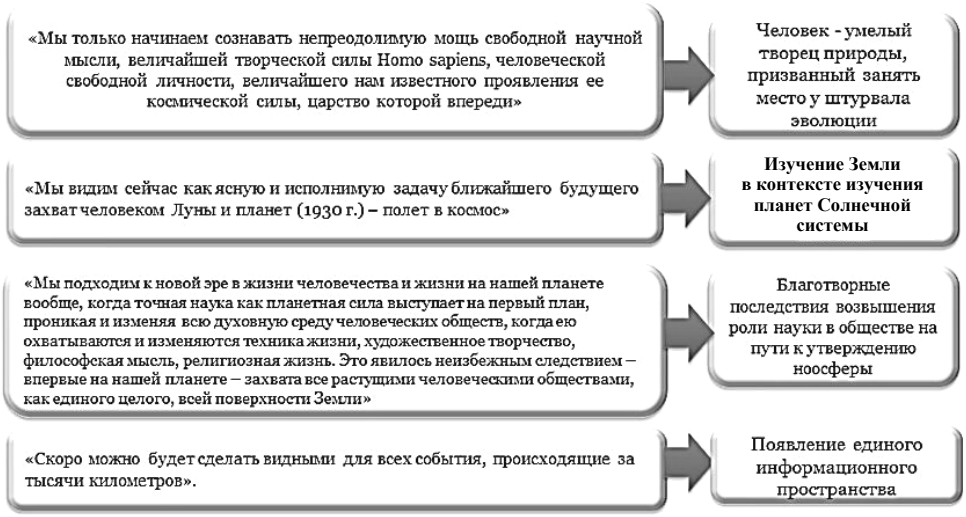


Рис. 9. Наследие В. И. Вернадского

Сегодня мы уже думаем о том, что на смену атомной энергии придет **бозонный уровень**. Бозон Хиггса – это золотой ключик к преобразованию массы в энергию. Величайшее открытие этой Частицы Бога, открывающей эру практического использования гениальных идей, взаимосвязывающей массу и энергию, подтверждает правильность ноосферных идей и укрепляет нашу веру в силу Всемирного Разума.

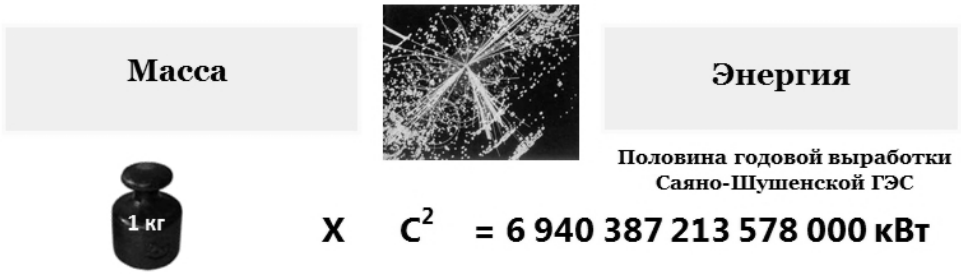


Рис. 10. Бозонный уровень энергии

Атомная энергия позволяет получить на тепловых реакторах 120 000 кВт·ч/кг, быстрые реакторы – 24×10^6 кВт·ч/кг, то есть по сравнению с атомной энергией они в 200 раз эффективнее. Но пока еще не удается освоить не только бозонный, но даже термоядерный уровень (6×10^7 кВт·ч/кг).

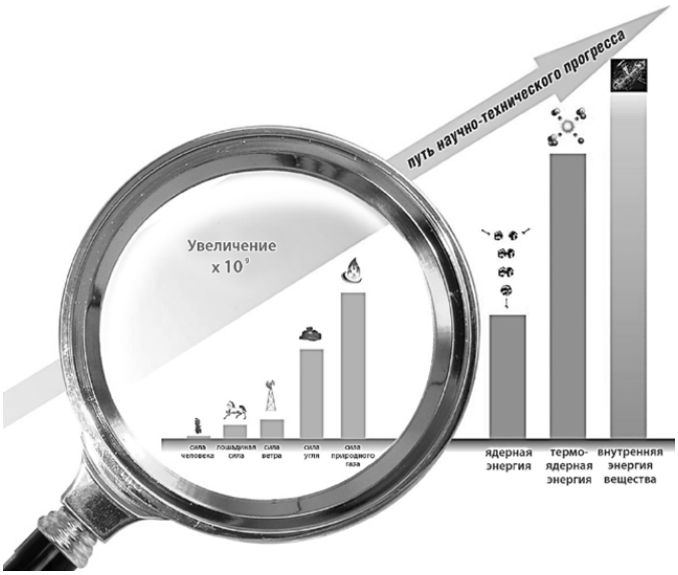


Рис. 11. Путь, по которому идет человечество

Современный ежегодный расход природных энергоресурсов составляет 0,0005 % от ресурсов органического топлива (нефти, газа и угля, вместе взятых) или 0,0003 % от ресурсов урана. Однако эти исчерпаемые энергоресурсы в сумме не составляют и пятой части годового потока солнечной энергии на Землю, который порождает энергию ветра, гидроэнергию и энергию фотосинтеза. А ведь имеется еще и огромная геотермальная энергия Земли, крупномасштабное освоение которой только начинается.

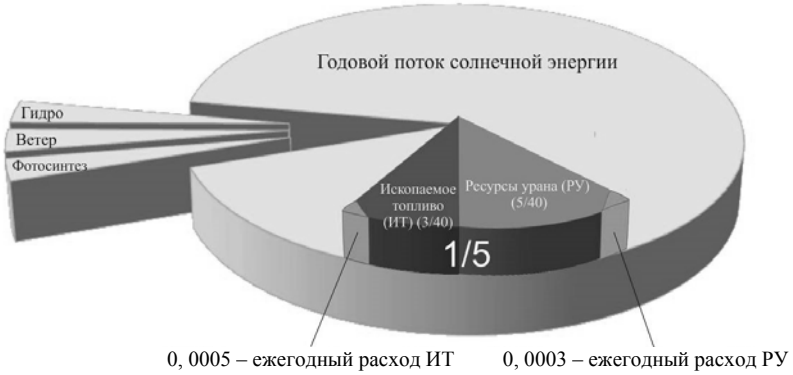


Рис. 12. Энергия – источник устойчивого развития

Резюме

• Учение В. И. Вернадского о ноосфере заложило основу как для нового мировоззрения, так и для теории устойчивого развития.

• Роль ноосферного мировоззрения в решении глобальных экологических проблем огромна. В. И. Вернадский благодаря своим трудам о ноосфере заложил концептуальные **основы устойчивого развития**: «В учении об объединяющем

человечество пространстве – ноосфере сочетаются интересы стран и народов, природы, общества, научное знание и государственная политика» (из выступления В. В. Путина на Деловом саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в ноябре 2000 г.).

• Охрана окружающей среды и экологическая безопасность тесно связаны с достижениями НТП. На сегодняшний день достижения НТП больше используются для совершенствования производства. Использование их в охране окружающей среды отстает от темпов наращивания производства. Роль НТП должна возрастать.

• Коренной проблемой НТП является создание новых источников энергии, что, в свою очередь, связано с фундаментальными открытиями в строении вещества и его преобразованием в энергию. И Вернадский еще в начале XX в. одним из первых предвещал развитие атомной энергетики. Его работы по радиоактивности произвели переворот в научном мировоззрении и послужили основой для создания новой науки.

• Ноосферное мировоззрение также является основой решения конкретных экологических проблем.

• Весь НТП связан с развитием и совершенствованием инфраструктуры науки и развитием образования. Роль НТП в трудах В. И. Вернадского подмечена очень точно, и его высказывания о том, что в образовании и знаниях – спасение России, актуальны и по сей день.

Очень актуально звучат сегодня слова Вернадского: **«Я считаю печальной чертой русской теперешней жизни странное и непонятное для меня отношение к науке как к роскоши»** [Вернадский 1981: 45].

Литература

Аксенов Г. П. Вернадский. ЖЗЛ. М. : Молодая гвардия, 2010.

Вернадский В. И. Ближайшие задачи академической жизни // Право. 1905.

Вернадский В. И. Избранные сочинения. Т. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1954.

Вернадский В. И. Из письма к Н. Е. Вернадской. 29 июня 1893 г. Вернадовка // Страницы автобиографии В. И. Вернадского / сост. Н. В. Филиппова. М. : Наука, 1981.

Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М. : Наука, 1987.

Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991.

Вернадский В. И. О научном мировоззрении. Труды по философии естествознания. М. : Наука, 2000.

Вернадский В. И. Задачи высшего образования нашего времени / В. И. Вернадский // О науке. Т. 2. СПб., 2002. С. 215.

Вернадский В. И. // Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / под ред. И. В. Ильина, И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М. : Альфа-М, 2012. С. 46–47.

Грачев В. А. Ноосферное мировоззрение и устойчивое развитие // Вклад В. И. Вернадского в развитие мировой цивилизации: сб. М. : Фонд Вернадского, 2013. С. 18–32.

Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Новые идеи в философии: сб. СПб., 1912. № 1.

ПРАВО ИНДИВИДА И ПРАВО НАРОДА НА САМОБЫТНОСТЬ В РЕАЛИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Напсо М. Д., Напсо М. Б.*

В условиях глобализации этнонациональные интересы находятся под сильным влиянием таких факторов, как унификация образа жизни, стандартизация потребностей и ценностей, фрагментация культур, их гибридизация и конструирование. Будучи направленными на сохранение коллективной идентичности, они входят в определенное противоречие с процессами глобализации. Проблема сохранения самобытности народов приобретает все более острый характер. В наше время коллективные права становятся действенным механизмом защиты самих этнических общностей от многочисленных разрушительных воздействий, что крайне актуально в условиях глобализации. Поэтому сохранение самобытности должно основываться на защите прав самих ее носителей – групп и индивидов, что в одинаковой мере относится к проблеме соблюдения и прав человека, и прав народов и отдельных этнических групп.

Ключевые слова: *глобализация, культура, этнонациональный, этнонациональные интересы, право, полиэтничность, идентичность.*

In the terms of globalization ethnonational interests are under the strong influence of such factors as unification of the way of life, standardization of requirements and values, fragmentation of cultures, their hybridization and structuring. Being directed to the preservation of collective identity, they are in a certain conflict with globalization processes. The problem of preservation of peoples' identity gets more and more acute. Nowadays collective rights become the effective mechanism of protection of ethnic communities from numerous destructive influences that is extremely important under the conditions of globalization. Therefore, preservation of originality must be based on the protection of the rights of its carriers – groups and individuals that equally relates to the issue of respect for the human rights, rights of peoples and separate ethnic groups.

Keywords: *globalization, culture, ethnonational, ethnonational interests, right, polyethnicity, identity.*

Множественные глобализационные угрозы (нивелирование и унификация культур, интересов, потребностей, масштабные миграции и активные процессы смешения населения, господство информационных технологий и т. п.) в первую очередь затрудняют процесс сохранения и воспроизведения этносов как отдельных социальных групп, являющихся носителями своеобразных культур. Растущая

* Напсо Марианна Давлетовна – доктор социологических наук, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии.

Напсо Марьяна Бахсетовна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского юридического института (филиала Саратовской государственной юридической академии). E-mail: napso.maryana@mail.ru.

диаспоризация социальных процессов создает общества, состоящие из множества традиций, которые перестали быть привязанными к определенной территории и представлять собой единое целое, – культура стала фрагментарной, представленной большим числом диаспор, оторванных от национального ядра и разбросанных по всему миру. А это снижает этнические возможности по, как это принято говорить, организации пространства и времени, их «склеиванию» посредством общей идентичности, солидарности и коллективной памяти. Все это представляет реальную и наибольшую опасность в первую очередь для этнонациональной самобытности, которая имеет исключительную важность для этнического развития и самочувствия, для существования этнической общности как таковой.

Главная сложность заключается в соединении доминант модернизации и политико-правового, историко-культурного, нравственно-идеологического контекста модернизирующихся обществ. Истинно национальные (государственные) и этнонациональные интересы лежат в плоскости не только сохранения исконной духовно-культурной парадигмы общества, но и утверждения в новых условиях. Поэтому этнонациональные интересы в условиях глобализации имеют ярко выраженный противоречивый, антиномичный характер: с одной стороны, они призваны выполнять защитную функцию, с другой – проектную, заключающуюся в необходимости, готовности и способности адаптироваться к новым условиям и быстро, постоянно изменяющимся реалиям.

Этой новой реальностью является постмодерн. Глобализация, по мнению многих российских и западных философов и социологов, есть наступление эпохи постмодерна [Куда движется… 2014]. Чтобы проиллюстрировать, насколько сложно вхождение и пребывание этнонационального в пространстве постмодерна, приведем его некоторые характеристики:

– «самым ценным качеством становится *гибкость*: все компоненты должны быть легкими и мобильными, так чтобы их можно было мгновенно перегруппировать <…> Прочность – это проклятие, как и постоянство в целом, теперь считающееся опасным признаком плохой приспособляемости к быстро и непредсказуемо меняющемуся миру…» [Бауман 2004: 562–563];

– «*турист*… центральная фигура постмодернистской эпохи. Он пересекает континенты, желая вкусить культурной экзотики, которая не более чем любопытна. Здесь не предполагается ангажированность теми смыслами и ценностями, которыми насыщена инокультурная среда. Напротив, чувство отстраненности от нее…» [Панарин 2003: 18];

– макдональдизация представляет собой новый тип рациональности: эффективность, предсказуемость, калькулируемость и контроль, но без непосредственного участия человеческого фактора, то есть дегуманизация человеческих отношений (сведение контактов между людьми, общения до минимума), а значит, усиление отстраненности и уменьшение созидательности (Дж. Ритцер);

– играизация – новый стиль жизни, предполагающий «парадоксальное сочетание реального и виртуального», «посредством саморефлексии *успешные* игровые и эвристические практики социально конструируются, а затем включаются в хозяйственно-экономические, политические, культурные структуры»; играизация «не знает правил, напротив, она их постоянно корректирует, что предполагает изменение… сознания и, соответственно, постоянное создание новых алгоритмов поведения» [Кравченко 2004: 584–585];

– превращение потребительского общества в общество, потребляющее знаки, символы; нет таких символов, которые не стали бы товаром: символический обмен не обеспечивает неразрывную связь с прошлым, а разрушает ее, равно как и прежнюю систему социальных отношений, власть современных СМИ как разтаки и основана на манипулировании кодами, в которых в концентрированном виде нашли выражение те или иные символы (Ж. Бодрийяр);

– постепенно – посредством серии последовательных отстранений символов от сущности реальности – символический обмен приводит к утверждению гиперреальности (сначала символ маскирует реальность, затем искажает ее, потом скрывает отсутствие сущности, затем и вовсе перестает с ней соотноситься, переходя в состояние подобия или видимости) – так формируется мир симулякров, то есть знаков и образов, оторванных по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, являющихся фальсифицированными «копиями копий», подделками, утратившими идентичность образа, и симуляций, то есть знаков, образов символов, приобретших самодостаточную реальность [Кравченко 2004: 564–571].

В мире симулякров и симуляций, где массовое и масштабное распространение суррогатных продуктов заменяют собой реальные знаки и утверждают иллюзию реальности, труда, творчества, нравственности, политической деятельности и т. п., этнонациональные интересы, процесс их формирования и защиты оказываются в большой опасности превратиться в одну из форм их проявлений. И это грозит постепенным разрушением исконных духовно-культурных основ общества.

В условиях растущей взаимозависимости государств, сообществ, народов возможности одностороннего выбора форм, методов действий ограничиваются. И ограничиваются не только необходимостью взаимодействия, учета особенностей, прав, интересов других субъектов общественных отношений (особенно в плане возможных последствий), морально-этическими нормами, но и установленными демократическими стандартами, а именно: а) каждый человек должен обладать всеми основными правами и свободами; б) каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной; в) воля народа должна быть основой власти правительства. Эта воля находит выражение в регулярных демократических выборах; г) должно быть обеспечено верховенство права. Коренные интересы этнонационального развития перестали быть не только личным делом народов, этносов, но и внутренним делом государств и поставлены в зависимость, как видим, от соблюдения прав человека, признания приоритета принципов демократии и верховенства закона. Следовательно, не только государства, но и народы «суверенны в своих демократических правах и обязанностях в условиях демократического правопорядка» [Лукашук 2000: 145].

И, наконец, удовлетворение этнонациональных интересов находится в зависимости от интересов международного сообщества и интересов государства. Следует принять во внимание и тот факт, что сейчас интересы международного сообщества перешли из плоскости государствоцентризма в гомоцентризм, то есть на первый план вышли функции международной защиты прав и свобод человека, что ведет к расширению сфер и интенсификации внешнего регулирования. Как в свое время заметила Г. В. Старовойтова, в истории политико-правовой мысли начиная со времен Французской революции и до идей двадцать восьмого президента США Вудро Вильсона коллективное право рассматривалось как второсте-

пенное или даже третьестепенное в сравнении с правами индивида и государств [Султанов 2002: 191].

Именно предпочтение прав гражданина правам человека – представителя определенной национальности, на наш взгляд, есть то противоречие, которое лежит в основе противостояния национальной глобализации. Такой подход действенен только на определенном этапе, но он создает лишь иллюзию гомогенного состояния общества: равенство в демократических правах и свободах не заменяет другого данного от рождения права – права национальной принадлежности. Однако зависимость между развитостью первых и успешностью реализации второго вполне очевидна. Этнонациональное всегда требует своей ниши и стремится сохранить себя как *особое* единение, а не как простая совокупность граждан. Для этого вовсе не обязательны автономия, суверенитет, самостоятельность, территориальная прикрепленность и т. п. – зачастую это стремление заявить о себе и быть признанным как самобытное сообщество, имеющее право на ее сохранение (что особо актуально для малочисленных народов и национальных меньшинств). Показателен пример Канады в решении этой проблемы. Если раньше национальные меньшинства практически выбирали, с какой культурой – английской или французской – им интегрироваться, то сегодня правительство страны, отказавшись от навязывания того или иного выбора, пошло по пути поддержки культурного своеобразия самых разных этнокультурных меньшинств [Опальски 1996: 187].

Нужно отдать должное российским ученым, которые всегда отмечали как явную однобокость решения национальных проблем через провозглашение приоритета прав человека (западная модель), особенно для полиэтничных сообществ, так и опасность упрощения национального, его низведения до уровня культов, обрядности (так называемая редукция национального), равно как и его определенной элиминации (изъятия) из правотворчества. Многие убеждены, что защита этнонационального есть особая роль государственного суверенитета.

Культурные различия определяют специфику жизненных потребностей, обусловленных историческими, географическими, политическими и иными особенностями, и степень их удовлетворения зависит от множества факторов, среди которых особую роль играют исконность происхождения, особая связь с территорией происхождения, численность этнической группы, проживание в государстве происхождения или за его пределами, компактное или дисперсное расселение, доминирующее или недоминирующее положение, уровень этнической солидарности, наличие или отсутствие причин, ухудшающих положение той или иной этнической общности. Уже стало традиционным признание особых коллективных прав за коренными народами и теми этническими общностями, которые находятся в численном меньшинстве, в недоминирующем положении за пределами государства происхождения, в худших – с точки зрения реализации прав и в особенности права на собственную самобытность – условиях, то есть меньшинствами. Безусловность коллективного и индивидуального права на культурные различия международное право признает именно за такими этническими группами и их представителями.

При этом продвижение коллективных прав по пути их признания началось с признания значимости национальных чувств, понимания «вечности» стремления этнической общности к самосохранению и самоутверждению и осознания того, что индивидуальное право человека идентифицировать себя с определенной общ-

ностью не может быть полностью реализовано без наличия аналогичного права у этнической общности: самобытность есть свойство этнической группы, защита самобытности предполагает защиту этнической группы как таковой, а не каждого ее представителя, отдельно взятого. Нельзя не согласиться с выводом В. В. Кочаряна о том, что «только группа может обладать правом на самобытность, ибо только ей как таковой может быть присущ комплекс этнических, культурных, религиозных, языковых признаков, составляющих содержание ее идентичности, отличающей ее от других групп <…> Такой компонент самобытности, как культура, созидается и является продуктом коллективной активности, язык как средство общения тоже функционирует только в группе…» [цит. по: Ахметшина], и с мнением С. С. Юрьева: «Проблема противопоставления индивидуальных и групповых прав во многом искусственна, ибо по своей социальной природе культурные или языковые права не могут не быть коллективными <…> Многие обязанности государств направлены на поддержку культуры, религии, языка, т. е. таких форм проявления самобытности, которые реализуются исключительно в относительно устойчивой социальной группе. В связи с этим представляется, что отсутствие в международных актах характеристики тех или иных прав как принадлежащих именно этнической общности, а не индивиду, обусловлено, скорее, политическими…, чем правовыми соображениями» [Юрьев 2000: 243]. Права и Ф. А. Ахметшина, говоря, что «отдельный человек не может быть “самобытным” в том смысле, какой мы придаем обычно этому понятию. Самобытна может быть культура, образ жизни какого-либо социального коллектива, например меньшинства. Нельзя нанести ущерб самобытности этнической группы в целом, нарушив право одного из членов этой группы на использование родного языка. И напротив, повсеместное запрещение использования языка в местности, населенной меньшинством, может повредить этой самобытности. Таким образом, самобытность – это ценность, принадлежащая социальной общности, а не индивидам, и право на уважение этой ценности является правом меньшинства, т. е. коллективным правом» [Ахметшина]. Поэтому в основе регламентации права на самобытность должна лежать не столько защита культуры, языка, традиций, верований, сколько *защита прав самих носителей* – групп и индивидов, что в одинаковой мере относится и к вопросу соблюдения прав человека, народов, отдельных этнических групп (национальных меньшинств, коренных народов).

Право индивида на самобытность защищает не саму самобытность, а индивида в его сущностном выражении; так и коллективное право на самобытность есть защита самой этнической общности. Ее право на существование как самобытной этнической общности не менее важно, чем право на существование в физическом смысле. При всей важности последнего заметим, что утрата таких этнических признаков, как язык, территория, традиционная культура, историческая память, крайне губительно действует на этническое самосознание, которое является, как мы уже говорили, важнейшим элементом правосубъектности этнических групп: отсутствие развитого этнического самосознания значительно уменьшает возможности этнической группы выступать субъектом правоотношений, формировать осознанные интересы, выдвигать и защищать их. В условиях глобализации и в эпоху постмодернизма со свойственным им активным замещением традиционных культурных ценностей искусственными конструктами, символами и симулякрами коллективные этнические права можно рассматривать как институциональный

механизм защиты самих этнических общностей. М. Ю. Мартынов, говоря о необходимости соединить сложившиеся два подхода к решению проблем этнических меньшинств – культурный и политический, которые не могут существовать изолированно друг от друга, так объясняет особую роль права на самобытность: «Подлинными гарантиями прав этнических меньшинств могут быть только гарантии политические, но в значительной степени реальным обеспечением прав меньшинств являются права в сфере культуры, воспитания, образования, традиций. В поддержании и развитии самосознания именно культура и язык играют решающую роль» [Мартынов 1998: 28–29].

Нельзя забывать об особой связи этнонационального и территории. Как известно, коллективная идентичность народа основывается на законе трех (или четырех) единств: единстве территории, истории как источнике коллективной исторической памяти, ценностной нормативной системы и языка, посредством которого такое единство постоянно актуализируется в сознании народа. В условиях глобализации все элементы этого единства подвергаются серьезным рискам: территория перестает быть исключительно этнонациональным и государственным достоянием (она легко «взламывается» внетерриториальными факторами глобализации, о чем мы говорили в предыдущих параграфах), история активно пересматривается, морально-этические нормы утрачивают свои былые позиции регуляторов общественных отношений, значительно ограничивается сфера применения национальных языков, происходит активное замещение национальных культурных кодов. Поэтому этнонациональные интересы, которые направлены именно на сохранение коллективной идентичности, и входят в противоречие с процессами глобализации и глобальными интересами.

Особую опасность представляет процесс отрыва этнонационального от территории. Этническая культура всегда территориально укоренена: «Этничность – это приспособление к деятельности на определенной территории; этническая культура – символическая кодификация такой деятельности. Отсюда следует, что культура не может существовать автономно от породившей ее деятельности, а соответственно – и в отрыве от территории… Практически нет экстерриториальных культур…» [Юшкова-Борисова 2005: 177]. Именно наличие собственной территории, гарантированное существование на ней и ее использование в собственных интересах как ничто другое способствуют сохранению идентичности, в особенности когда остальные ее элементы подвергаются активному изменению. Поэтому усиление тенденции государствообразования в современных условиях в значительной степени обусловлено стремлением легитимировать свое право на территорию как на источник воспроизводства культуры.

Не в меньшей мере это обусловлено и тем, что данная культурная составляющая территории входит в прямое противоречие с экономической, когда территория представляет интерес исключительно с точки зрения эксплуатации природных ресурсов. В силу приоритета экономической эффективности многие современные производства и технологии, приносящие сверхприбыль, не нуждаются в населении, привязанном к территории, напротив, они заинтересованы в *мобильной* рабочей силе и в территории, абстрагированной от ее населения. Этнонациональные интересы требуют пересмотра такого критерия успешности развития: экономика территории должна быть ориентирована на ее собственное население, собственные силы (что предполагает постоянное профессиональное совершен-

ствование, повышение уровня знаний, всемерное развитие творческого потенциала, использование передового опыта и его приспособление к местным условиям), на экологическую защиту этой территории, возложение и несение ответственности за ее использование, на предоставление этой территории и для ведения национальных форм хозяйствования.

Однако суверенизация периода глобализации не ведет автоматически к удовлетворению истинных этнонациональных интересов. Последовательные противники глобализации видят в этнонациональной фрагментации результат целенаправленной деятельности по разрушению единых крупных национальных пространств, по превращению больших наций в горстку «карликовых этносуверенитетов», обладающих иллюзорной независимостью, по освобождению *территорий* от этнокультурного единства, общности исторических судеб, единства исторического времени. Демонтаж единого национального пространства, его замена «новым именным и региональным местничеством» создают качественно иное глобальное пространство, в котором «элиты глобализируются», а «массы “парцеллизуются”, погружаясь в архаику примитивного местничества, изоляционизма, трайбализма и натурального хозяйства», скатываясь в новое Средневековье [Панарин 2003: 20, 15, 16, 26, 134, 135]. Такое «возрождение старой этнической и трайбалистской памяти изменит убеждения огромных масс и соответственно может привести к образованию в новом столетии множества этнически и цивилизационно особых государств» [Уткин 2001: 174]. Утрированность этой позиции позволяет наглядно продемонстрировать риски современной суверенизации и опасность «индивидуалистского» удовлетворения интересов без их естественной взаимосвязи с интересами близких (в разных смыслах этого слова) народов, территорий, государств. В условиях неравномерности глобализационного развития это ведет к тому, что защита национальных (государственных) и этнонациональных интересов становится для одних *привилегией*, для других – *правом*, для третьих – *борьбой за право*.

И эта борьба за право быть этнонационально выраженным зачастую обретает характер бескомпромиссного этнического самоутверждения (то, что принято называть балканизацией, жесткой радикализацией этнонационального проекта), направленного главным образом на распад многонациональных государств и механическое приращение территорий. Ускоренное (да еще и под внешним воздействием) продвижение процесса этнонационального самоутверждения на полиэтнических пространствах «начинено» большим зарядом конфликтогенности еще и потому, что сопровождается обоснованием собственной значимости и неприятия иных, эксплуатацией чувства обиды и несправедливости понесенных потерь, массовым поворотом к старым, архаичным ценностям, превращением этноистории в «золотой век чистоты и благородства», этнокультуры – в проявление национальной гениальности. Таким образом заново открытая традиционная этничность все больше разделяет единые этнопространства на дискретные образования. Эта участь постигла СССР, Югославию, она, вполне возможно, уготована Китаю, раздираемой сепаратизмом Индии, Индонезии, Бирме, Африке, где на огромной территории – от Судана и Эфиопии до Анголы и Конго, в Нигере, Мали, Либерии, Чаде – конфликты могут вспыхнуть в любой момент. В таких условиях – этнодистанцирования, отягощенного конфликтом, – появление правовых норм, ограничивающих иноэтническое присутствие (под предлогом преодоления засилья) либо

наделяющих аборигенное население привилегиями, вполне закономерно (как это происходит, например, в государствах Прибалтики, на Украине, в Грузии). Как закономерна и массированная «информационная» дискредитация народов, с которыми происходит размежевание (русофобия в странах бывшего СССР, сербофобия на Балканах), начинающаяся с развенчания деятельности отдельных лидеров, их режимов и заканчивающаяся уничижением целых народов, искусственным снижением их этностатусов. В самую пору говорить о правовых механизмах защиты чести и достоинства народов.

В вопросе о защите этнонациональных интересов стало общим местом утверждение о необходимости конституционно-правовым путем обеспечить учет интересов коренного населения, в особенности коренных малочисленных народов, национальных меньшинств (которые стали толковаться расширительно как представители того или иного народа, проживающие в окружении инонационального большинства, независимо от того, имеют ли они на территории государства свою автономию) и, наконец, диаспор (этнических групп, проживающих вне своей этнической родины на территории иных государств). Внешняя простота этого тезиса требует сложнейшей и скрупулезнейшей работы в определении правовых механизмов защиты интересов названных групп не только в отдельности, но и в их совокупности, а также с учетом интересов большинства населения и государства в целом, что находится в прямой зависимости от специфики отдельно взятого региона.

Очевидно, что характер защиты этнонациональных интересов коренных народов, ставших на своей территории малочисленными народами и проживающих в инонациональном большинстве, и коренных народов, составляющих большинство (подавляющее большинство) либо являющихся достаточно многочисленными, будут изрядно разниться. Если для первых установление тех или иных привилегий (в силу наибольшей актуальности проблемы самосохранения перед угрозой ассимиляции) вполне приемлемо, то для вторых – вряд ли: политико-правовое закрепление особых прав с большой долей вероятности может обернуться дискриминацией всех остальных по национальному признаку. Как видим, процесс правового обеспечения этнонациональных интересов затрудняется тем, что носителями этих интересов являются многочисленные (родственные и нет) этнические сообщества и образования, различающиеся по степени целостности, а также территориально, экономически, демографически, социально, культурно, религиозно, ментально, то есть имеющие множество отличий (и нюансов отличий). Следовательно, наибольшую сложность будет представлять механизм обеспечения правовых принципов и норм. Приходим к выводу о том, что внутригосударственным и международным правом должен быть предусмотрен самый широкий спектр форм, позволяющих отстаивать не только различные этнонациональные интересы, но и интересы различных народов и этнических групп. И модель их конкретной реализации должна быть поставлена в зависимость от специфики того или иного региона.

Кроме того, реализация «принципа гарантизма» (обеспечение официального статуса языкам, преподавание языка своей национальности, доступ к СМИ и т. д.) не должна нарушать баланса индивидуальных и групповых прав, «сталкивать» права человека с правами народов (интересы разных народов), создавать между ними конкуренцию. Это актуализирует проблему использования правовых огра-

ничений, определяющих объем регулирования, границы имеющихся прав (по С. С. Алексееву), рассчитанных на сдерживание противоправного поведения (по А. В. Малько), на удержание общественных отношений в ограниченных рамках (по Ф. Н. Фаткуллину), тем самым создающих условия для удовлетворения интересов всех участников общественных отношений [Тутинас 2000: 96, 97]. Тем более что позитивная энергия этнической мобилизации и консолидации может превратиться в этническое подстрекательство, в конфликт.

Весьма актуальной в условиях глобализации и наиболее сложной является проблема защиты этнонациональных интересов малых этносов (на территории почти 150 многоэтничных государств их более трех тысяч), постоянно находящихся в состоянии страха растворения в более многочисленной этнической среде. Возможности политического самоопределения на этнической основе для них объективно ограничены, политика этнического размежевания неплодотворна. Однако это не означает отсутствия права на саморазвитие, достойное существование и собственную идентичность – просто оно реализуется в условиях сосуществования, обеспечиваемого посредством института федерализма. Именно федерализацию полиэтничных государств вполне справедливо считают наиболее оптимальным методом полнокровного функционирования единого государства: она естественным образом объединяет разнородность территорий и сообществ, соединяет две главные тенденции глобального развития – интеграцию и регионализацию («этнонационализацию»).

Международный и российский опыт свидетельствует о том, что рано или поздно полиэтничные государства неизбежно приходят к необходимости децентрализации власти, федерализации и их конституционному закреплению. Очевидно, что главной проблемой для многонационального государства становится создание эффективных конституционно-правовых механизмов, которые обеспечивали бы, с одной стороны, самостоятельность организации жизнедеятельности отдельных этнических сообществ (реализацию этнонациональных интересов), с другой – их включенность в решение задач общегосударственного масштаба (учет этнонациональных интересов), в-третьих, целостность государства (единство общенациональных и этнонациональных интересов). Другим не менее важным моментом является выбор того или иного типа общегосударственного устройства (федерации как единства): 1) государственно-территориальных образований; 2) национально-территориальных автономий; 3) национально-культурных автономий. С. А. Авакьян считает, что выбор зависит «не только от наличия различных национальностей, но и от их численного соотношения, исторических корней и связи с территорией (на ней они жили всегда или же когда-то сюда переселились) и т. д. Если в государстве есть различные более или менее соразмерные национально-этнические общности и территории их традиционного проживания, может создаваться федерация по национальному признаку как союз национальных государств. Но если есть одна большая нация, проживающая на всей территории государства, и есть небольшие – относительно этой нации – национально-этнические общности, территории которых своеобразно “вкраплены” в единую территорию, то вполне допустимо создание национально-территориальных автономий для соответствующих национально-этнических групп» [Авакьян 2001: 7]. Но все не так просто и однозначно: содержание таких критериев, как аборигенность, исконность, древность происхождения, территориальная

принадлежность, общность (территории, корней, истории и т. п.) и даже численность, всегда пересыщено национальным субъективизмом, национальными чувствами, этностатусными представлениями, мифами и этноавтостереотипами.

В современных условиях можно вполне определенно говорить о выраженном стремлении этносов заявить о себе как о государствообразующей нации, о своем праве на создание государства, преимущественно мононационального. Не в последнюю очередь это связано с тем, что образование национального государства позволяет поднять этнонациональные интересы до уровня государственных, соединить их с собственно-государственными в единое целое, в совокупность общественно-публичных интересов, а также выразить их и в международном праве. Последнее – наличие явных преимуществ, связанных со статусом субъекта международного права, в том числе и в отстаивании этнонациональных интересов, – играет главную роль во «всеобщем стремлении» к обретению государственной независимости. «…В процессе образования национального государства наиболее важная роль принадлежит факту внешнего, международного признания, даже независимо от внутреннего состояния и уровня национальной идентичности. Можно согласиться с утверждением И. С. Тарасова о том, что сегодня каждый новый субъект международного сообщества автоматически получает статус национального государства. И, как утверждает А. М. Салмин, "нацией становятся в силу признания"» [цит. по: Блинов 2003: 38–39]. Известный американский юрист-правовед Т. Франк замечает: «Может показаться странным, но международная система, признавая статус, голос и блага лишь за теми этническими и племенными общностями, которые достигли государственности, поощряет активный сепаратистский национализм». Но приведший эту цитату И. И. Лукашук высказывает несогласие и утверждает, что «сепаратизм и национализм стимулируются не международной системой, а соответствующей общественно-политической системой государств, которая не обеспечивает законных прав и интересов национальных меньшинств. Чем более крупным и единым является государство, тем больше его возможности обеспечить интересы своего населения, включая меньшинства» [Лукашук 2004: 57]. При всей справедливости точки зрения Лукашука, практика современной глобализации доказывает справедливость и мнения Франка.

Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что глобализация проходит под знаком иммиграционного (миграционного) общества, которое уже становится правилом, а не исключением. Гетерогенность как следствие иммиграций, миграций отличается от гетерогенности как результата этногенеза. Поэтому проблема защиты этнонациональных интересов иммигрантов, мигрантов приобретает весьма актуальный характер и является одной из самых сложных: в основу легитимации их права быть национально выраженными не могут быть положены ни аборигенность, ни исконность территории, ни автохтонность культуры – все то, к чему обычно апеллируют коренные этносы. В такой ситуации особую ценность приобретает институт гражданства, содержание которого все больше пересматривается: с ним связывают наличие не только экономических, социальных, политических прав, но и этнокультурных.

Массовые миграции, экономическая интеграция, размывающие политические и этнокультурные границы, создают поликультурные пространства нового типа, и этим реалиям должен соответствовать иной *modus vivendi*, который смог бы, с одной стороны, сохранить культурную идентичность местных народов и их тер-

риторий, с другой – обеспечить возможности социальной мобильности и роста многообразия. Следовательно, вопрос вопросов – как соединить объективно необходимые автономию и интеграцию, столь же объективно противостоящие друг другу. Автономия и интеграция предлагают институциональные возможности на основе равенства подойти к культурным различиям. Только тогда, когда различные культуры рассматриваются как легитимные, возможна поликультурность. Признание различия делает необходимой определенную автономию в практике государственной жизни. Однако остается поле напряжения между автономией и интеграцией, препятствуя, с одной стороны, ассимиляции, а с другой – ползучему геттоизированию. Многие видят выход в целенаправленном развитии гражданской, политической идентичности, политической лояльности, лояльности к своему гражданству, двойной идентичности – политической и культурной (например, афроамериканец, испаноамериканец, немецкошвейцарец). В такой амбивалентности находят выражение связь происхождения и гражданства, сочетание интересов частной и коллективной природы. Высказывание Ю. Хабермаса о том, что политическое общество может требовать от своих граждан политической лояльности, но не культурной ассимиляции, хорошо известно [Альтерматт 2000: 314, 315, 318].

Как видим, соразвитие глобализации и национального мира – процесс сложный и болезненный. Еще на заре XX в. испанский философ Х. Ортега-и-Гассет писал об объединении Европы не только как о шансе преодолеть «комплекс малых наций», комплекс европейцев-провинциалов, разрушить оковы замкнутого национального существования, но как и о «грандиозной драме» преодоления самих себя [Ортега-и-Гассет 1989: 135–136]. Поэтому уже в наши дни Ж.-Л. Амселль пишет, что «парадокс современной глобализации заключается в том, что, отнюдь не размывая идентичности…, она <…> заново проявляет и ужесточает в такой степени, что они принимают форму этнического национального…» [Амселль 2002: 92]. С одной стороны, глобализация – активный процесс интернационализации всех сфер общественной жизни, позволяющий преодолеть узость и ограниченность национального, с другой – взаимопроникновение культур, делающих идентичность более гибкой и открытой, с третьей – это утверждение самобытных культур в новых условиях. М. Кастельс прав, утверждая, что в условиях глобализации идентичность отнюдь не обречена быть только идентичностью сопротивления, она сохраняет за собой свое главное предназначение – помогать людям определять свое «я». И это вкупе с новой идентичностью, дающей возможность ориентироваться в сферах экономики, политики, образования, потребления и т. п., позволит индивиду, группе, обществу включиться в новый мир, осознать свою современность, при этом сохранив свою автономную идентичность [см.: Кастельс 1999: 300].

Литература

Авакьян С. А. Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран / С. А. Авакьян // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран. М., 2001. С. 7.

Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000.

Амселль Ж.-Л. Глобализация: большой дележ или плохое упорядочение? / Ж.-Л. Амселль // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 3.

Ахметшина Ф. А. Право на самобытность и решение вопроса средствами высшей школы [Электронный ресурс]. URL: http://globkazan.narod.ru//2003/a19.htm.

Бауман З. Индивидуализированное общество / Кравченко С. А. // Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М., 2004. С. 562, 563.

Блинов А. С. Национальное государство в условиях глобализации: политико-правовой аспект: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003.

Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.

Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М., 2004.

Куда движется век глобализации?: сб. ст. / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014.

Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000.

Лукашук И. И. Субъекты права международных договоров // Государство и право. 2004. № 11.

Мартынов М. Ю. Политика государств Европы // Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998.

Опальски М. Проблемы мультикультуральности // Политические исследования. 1996. № 4. С. 187.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 135–136.

Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2003.

Султанов И. Р. Соотношение норм внутригосударственного и международного права в реализации права народов на самоопределение: методологический аспект // Вопросы национальных и федеративных отношений. М., 2002.

Тутинас Е. В. Права личности и межнациональные конфликты. Ростов н/Д., 2000.

Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001.

Юрьев С. С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). М., 2000.

Юшкова-Борисова Ю. Г. Россия и ее население // Политические исследования. 2005. № 3. С. 177.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА БАНКОВСКУЮ СИСТЕМУ ТАДЖИКИСТАНА

Давлатов И. Х.[*]

В статье рассматриваются основные причины, вызвавшие изменения банковской деятельности в эпоху глобализации. Сформулированы перспективы и проблемы кредитных организаций в связи с глобализацией экономики. Обсуждаются позитивные и негативные экономические эффекты влияния глобализации на банковские системы, факторы, влияющие на возникновение системных банковских кризисов, их проявление на примере банковской системы Таджикистана, а также меры, принимаемые в Республике Таджикистан для преодоления системного банковского кризиса.

Ключевые слова: *глобализация, банковская система, денежно-кредитная политика, финансовый рынок, банковские кризисы, инфляция, банковские риски, Таджикистан.*

The article discusses the main causes of the change of banking activities in the era of globalization. The prospects and problems of credit institutions in connection with the globalization of the economy are formulated.

Discusses the positive and negative economic effects of the impact of globalization on the banking system, the factors influencing the occurrence of systemic banking crises, their manifestation on the example of Tajikistan banking system, as well as measures taken by the Republic of Tajikistan to overcome systemic banking crisis.

Keywords: *globalization, banking system, money credit policy, financial market, banking crises,inflation, banking risks, Tajikistan.*

Актуальность рассмотрения вопросов глобализации в современном мире обусловлена изменением глобальных мировых вызовов, связанных с закономерностями развития процессов всемирной экономической, политической, культурной, социальной и религиозной интеграции.

Общепринято считать, и это уже вошло в интернет-энциклопедию «Википедия», что глобализация представляет собой процесс изменения структуры мирового хозяйства, понимаемого как совокупность национальных хозяйств, связанных друг с другом системой международного разделения труда, экономических и политических отношений, включения в мировой рынок и тесного переплетения экономик на основе транснационализации и регионализации. Другими словами, процесс глобализации охватывает практически все сферы общественной жизни,

[*] Давлатов Искандер Хасанович – к. э. н., советник председателя Национального банка Таджикистана. E-mail: idavlatov@mail.ru.

включая экономику, политику, идеологию, социальную сферу, культуру, экологию, безопасность и образ жизни.

Различным вопросам процесса глобализации посвящено уже много теоретических работ, их поток непрерывно нарастает, поскольку выявляются все новые и новые аспекты и проблемы, связанные с этим явлением [Красавина 2011; 2012; Рубцов 2011; Сулакшин 2013; Хасбулатов 2008; Чумаков 2008; 2013 и др.]

Под экономической глобализацией подразумевается образование единого международного экономического, правового и культурно-информационного пространства. Экономическая глобализация включает в себя глобализацию производственных мощностей, рынков, конкуренций, технологий, корпораций и отраслей.

На наш взгляд, специфика экономической глобализации состоит в усилении взаимосвязей, взаимодействий и взаимозависимости экономик, экономических систем разных стран мира, интернационализации производства и капитала, ведущих к установлению идентичных норм и условий ведения хозяйственной деятельности в странах, различающихся уровнями развития, видами общественно-политической и социально-экономической систем.

Суть экономической глобализации состоит в возрастании объемов международных торговых, финансовых и инвестиционных потоков при их растущей взаимосвязи, когда развитие всех сфер экономической жизни все больше определяется действием не национальных и региональных, а общемировых факторов [см. подробнее: Минина 2002].

Банковская глобализация представляет собой отдельное направление экономической глобализации. В результате банковской глобализации изменяются характер и формы конкуренции на финансовом рынке. Банки вынуждены конкурировать одновременно во многих сегментах финансового рынка, причем не только друг с другом, но и с другими финансовыми институтами: страховыми организациями, инвестиционными фондами, негосударственными пенсионными фондами и другими финансовыми компаниями.

Банковская система является наиболее гибким инструментом мобилизации капитала и поэтому должна быть наиболее чувствительна к любым изменениям финансового рынка. В условиях глобализации в результате международного характера деятельности банковская система выступает тем звеном мировой финансовой системы, которое одним из первых испытывает на себе влияние финансовой глобализации.

В условиях либерализации банки будут конкурировать не только с резидентами, но и с нерезидентами. При этом либерализация, с одной стороны, создает условия для развития заграничной филиальной сети банков и формирования международного банковского бизнеса, что, естественно, усиливает конкурентную борьбу, но, с другой стороны, одновременно активизирует консолидацию банковского капитала. Это приводит к увеличению количества слияний и поглощений в банковской сфере, к расширению и увеличению разнообразия форм кооперации банков между собой и небанковскими кредитно-финансовыми организациями, к росту банковских альянсов разного рода.

Основные причины, вызвавшие изменения банковской деятельности в эпоху глобализации, заключаются в следующем:

1. Развитие транснациональных корпораций и сети их филиалов во всех странах мира, которое привело к возрастанию их потребности в адекватном банковском обслуживании и спровоцировало появление новых нетрадиционных банковских услуг.

2. Нефинансовый сектор экономики, финансовая и банковская системы национальных экономических систем становятся все более унифицированными при работе на внутреннем и мировом рынках. Это приводит к сближению правил, регламентирующих внутренние и внешние экономические операции.

3. Национальные банковские системы, которые призваны аккумулировать и перераспределять финансовые ресурсы в рамках национальной экономической системы, находятся во всевозрастающей зависимости от международного рынка капиталов, который в эпоху глобализации превратился в самостоятельный фактор развития мировой экономики.

4. На национальную денежно-кредитную политику (то есть на банковскую деятельность центрального/национального банка) оказывает усиливающееся влияние растущая экспансия корпораций, банков, других финансовых институтов на мировом рынке капитала, в том числе в секторе прямых капиталовложений.

Глобализация и рост нестабильности, характеризующие в последние десятилетия развитие мировой экономики, особенно четко проявляются в банковском секторе, наиболее чувствительном к внешним факторам. Перспективы и проблемы банковского сектора, связанные с влиянием глобализации экономики, отражены в нижеследующей таблице (см. табл.).

Таблица

Перспективы и проблемы кредитных организаций в связи с глобализацией экономики

Перспективы	Проблемы
1	2
Стимулирование инноваций как важнейшее условие достижения конкурентного преимущества	Низкая конкурентоспособность национальных банков по сравнению с международными игроками
Усиление конкуренции	Консолидация капитала в банках и микрофинансовых организациях
Отмена ограничений для входа нерезидентов на национальные рынки	Прекращение деятельности небольших банков и микрофинансовых организаций
Развитие дочерних и заграничных филиальных сетей банков, которые способствуют формированию международного банковского бизнеса	Тенденция вытеснения банков из сферы посредничества в платежах
Реорганизации и кооперации банков между собой и небанковскими кредитно-финансовыми организациями, рост банковских альянсов	Вынужденная конкуренция с другими финансовыми институтами: страховыми и инвестиционными фондами, финансовыми компаниями и т. д.
Превалирование синдицированного кредитования	Неизбежное регулярное увеличение расходов банка на внедрение новых информационных и телекоммуникационных технологий

Продолжение табл.

1	2
Круглосуточный выход на любые географически отдаленные рынки	Зависимость национальных банковских систем от международного рынка капиталов, который превратился в самостоятельный фактор развития мировой экономики
Сокращение трансакционных издержек проведения банковских операций	Растущее давление и влияние экспансии корпораций, банков, других финансовых институтов на банковскую деятельность Центрального банка на мировом рынке капитала, в том числе в секторе прямых капиталовложений
Расширение клиентской базы за счет улучшения качества, повышения доступа к кредитным ресурсам и снижения стоимости оказываемых финансовых услуг. Увеличение объемов операций	Открытость национальных экономик (для слабых экономических систем это имеет весьма неблагоприятные последствия, тогда как сильные экономики выигрывают)
Устойчивость функционирования кредитных организаций в долгосрочной перспективе	Тенденция нивелирования многообразия денежно-кредитных институтов делает высокодоходным только крупный транснациональный банковский бизнес
Дерегулирование банковской деятельности. Стирание институциональных разграничений между различными видами банковской и финансовой деятельности: коммерческой, инвестиционной, страховой и т. п.	Уменьшение степени диверсификации банковских институтов осложняет протекание и особенно выход национальной банковской системы из финансовых кризисов
Обмен лучшими навыками управления, наиболее эффективными процедурами и новейшими информационными системами	Организационные и кадровые изменения (сокращение занятости, числа подразделений, переобучение специалистов и т. д.)
Инновационное развитие национальных банков путем участия в их капитале иностранных банков	Кризис даже в самой отсталой стране способен вызвать мощный отклик во всей глобальной банковской системе
Оперативное манипулирование финансовыми потоками в масштабах мирового хозяйства в соответствии с требованиями его субъектов	Изменение в направлении движения финансовых ресурсов, возможности возникновения проблемы финансирования реального сектора национальной экономики
Онлайн-банкинг как альтернатива традиционной системе	Необходимость совершенствования системы защиты информации и повышения информационной безопасности в кредитных организациях
Сокращение объема ручного труда с помощью информационных систем	Разработки предложений по открытию новых рабочих мест

Окончание табл.

1	2
Распространение электронного банкинга за счет внедрения технологий дистанционного банковского обслуживания	Зависимость от различных провайдеров услуг в рамках электронного банкинга может приводить к уменьшению возможности непосредственного контроля над ними со стороны руководства кредитной организации
Создание всемирной клиринговой палаты для проведения платежей в реальном времени	Мелкие и средние банки не могут напрямую использовать услуги международных клиринговых учреждений, только через посредство крупных банков
Доступ информации о ходе торгов в режиме реального времени, таким образом снижаются риски, ускоряются расчеты	Неразвитость правовой базы регулирования деятельности брокерских компаний в развивающихся странах. Профессиональная пригодность их руководителей и специалистов
Повышение степени прозрачности рынка, доступность информации о клиентах	Несоблюдение конфиденциальности информации о клиентах может привести к утрате доверия к банковской системе
Преобладание роли банков как организаторов торговли ценными бумагами	Неразвитость рынка ценных бумаг в развивающихся странах
Стандартизация банковского надзора	Различные уровни разработки стандартов оценки рисков, системы внутреннего контроля в кредитных организациях отдельных стран
Возрастание рыночной стоимости банка и рост капитализации банковской отрасли. Это обеспечивает выполнение банками их общественных функций и сохранение ими рабочих мест, что отвечает потребностям экономического роста	Отсутствие возможности деятельности нетранснациональных банков
Специализация банковских институтов	Ограниченность возможности развития специализированных банков в условиях нестабильности экономической ситуации
Полное разделение депозитной и кредитной функций банка. Формирование крупномасштабных диверсифицированных банковских объединений	Отсутствие правовой регламентации банковских объединений и не обладание ими статуса юридического лица в странах с формирующимися рынками

Как видно из таблицы, глобализация экономики привнесла серьезные изменения в банковскую деятельность наряду с рядом положительных перспектив и преобразований, способствующих ее дальнейшему развитию, также породив массу серьезных проблем в мировой практике.

В условиях глобализации рынка и взаимосвязанности экономик всех стран мира, развития международных экономических организаций и объединений ни одна страна не может оставаться в стороне. Учитывая слабость экономического

потенциала развивающихся стран, к числу которых принадлежит и Таджикистан, можно утверждать, что он может преодолеть трудности на пути развития лишь участием в различных региональных торгово-экономических объединениях и кооперации на региональном уровне. В противном случае экономическое ослабление государства может иметь самые негативные и тяжелые последствия. С другой стороны, снижение общих доходов государства может привести к еще большему осложнению ситуации.

Данная ситуация осложняется тем, что финансовая глобализация оказывает негативное влияние на банковский сектор экономики из-за углубления и изменения характера системных банковских кризисов. В свою очередь банковские кризисы последнего времени неразрывно связаны с глобализацией. С конца 70-х гг. XX в. по настоящее время более чем в 70 государствах, включая развитые, происходили системные банковские кризисы, причем в отдельных государствах – неоднократно. Так, например, разрушительные кризисы имели место в большинстве стран Латинской Америки (в Аргентине, Коста-Рике, Мексике – три кризиса, в Бразилии, Венесуэле, Чили – два), в странах Юго-Восточной Азии (в 1980-е и 1990-е гг.), в ряде африканских государств.

Возникает вопрос: являются ли системные банковские кризисы неизбежным следствием глобализации экономики или же глобализация выступает просто как катализатор объективных исторических экономических процессов?

В большинстве работ по вопросам глобализации принять считать, что глобализация – объективный процесс, но тогда и связанные с ней финансовые кризисы вплоть до мирового уровня, а следовательно, и системные банковские кризисы, сопровождающие любые финансовые кризисы, являются объективным и неизбежным явлением.

Согласно другой позиции, как отмечается А. Н. Чумаковым [2008], глобализация рассматривается как результат действия определенных социально-экономических структур или политических сил на международной арене; это задает и принципиально иную перспективу в трактовке причин банковских кризисов, что особенно болезненно и важно для национальных экономик развивающихся государств.

Так, в работе Т. В. Игнатовой и Т. В. Подольской [2014] рассмотрены проблемы и противоречия, ставшие детонатором кризисных процессов, и показана острота проблемы, возникающей для финансово-банковских систем национальных экономик вследствие противопоставления интересов одних стран, имеющих особый статус в мировой валютной системе, интересам других стран, заинтересованных в стабильном экономическом развитии и соответственно в стабильной и предсказуемой мировой финансовой системе.

Крайней, на наш взгляд, точкой зрения, которую тем не менее надлежит принимать во внимание при разработке финансово-кредитной политики и/или мер предотвращения и преодоления системных банковских кризисов в финансово-кредитной сфере национальных государств, является позиция, излагаемая С. С. Сулакшиным [2013] и называемая скромно гипотезой. Она заключается в том, что «финансовые кризисы в мировом масштабе на протяжении последних двух веков являются результатом целенаправленной деятельности» [Там же: 48] и эта гипотеза «базируется на понимании субъектной причинности кризисов, их искусственности, инспирированности и инструментарном характере» [Там же: 51].

Необходимо отметить, что для банковской сферы глобализация сопровождается:

– дерегулированием и либерализацией финансового сектора в целом, международного движения капитала в частности;

– развитием новейших технологий, позволяющих проводить операции одновременно на различных финансовых рынках;

– совершенствованием международных валютных, кредитных и финансовых отношений;

– повышением трансграничной мобильности капиталов;

– усилением разрыва темпов роста реального сектора экономики и объема финансовых операций;

– возникновением кризисных явлений в банковском секторе.

Дерегулирование и либерализация финансового сектора привели к снятию административных барьеров на международных финансовых рынках, в частности на рынке капитала. Вследствие дерегулирования путем устранения государственных и надзорных ограничений и либерализации за счет упразднения соглашений, ограничивающих конкуренцию между участниками рынка, были стерты границы между отдельными финансовыми рынками.

Одним из основных факторов появления новейших банковских услуг является внедрение новейших технологий, позволяющих не только проводить операции одновременно на различных финансовых рынках, но и повышать доступность финансовых услуг, снижать банковские расходы и экономить время клиентов. При этом внедрение электронного банкинга может сопровождаться дополнительными банковскими рисками, такими как стратегический, репутационный, операционный, кредитный и ликвидности. Поэтому ориентация на развитие электронного банкинга в современных условиях предъявляет повышенные требования как к новейшим банковским технологиям, так и к управлению рисками.

Совершенствование международных валютных, кредитных и финансовых отношений, как подчеркивает Л. Н. Красавина [2014], обусловлено изменением глобальных закономерностей их развития в условиях современных мировых вызовов, к числу которых относятся:

– изменение многополярной модели развития мира за счет снижения доли трех традиционных экономик – США, ЕС и Японии и повышения доли развивающихся стран – Китая и Индии;

– развитие регионализации экономики в форме разнообразных торгово-экономических объединений в целях повышения конкурентоспособности и защиты интересов стран-членов;

– возрастание нестабильности мировой экономики, геополитическая напряженность и внешнеэкономические риски, в том числе санкции западных стран в отношении России в связи с кризисом на Украине. Хотя санкции Запада против России напрямую не влияют на экономику Таджикистана, необходимо учесть: Россия является основным торговым партнером Таджикистана, она будет косвенно влиять на его экономику, особенно в банковском секторе в части решения вопросов по заимствованиям с российскими банками и сокращения поступающих сумм денежных переводов. В случае возвращения в республику трудовых мигрантов из-за уменьшения денежных доходов необходимо изыскать возможности для создания дополнительных новых рабочих мест;

– повышение рисков финансовой стабильности в связи с падением цен на нефть, затрагивающих как производителей, так и потребителей этого продукта. Этот фактор будет оказывать разное влияние на экспортеров и импортеров нефти [см. подробнее: Арецки, Бланшар 2014].

В модельных сценариях, рассматриваемых в работе Р. Арецки и О. Бланшара [Там же], выполненной для МВФ в связи с подготовкой Прогноза развития мировой экономики на 2015 г., считается, что страны – импортеры нефти могут в принципе выиграть за счет увеличения доходов населения в связи со снижением стоимости ввозимых и приобретаемых материальных ресурсов, а факт резкого снижения цен на нефть вследствие изменения предложения оценивается как хорошая новость, как импульс к развитию мировой экономики, и банковские специалисты Германии и Франции дискутируют о темпах прироста ВВП благодаря влиянию снижения цен на нефть. При этом в Германии полагают, что снижение цен на 10 долларов США за баррель приводит к повышению ВВП на 0,2 % в первый год, а по оценке официальных органов Франции, такое же снижение цен вызвало бы прирост ВВП на 0,1 % через два года, со снижением темпов инфляции для стран-импортеров.

Однако этот вывод оказывается не столь однозначным для Таджикистана, также являющимся страной – импортером нефтепродуктов, и снижение мировых цен на нефть вовсе не повлекло за собой снижения цен на рынке нефтепродуктов республики и роста доходов потребителей. Более того, имеет место снижение курса национальной валюты – сомони. По данным Национального банка Таджикистана, доллар по отношению к сомони за 2014 г. укрепился на 10,7 % с 4,9300 сомони за доллар в январе до 5,4600 в декабре, а уже с начала 2015 г. еще примерно на 3 %, что можно связать с влиянием вторичного неблагоприятного эффекта снижения темпов роста в соседних странах – экспортерах нефти (особенно в России) и сокращением поступлений денежных переводов.

В то же время страны – экспортеры нефти (в частности, Россия) сталкиваются с риском получения меньшего дохода, трудностями формирования бюджета и внешних балансов, риском инфляции.

Финансовая глобализация проявляется не только в повышенной трансграничной мобильности капиталов, но и в исчезновении границ между различными финансовыми функциями [Куда движется… 2013]. Например, в дополнение к своим традиционным функциям финансовых посредников банки все чаще берут на себя функции операторов на фондовых и валютных рынках как в собственных интересах, так и по поручению клиентов.

В результате основная функция банков – инвестирование, сопровождаемое созданием рабочих мест и реальных активов, – в значительной мере вытесняется финансовыми операциями спекулятивного характера. Поведение кредитных организаций изменяется на фоне размывания границ между различными сегментами финансового рынка, в частности между рынками, где осуществляются сделки с краткосрочными ценными бумагами, и рынками долгосрочных ссудных капиталов.

Как показывает практика, глобализация может привести также и к усилению разрыва между темпами роста производства товаров и услуг реальной экономики и темпами роста финансовых операций. С 1991 по 2001 г. курсы акций на биржах Франции и Великобритании выросли в два раза, а на биржах США – более чем

втрое. Согласно данным Всемирного банка о годовом приросте ВВП [World Bank 2013], в этот же период средние темпы роста ВВП во Франции составили 1,5 %, в Великобритании – 2,2 % , а в США – 2,5 %, что свидетельствует о вышесказанном.

На возникновение системных банковских кризисов в условиях глобализации оказывают влияние как внешние, так и внутренние факторы. К числу внешних факторов относятся:

– падение цен на нефть и другие основные товары для экспорта;

– удорожание обслуживания внешнего долга в результате резкого повышения процентных ставок в западных странах;

– быстрый рост внешнего долга развивающихся стран вследствие увеличения заимствований на международном рынке капиталов.

Причинами системных банковских кризисов могут быть и нижеследующие внутренние факторы:

– неэффективное ведение банковского бизнеса: непродуманная и неосторожная кредитная политика, принятие чрезмерных рисков, недостаточный уровень прозрачности в финансовой отчетности;

– макроэкономические обстоятельства: бурное развитие так называемых «мыльных пузырей» в сфере недвижимости, удорожание стоимости рыночного рефинансирования и девальвация национальных валют;

– недостатки в надзоре и регулировании банковской системы. Так, непродуманная политика лицензирования банков, слабый надзор и невысокая квалификация менеджмента банков привели к банкротствам банков во многих странах. По результатам анализа банковских кризисов, проведенного экспертами Всемирного банка, недостатки регулирования и надзора в подавляющем большинстве стран явились одной из главных причин развития кризисной ситуации.

Очевидно, только мерами регулирования и надзора предотвратить банковские кризисы трудно. Хотя некоторые страны, в частности Великобритания и Дания, имеют весьма позитивный опыт в предупреждении банковских кризисов именно через институт банковского надзора. Опыт ряда стран показывает, что в предотвращении мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. главную роль играли правительства и центральные банки отдельных стран, принявшие меры по ограничению кризисных явлений и выделению ликвидных активов. Кроме того, для предотвращения банковских кризисов в рамках Базельского комитета по банковскому надзору были разработаны стандарты оценки рисков, достаточности капитала, систем внутреннего контроля в кредитных организациях.

Для преодоления системного банковского кризиса необходимо государственное участие в реструктуризации банковской системы, на проведение которой требуются значительные средства из бюджета и государственных внебюджетных фондов. По этой же причине во избежание системного кризиса и для обеспечения стабильности банковской системы Республики Таджикистан в 2012 г. правительство приняло решение для капитализации и реструктуризации одного из системообразующих банков путем выпуска государственных ценных бумаг Республики Таджикистан.

В ходе реструктуризации банковских систем, перенесших масштабный кризис, могут применяться такие инструменты, как поддержка ликвидности «кредитором в последней инстанции», снижение обязательных резервных требований,

дифференцированный подход при установлении экономических нормативов, переход проблемной кредитной организации под управление специализированного института по реструктуризации, рекапитализация (и национализация) социально значимых банков и др.

Возрастание уровня рисков банковской деятельности в связи с углублением процессов глобализации и ростом общей нестабильности финансовых рынков требует скорейшего принятия как на национальном, так и на международном уровне комплекса мер законодательного и институционального характера по преодолению последствий, а главное – по предотвращению системных банковских кризисов.

Экономическое воздействие глобализации на банковскую систему каждой страны и Таджикистана в частности может быть как позитивным, так и негативным. Следовательно, задачей банковского сектора в данном случае считается разработка мер, направленных на максимизацию позитивного эффекта и минимизацию отрицательного воздействия в условиях глобализации.

Среди позитивных эффектов глобализации можно перечислить следующие:

1. Глобализация обеспечивает высокий уровень экономического роста и улучшает показатели среднего уровня жизни населения.

2. Финансовая глобализация в сочетании с хорошей макроэкономической политикой позволяет больше привлекать прямые иностранные инвестиции из международных взаимных фондов и других источников.

3. Глобализация способствует повышению финансовой вовлеченности населения за счет открытия банковских счетов.

4. Глобализация, усиливая конкуренцию в банковском секторе за счет внедрения новых технологий, приводит к повышению качества обслуживания клиентов.

В ряде работ [см., например: Исютин 2010] утверждается, что хотя последствия глобализации банковской сферы не являются однозначными, она **положительно влияет на экономический рост** (выделено мной. – *И. Д.*) через приумножение внутренних сбережений, уменьшение стоимости капитала, трансфер технологий между странами и развитие национальных финансовых институтов. Однозначно считается, что в условиях финансовой глобализации количество финансовых альтернатив для предприятий и банков – реципиентов иностранного капитала растет, а стоимость привлечения капитала снижается, расширяется база потенциальных инвесторов и повышается ликвидность финансовых инструментов.

На наш взгляд, основания для такого вывода по меньшей мере спорны, а сам вывод, как это следует из вышеприведенной таблицы сопоставления перспектив и проблем, порождаемых в национальных финансово-кредитных организациях в связи с глобализацией экономики, едва ли можно считать доказанным.

Практика показала, что глобализация оказывает также и существенное негативное воздействие на отдельные страны, что важно учитывать при разработке денежно-кредитной политики и стратегии развития банковского сектора в средне- и долгосрочном периоде [Чумаков 2013]. В этом отношении Республика Таджикистан не является исключением. В качестве негативных последствий глобализации можно назвать следующие.

1. Глобализация может угрожать самостоятельности отдельных стран в связи с переходом контроля над экономикой к более сильным государствам или международным организациям.

2. Возможности возникновения значительных рисков в банковской деятельности, в частности:

– риск ухудшения экономической ситуации из-за оттока капитала за границу, что в свою очередь приведет к ухудшению экономической ситуации в стране;

– риск того, что отечественные банки не выдержат конкуренции со стороны иностранных банковских учреждений, что приведет к полному поглощению иностранным капиталом банковской системы и в целом – к зависимости от иностранных инвестиций;

– риск дестабилизации финансовой сферы, потенциальная региональная или глобальная нестабильность из-за взаимозависимости национальных экономик на мировом уровне;

– риск возникновения структурных диспропорций в экономике вследствие того, что иностранные банки будут финансировать те секторы экономики, которые являются для них наиболее доходными;

– чрезмерный дефицит платежного баланса по текущим операциям;

– финансовые кризисы.

3. Увеличение внешнего долга, прежде всего международным финансовым организациям, который может препятствовать дальнейшему развитию экономики.

4. Либерализация рынка в условиях нестабильности способна вызвать падение курса национальной денежной единицы и усилить кризисные явления, оказывающие отрицательное влияние на финансовые рынки и экономику.

Необходимо отметить, что с начала мирового финансового кризиса частично наметился обратный процесс финансовой глобализации, вследствие которого в нынешних условиях мировой банковский рынок ждет деглобализация. Банки предпочитают активнее развивать свой бизнес в странах их резидентства, что говорит об их осторожности. Согласно прогнозам агентства Morgan Stanley и консалтинговой компании Oliver Wyman [см.: Котов 2012], ожидаемая финансовая деглобализация приведет к деглобализации банковского рынка и на фоне протекционизма регуляторов преимущество получат крупные региональные банки. При этом в ответ на ужесточение регулирования и условий ведения бизнеса финансовые компании по всему миру в ближайшие годы сократят объем активов на своих балансах почти на 2 трлн долларов США, что приведет к переделу финансового рынка.

В итоге финансовым институтам придется определить свои сильные и слабые стороны и принимать адекватные меры по продолжению сокращения сотрудников, продажи активов и определению направлений бизнеса.

Этот процесс также будет стимулировать деглобализацию рынка финансовых услуг. После кризиса регуляторы стали с большим вниманием относиться к операциям «дочек» иностранных банков на подконтрольных им рынках. Они вынуждены требовать от них увеличения капитала и ликвидности, опасаясь, что в случае кризиса их головные компании сосредоточатся в первую очередь на собственном благополучии в связи с тем, что дефицит капитала ведущих банков мира, согласно подсчетам The Boston Consulting Group (BCG) по результатам анализа ведущих 145 банков США, Европы и Азии, на которые приходится по 75 % всех банковских активов в этом регионе, составляет в общей сложности 474 млрд евро [см. подробнее: Котов, Полоцкий 2012].

Понимая, что в таких условиях банки не смогут конкурировать с более крупными местными игроками, многим из них приходится отказываться от второсте-

пенных зарубежных операций в пользу домашнего рынка, что впоследствии приведет к новой волне консолидации банковского сектора.

При этом деглобализация будет оказывать разностороннее влияние на деятельность банков в зависимости от размера банка и его способности использовать традиционные бизнес-модели в новых условиях.

Финансовым институтам в современных условиях с учетом потенциала Республики Таджикистан в таких сферах, как полезные ископаемые, сельское хозяйство и гидроэнергетика, необходимо разработать проекты для привлечения иностранных инвестиций. В этих целях для повышения конкурентоспособности банковского сектора, несмотря на достигнутые успехи в этой отрасли по оказанию финансового посредничества юридическим и физическим лицам, считаются актуальными разработки мер, направленных на устранение проблем и уязвимости банковской системы.

Проблемы банковской системы Республики Таджикистан можно свести к следующим.

Во-первых, отечественные банки в недостаточной мере выполняют функции трансформации сбережений в инвестиции вследствие низких сбережений населения и внутреннего финансирования кредитных учреждений в рамках финансово-промышленных групп.

Во-вторых, в Таджикистане имеет место недостаточный уровень кредитования реального сектора экономики.

В-третьих, коммерческие банки Таджикистана имеют недостаточный уровень ликвидности, так как их кредитные ресурсы очень ограничены.

В-четвертых, в банковском секторе республики имеет место низкий уровень конкуренции.

В-пятых, банки Таджикистана на недостаточном уровне вовлечены в мировую финансовую систему.

Таким образом, национальная финансовая система пока не получила реальных выгод от глобализации мировых финансовых рынков. Стабильное развитие таджикской финансовой системы в условиях глобализации мировых финансовых рынков возможно при усилении внутреннего финансового сектора, что в свою очередь предполагает реструктуризацию банковской системы с целью ужесточения конкуренции между банками.

Финансовый рынок в Республике Таджикистан в основном состоит из банков и микрофинансовых организаций, так как удельный вес активов этих кредитных организаций в финансовом рынке составляет почти 95 %. К сожалению, доля других сегментов финансового рынка (страховой, фондовый рынок, инвестиционные фонды и негосударственные пенсионные фонды) незначительна, что препятствует стабильному развитию банковской системы из-за недостаточности денежных ресурсов для долгосрочного кредитования, в частности ипотечного.

Важно учитывать также последствия глобализации и деглобализации для Таджикистана при разработке денежно-кредитной политики и стратегии развития банковского сектора в среднесрочном и долгосрочном периодах.

Литература

Арецки Р., Бланшар О. Семь вопросов о спаде цен на нефть за последний период. 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.imf.org/external/russian/np/blog/2014/122214r.pdf.

Игнатова Т. В., Подольская Т. В. Возможности глобального управления мировой финансовой системой: реалии и перспективы // Век глобализации. 2014. № 2. С. 119–128.

Исютин С. А. Развитие банковской системы стран в условиях глобализации. Донецк, 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://avtoreferati.ru/razvitie-bankovskoj-sistemy-stran-v-usloviyax-globalizacii.html.

Котов А., Полоцкий А. Банки не смогут кредитовать мировую экономику. 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rbcdaily.ru/world/56294985272855 (дата обращения: 06.12.2012).

Красавина Л. Н. Тенденции и перспективы реформы мировой валютной системы // Век глобализации. 2011. № 1. С. 29–43.

Красавина Л. Н. Валютная глобализация: тенденции и перспективы развития // Век глобализации. 2012. № 2. С. 3–16.

Красавина Л. Н. Концептуальные подходы к проблеме модернизации международных валютных, кредитных, финансовых отношений России в аспекте современных мировых вызовов // Деньги и кредит. 2014. № 10. С. 45–52.

Куда движется век глобализации?: сб. ст. / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014.

Минина Т. И. Влияние глобализации экономики на финансово-банковскую систему // Банковские услуги. 2002. № 4. С. 8–12.

Котов А. Банковской глобализации пришел конец, утверждает Morgan Stanley // РБК Daily. 2012. 27 марта [Электронный ресурс]. URL: http://rbcdaily.ru/world/562949983369931.

Рубцов Б. Б. Глобальные финансовые рынки: масштабы, структура, регулирование // Век глобализации. 2011. № 2. С. 73–98.

Сулакшин С. С. О причинах мировых финансовых кризисов: модель управляемого кризиса // Век глобализации. 2013. № 2. С. 48–62.

Чумаков А. Н. О предмете и задачах глобалистики // Век глобализации. 2008. № 1. С. 7–17.

Чумаков А. Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации // Век глобализации. 2013. № 2. С. 23–37.

Хасбулатов Р. И. Глобальный финансовый кризис: причины и последствия // Век глобализации. 2008. № 2. С. 30–45.

World Bank. GDP growth (annual %)/ 2013/ Data [Электронный ресурс]. URL: http://www.worldbank.org/indicator/ny.gdp.mktpkd.zg.

СОВРЕМЕННОЕ КОНФУЦИАНСТВО: ГЛОБАЛЬНЫЕ МОТИВЫ

Кацура А. В.[*]

В статье рассматриваются некоторые аспекты возрождения древнего учения Конфуция, что может быть названо неоконфуцианством, и его влияние не только в пределах Китая и иных стран Восточной Азии, но и выход на международную арену уже в глобальном измерении; при этом особое внимание уделено взаимосвязи неоконфуцианства с процессами модернизации – в данном случае в плане научно-технического развития.

Ключевые слова: *конфуцианство, неоконфуцианство, христианство, модернизация, вестернизация, наука, техника, развитие, воспитание.*

The article discusses some aspects of the revival of the ancient teachings of Confucius, which may be called the neo-Confucianism, and its influence not only within China and other East Asian countries, but also to enter the international arena in global dimension, with special attention paid to the relationship of neo-Confucianism with the processes of modernization – in this case in terms of technological development.

Keywords: *Confucianism, neo-Confucianism, Christianity, modernization, Westernization, science, technology, development, education.*

Древнее учение Кун-цзы, обретающее в наши дни очередную молодость, на сей раз уже в международном звучании, не может не привлекать к себе повышенного внимания. Во многом это связано с такой непростой, но все же столь заметной и столь величественной поступью нынешнего Китая или даже всей конфуцианской Восточной Азии. В этом плане статью видного неоконфуцианца Ту Вэймина «Разные взгляды на современность: о сущности восточноазиатской модели современности» [Ту Вэймин 2014] можно считать несомненной удачей журнала (среди очевидных прочих). Статья многогранна и остра по постановке ряда позиций.

Начнем с того, что тезис о глобальном значении локального знания, а в данном случае конкретно – о важности незападных цивилизаций для самопонимания Запада – уже не может не привлечь к себе внимания [Зжу Чуньмин 2014: 175–183]. Более века мы привыкали к великому, казалось бы, принципу – Восток есть Восток, а Запад есть Запад, и им не сойтись. Да нет, противоположности сошлись и реально взаимодействуют. Более того, Запад, который в течение долгого времени полагал себя учителем и даже наставником, вдруг в ряде случаев стал ощущать себя учеником. При этом у него хватает (будем надеяться) мудрости быть учеником прилежным. Весы культурного взаимовлияния планетарного масштаба возвращаются к некоему равновесию. При этом мнение, будто весь остальной

[*] Кацура А. В. – к. ф. н., член Союза российских писателей. E-mail: akar36@yandex.ru.

мир вынужден повторить опыт современного Запада, уже не кажется убедительным. Это видно даже по такой детали, когда привычный некогда термин «вестернизация» уступает место более универсальному понятию – «модернизация», которое, если смотреть планетарно, способно целостно удержать в себе оба крыла (как инь и ян), оба цивилизационных импульса. (Заметим, что с точки зрения логики глобализации это вполне позитивный вектор.) Ту Вэймин сообщает интересный факт: китайское слово *xiandaihua* (означающее модернизацию) возникло еще в начале 1930-х гг.

Тем не менее автор не отрицает, что почти все формы локального опыта в области научно-технического и социального развития, пригодные для всемирного распространения, так или иначе имеют западные корни. В частности, он имеет в виду христианское мировоззрение и гегелевскую философию, способствовавшую «рассвету идеи Духа». Однако же, что интересно, на время отодвинутому конфуцианству также присуще понимание исторического хода событий и своеобразной исторической неизбежности (что в западной философии принято называть «концом истории»). Более того, говорит Ту Вэймин, гуманистическая конфуцианская мораль на большом историческом промежутке смогла самостоятельно построить упорядоченное общество и без религии откровения. На этом интересном мотиве надо остановиться. Есть ли неустранимый водораздел между религией откровения (так сказать, Боговдохновленной) и вполне земным гуманистическим учением, способным выстроить государственность и культурное развитие общества лишь на морально-этических принципах и на идее уважения старших?

Пьер Тейяр де Шарден в «Феномене человека» развивает мысль о «таинственном иудео-христианском ферменте», давшем Европе ее духовную форму [Тейяр де Шарден 1965]. Что здесь имеется в виду? Христианская мысль с ее свежим напором очень многое поменяла в мышлении людей. Ведь появилась совершенно новая фигура – Бог, спустившийся в виде человека простого, доступного, говорящего человеческим языком, призывающего к свету в душе и к правде в жизни. Пусть даже это был миф, но он в течение столетий сильнейшим образом повлиял не только на умонастроение людей, но и на формирование многих общественных институтов. Кроме того, было еще одно реальное измерение, которое мы уже отчетливо видим и которое вправе связать сегодня с научно-техническим развитием европейцев. Эта ветвь не только дала феноменальные результаты, но и способствовала постепенному приближению общества к такому усложненному взаимодействию с миром, которое вполне можно описать в терминах своеобразной *«технической эсхатологии»* (технологии как господство над природой, технологический взрыв и возможный цивилизационный коллапс). Фактически мы приближаемся здесь к тайне того, что называют Западом (в духовном и культурном смысле слова).

Любопытный момент: три великих восточных учения (конфуцианство, буддизм и ислам) были основаны реальными историческими людьми [Кацура 2003: 467]. И лишь христианство – мифической фигурой Богочеловека. Казалось бы, этому мистическому учению суждено было таким и оставаться – туманно-мечтательным, путаным и к реальной жизни мало приспособленным. Но случилась удивительная вещь – именно это учение (о небесном храме молитвы, о грехе, жертвенности и искуплении) оказалось на редкость цепким и активным в деле преобразования земной жизни. При ближайшем рассмотрении становится ясно, что весьма эффективный, почти взрывоопасный сплав теоретического знания с практической деятельностью (европейские науки и технологии) по сути оказался

глубинно-христианским – в том смысле, что был порождением именно христианской конструкции, – с ее мифологией, ее философией (принявшей вполне мистическую идею нераздельной и неслиянной Троицы), с ее техникой и ее искусством, и никакой другой. Повторим в этой связи, что христианское мировоззрение, опираясь на миф (он же догмат) о Боге, сошедшем на землю в виде человека, поразительным образом спустило Небо на землю, в результате чего и земля оказалась поднятой на Небо. Таким образом, была размыта граница между небесным и земным. В результате сложилась совершенно новая точка взора на землю (словно откуда-то с небес), открывшая пути свободного, разрешенного ее, земли, познания и преобразования в небывалом прежде единстве теории и эксперимента. Более того, свободное христианское мышление с удивительной хваткой втянуло в себя (особенно в конце Средневековья) все то познавательно ценное и оригинальное, что в более ранние эпохи накопили на своих запутанных тропинках герметизм, гностицизм и каббала. Все это не только породило мощнейший механизм познания, но и привело к стойкому убеждению относительно беспредельного могущества человека и божественной силы его интеллекта. В этой связи интересно припомнить некоторые любопытные совпадения XIII в. (достаточно необычного) в плане единства художественного и научного: Джотто начинает изображать Христа и апостолов как абсолютно живых людей, а Роджер Бэкон в это же время призывает исследовать физические явления не только напряжением схоластической мысли, но и прямо на натуре – с помощью эксперимента. А далее можно припомнить небывалый напор научно-технической мысли уже по окончании Средневековья и расцвета Ренессанса (которые на самом деле готовили промышленную революцию), а затем и взрывной XVI в. (Коперник, Галилей, Кеплер, Бэкон, Шекспир…), и последующие эпохи неостановимого наступления техники.

Здесь нельзя пропустить то обстоятельство, что последние два столетия науку и технику двигали вперед в основном так называемые *атеисты* (по-другому их можно назвать свободно мыслящими *рационалистами*), которые, кстати, это свое безбожие даже не стеснялись подчеркивать. Один из ярких примеров – слова, сказанные Лапласом Наполеону: «Сир, я в этой гипотезе (имелся в виду Бог. – *А. К.*) не нуждался». Но здесь нет особого парадокса. Логика исследовательской лаборатории отнюдь не требовала хождения к святому причастию, к тому же не нужно путать веру с обрядоверием. Эти просвещенные атеисты (нередко в душе – деисты), вполне успешные в своих профессиях, просто не задумывались о глубинных истоках своего взгляда на мир. Они могли быть равнодушными к земной церкви (как к институту) или даже враждебными к ней, но это не мешало им уже с детства впитать в себя взгляд на мир (по истоку – христианский), когда человек способен смотреть на землю откуда-то *сверху* – как на предмет изучения и эксперимента. К тому же атеизм – это в большей мере явление, исторически сложившееся именно в христианском мире, распространенное в лоне христианских конфессий. Здесь можно выразиться так: христианский Бог – поборник свободы, Он предоставляет человеку свободу выбора и в грехе, и в святости. В том числе право верить и не верить, осмысливать мир мистически или рационально. Не столь уж легко представить себя мусульманского атеиста (как массовое явление), а, скажем, индуистского или буддистского – тем более.

Присутствие в нашем мире вполне образованных и просвещенных атеистов (которые добровольно принимают для себя высокие нравственные принципы и моральные ограничения) позволяет говорить об интересном явлении – «высоком атеизме», выгодно отличающемся от примитивного и темного безбожия. «Высо-

кий атеизм» – весьма распространенная духовная ориентация в западном мире. Возникает вопрос: нет ли тайных троп к конфуцианским добродетелям?

И тут самое время вспомнить, что конфуцианство – это философско-этическое учение, которому присущ так называемый принцип «жень», одна из трактовок которого для христианского сознания более чем понятна – «чего не желаешь себе, того не делай другим». Можно ли в этой связи считать конфуцианскую традицию атеистической или хотя бы безразличной к вопросам веры? Ведь не секрет, что постепенно, с превращением этого учения в некое подобие религиозного учитель Кун был фактически обожествлен. Не было в конфуцианской практике священников и массовых, коллективных обрядов, зато каждая семья, каждый род должны были иметь свой собственный малый храм, где следовало размещать символизирующие предков таблички «чжу», перед которыми расставляются жертвоприношения и происходит некое поклонение. Думается, что эта практика не могла не возвышать душу хотя бы в некотором отношении [Кацура 2003: 467].

Возможно, здесь нет прямой связи, но как не вспомнить о четырех великих китайских изобретениях, на столетия опередивших соответствующие открытия европейцев – компас, порох, бумагу и книгопечатание? Магнитное приспособление для определения сторон света в дневное время суток впервые упоминается в китайской книге 1044 г. Позднее усовершенствованный компас был обстоятельно описан Шэнь Ко в сочинении, датируемом 1088 г. В военном трактате «У-цзин цзун-яо» (тот же 1044 г.) описаны различные способы изготовления пороха с содержанием селитры до 50 %. Во времена хана Хубилая (XIII в.) взрыв склада боеприпасов в Янчжоу унес жизни не менее сотни воинов. Уже в то время китайцы использовали нечто вроде чугунных гранат, начиненных порохом. Изобретение бумаги приписывается Цай Луню, придворному чиновнику династии Хань, который в начале II в. изготовил лист бумаги из волокон шелковичного дерева и отходов производства пеньки. Первоначально китайская бумага использовалась для упаковки, в эпоху Троецарствия ее стали применять для письма, при династии Тан появились туалетная бумага и бумажные мешочки для упаковки чая, при династии Сун – бумажные деньги. Техника печатания деревянных гравюр была известна в Китае с IX в., техника печати изображений на ткани – с III в. Считается, что возникновение книгопечатания связано в начале XI столетия со скромным ремесленником Би Шэн, который ввел в употребление подвижные литеры из обожженной глины. Ван Чжэнь (XIV в.) использовал для печатания текста уже деревянные печати, а Хуа Суй в конце XV в. изобрел подвижные литеры из металла. Все это производит сильное впечатление, но невозможно избавиться от вопроса: а что же дальше? Почему эта блистательная цивилизация не добралась до паровой машины, до учения об электричестве, до квантовой электродинамики наконец? Был ли какой-то изъян (несмотря на домашние храмы и размышления о высоком) в мировоззренческих основаниях, подрезавший крылья теоретическому мышлению? Не знаю, называть ли это изъяном, но некая разница ощущается. Речь идет о своеобразном *взгляде с неба на землю* (подталкивающем к преобразованию земли и к преобразованию человека), так легко дававшемся христианскому мышлению, но почти незнакомом другим культурам. Эту разницу можно назвать ценой за отказ от религии откровения.

Затронем еще один аспект статьи Ту Вэймина. Автор не избегает неоднозначных и даже спорных умозаключений. Касаясь колониальной экспансии Европы последних столетий, он, в частности, пишет: «Для остального мира современный

Запад, сформировавшийся под влиянием философии Просвещения, ассоциируется с завоеваниями, гегемонией, порабощением, а также с моделью процветания человека» [Ту Вэймин 2014: 5]. Одной фразой схвачено важнейшее противоречие эпохи европейских завоеваний. С одной стороны, европейцы захватывали земли на всех континентах, это бесспорно, с другой стороны, вольно или невольно, они распространяли некую передовую цивилизованность.

Несколько одностороннее понимание роли Запада (заодно и Просвещения) – традиционно негативное – заставляет задуматься. Ну да, Просвещение у людей Востока легко ассоциируется с сорокапушечными фрегатами англичан и голландцев, португальцев и французов, с политикой канонерок и прочим «империализмом». Но – если с точки зрения истории толковать именно о неприкрытой агрессии, о варварских завоеваниях – из их взора почему-то выпадает многовековое военное движение Востока на Запад: Аттила, Чингисхан, Бату-хан, Тамерлан, Сулейман Великолепный… Этих завоевателей гнало в Европу что – тоже просветительские импульсы? Военная экспансия, завоевательные порывы – это всемирное явление. А как же то, что корабли европейцев, пусть и не всегда осознанно, помимо пушек везли знания и умения, идеи личности и гражданского общества? Ту Вэймин упоминает об этом, но несколько стерто, как-то смутно. И все же рядоположенность у него таких понятий, как порабощение и процветание, заставляет задуматься. Дело в том, что Ту Вэймин коснулся здесь весьма глубокого и поразительно противоречивого момента, имевшего место в становлении всех значимых культур планеты, – сложного взаимосплетения рабства и гражданских институтов [Там же: 3–12].

От неолита до Античности, от Средневековья до наших дней человек прошел сложный и трудный путь: от порабощения и несвободы – к становлению начала личностного и интеллектуального, к развитию социальному и гражданскому [Global… 2014: 253–254]. Как при этом осуществлялся духовный прогресс в деле осознания свободы? Первым этого противоречия коснулся Зигмунд Фрейд в работах «Психология масс и анализ человеческого Я» и «Будущее одной иллюзии», в частности вопроса об исторической роли так называемого «гражданского рабства» в становлении культуры [Фрейд 1998]. По Фрейду выходит, что человеку прежде чем взлететь, надо было упасть.

В современных концепциях гражданского общества (читай – справедливого, демократического, построенного и поддерживаемого нравственно и политически зрелыми личностями) есть еще немало темных закоулков, связанных с глубинами сознания и подсознания. Трудности возникают уже на стадии становления культуры, на этапах *развития души* (это выражение Фрейда несколько сближает его с Гегелем). Древний человек жил в обстановке принуждения – со стороны общины и ее вождей. Факт печальный и хорошо известный. Удивительно, но Фрейд находит в нем позитивную сторону, связанную с выстраиванием и пестованием социальных ориентиров человека: внешнее принуждение постепенно осваивается внутренне, причем особая инстанция души – *сверх-Я* человека – принимает его в число своих заповедей. Этот важный процесс демонстрирует нам каждый ребенок, причем в итоге подобного превращения он становится моральным и социальным. Это укрепление сверх-Я, говорит Фрейд, является в высшей степени драгоценным психологическим достоянием культуры, все лица, которые совершили этот процесс, из противников культуры так или иначе становятся ее носителями.

Нельзя не заметить, что здесь возникает странный и опасный мотив – становление культуры оплачено неким изначальным и фундаментальным «порабощени-

ем». Какова его итоговая цена? Где проходит граница? Как отличить культуру порабощения от культуры свободы? И сколько людей нужно поработить, чтобы уверенно продвинуть культуру? З. Фрейд не боится парадокса, утверждая, что чем больше их число в культурном кругу, тем прочнее эта культура, тем скорее она может отказаться от внешних средств принуждения. Это действительно парадокс: внутренне принять принуждение (самодисциплина?), чтобы в итоге отказаться от всякого принуждения. Фрейд не упоминает здесь Китай, но любопытную связь увидеть несложно. Ведь одна из трактовок упомянутого закона «жень», ниспосланного небом как приказ, как веление, как судьба, призывала соблюдать «ли» – нормы общественного поведения, традиционные обряды и ритуалы, поступать в соответствии со своим общественным положением. Безусловно, это принуждение, но в очень мягкой форме (его вполне можно назвать *воспитанием*).

Но так ли просто осуществляется этот благой переворот в реальной истории других народов? И нет ли здесь всевозможных побочных эффектов, порою даже болезненных? Эти вопросы приобретают особую остроту при попытке исторического осмысления бесконечных войн и завоеваний в истории человечества. Вот один из очевидных, связанный с мотивами «имперского сознания». Социальные низы, угнетенные и забитые, находят, по мысли Фрейда, в уголке души способность идентифицировать себя с повелевающим и эксплуатирующим их классом. Звучит это примерно так: я – ничтожный плебей, замученный долгами и военными поборами, но зато я римлянин и участвую в задании покорять другие народы и предписывать им законы. Но ведь «предписывать законы» – в широком смысле это и есть распространение цивилизации.

Не менее важен вопрос различия культур. Каждая культура признает за собой право презирать другие, говорит Фрейд. Вот почему культурные идеалы могут стать поводом для расколов и враждебности между различными культурными кругами, и это особенно отчетливо проявляется в отношениях между собой отдельных наций. Разные культуры создают разные идеалы. Настороженность, презрение или открытая враждебность к чужой культуре оказываются в какой-то мере необходимы для более определенного («суверенного») выстраивания своей собственной. Вот почему даже при внешне мирном взаимодействии культур нередко возникает состояние холодной войны (мы знаем, исламская и христианская культуры доходили и до «горячих» войн, а вот восточные – буддистская или же конфуцианская – оказались достаточно толерантными). Тем не менее вопрос о взаимодействии культур – завоеванной и завоевавшей, рецессивной и доминантной – остается весьма важным и в наши дни. Впрочем, сегодня речь должна идти уже не о завоевании и не о культурном подавлении, но о совместном взаимообогащении культур. В этом смысле влияние многовековых культур Востока (завоеванного?) на страны Запада (завоевателей?) было беспрецедентным. Эстетическое, философское, художественно-поэтическое влияние – всего здесь не перечислить. Процесс этот был волнообразным, шли наплывы и откаты. Сегодня мы можем видеть вполне позитивный накат восточной культуры, конфуцианской в особенности [Померанц 2006: 850–851].

Итак, идеи неоконфуцианства заметно поднимают голову. Если даже это происходит только в Восточной Азии, резонанс чувствуется по всему миру (и это явно глобальный эффект). Ту Вэймин очень осторожно говорит о прямом влиянии конфуцианских традиций и принципов на западный мир, хотя сам в этом направлении усиленно работает. Успехи конфуцианской Восточной Азии, которая добилась вполне зримой и достаточно своеобычной модернизации, избежав

при этом поглощающей вестернизации, ясно показывает, что процессы осовременивания жизни допускают различные культурные формы. Ту Вэймин подчеркивает в этой связи, что конфуцианская модель современности опровергает старое утверждение, будто модернизация – это по существу вестернизация или даже американизация, что именно эта своеобычная модель вдохновила процессы модернизации в Таиланде, Малайзии и Индонезии и что буддистские, исламские и индуистские формы современности не только возможны, но и весьма вероятны. Означает ли это, что успехи Восточной Азии предвещают наступление «тихоокеанского века» (взамен Атлантики и атлантизма) и символизируют замену старой парадигмы на новую? Нет, говорит Ту Вэймин, это противоречит здравому смыслу. Несмотря на очевидную необходимость для Запада, и особенно для Америки, стать не только поучающей, но и обучающейся цивилизацией, то, что ныне предлагает восточноазиатская конфуцианская модель, скорее сложное взаимодействие, некий здоровый плюрализм, а не противоположная альтернатива [Ту Вэймин 2014: 10].

Остается действенным интригующий вопрос: может ли эта по-новому растущая восточноазиатская культура заполучить «христианский таинственный фермент» (вместе с тайной христианского сознания и христианской науки) в закрытой упаковке – и не пытаться раскрыть ее? Здесь уместно задуматься об исходной *восточности* иудеохристианства (сложившегося на Ближнем Востоке и лишь затем покорившего Европу). Где-то на заре цивилизации (в некоем предосевом времени) существовало предположительно единое (или как минимум синкретическое) духовно-культурное ядро. Где и как случился разрыв-отрыв (отделение Запада от Востока)? Во времена библейских пророков? Или античных греков? Или уже в века становления христианской культуры? Думается, что неоконфуцианство осознало значимость этой загадки, более того, предпринимает попытку приоткрыть «западную шкатулку» (конкретно – хотя бы на уровне сравнения и сопоставления морального учения Конфуция с Нагорной проповедью). Судя по целому ряду результатов, эта попытка предпринята достаточно успешно. Не остается сомнений в том, что глобальный потенциал конфуцианства – новое поле благодатной встречи культур.

Литература

Зжу Чуньмин. Славянофильство и евразийство: два возможных проекта переустройства кольца русской цивилизации // Век глобализации. 2014. № 2. С. 175–183.

Кацура А. В. Конфуцианство // Глобалистика: энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М. : Радуга, 2003.

Померанц Г. С. Ступени глобализации // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М.; СПб.; Н.-Й. : ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. С. 850–851.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1965.

Ту Вэймин. Разные взгляды на современность: о сущности восточноазиатской модели современности // Век глобализации. 2014. № 1. С. 3–12.

Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. Будущее одной иллюзии / З. Фрейд // Я и Оно. М. : Эксмо-Пресс, 1998.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay; with a foreword by M. Gorbachev. Amsterdam; New York, NY : Editions Rodopi B.V., 2014.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ И ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ

Кондратов Д. И.[*]

Статья посвящена весьма актуальной, вызывающей острые дискуссии теме экспорта финансового капитала из России, осуществляемого как национальными корпорациями, резко увеличившими в последние годы объемы прямого инвестирования за рубеж, так и государством, стремительно наращивающим свои международные резервы. В этой связи сегодня в России на повестку дня выходят вопросы повышения эффективности государственных и частных капиталовложений за рубежом, использования их по наиболее приоритетным для национальной экономики направлениям. Некоторые заключения автора в этой области содержатся в предлагаемой статье.

Ключевые слова: *Россия, международные резервы, ТНК.*

The article highlights some actual, causing fierce debate topic of exports financial capital of Russia, implemented as national corporations has increased dramatically in recent years, the volume of direct investment abroad, and by the government, to rapidly increase its international reserves. In this regard, today in Russia on the agenda are issues of increasing the efficiency of public and private investment abroad, by using their high-priority areas of the national economy. Some conclusions of the author in this area are contained in the present paper.

Keywords: *Russia, international reserves, TNC.*

По мере своего формирования в начале 1990-х гг. прошлого века российские компании и банки стали активно экспортировать капитал за рубеж. Первоначально вывоз средств носил преимущественно характер бегства капитала, когда ресурсы направлялись в другие страны и офшорные центры по различным «серым схемам» и фактически оказывались потерянными для России. Однако в последние годы рост национальной экономики и связанное с ним укрепление ведущих отечественных корпораций способствовали быстрому наращиванию объема прямых частных инвестиций в иностранные предприятия и проекты. В результате по объему прямых капиталовложений, накопленных за рубежом, Россия в 2012 г. вышла на второе место после Китая среди развивающихся стран – ведущих международных инвесторов (рис. 1).

[*] Кондратов Дмитрий Игоревич – к. э. н., старший научный сотрудник Института экономики РАН. E-mail: dmikondratov@yandex.ru.

Наращивание прямых инвестиций за рубеж оказывает неоднозначное влияние на экономику России (как и для всех стран с переходной экономикой) [Vujacic 2002: 2, 3, 54]. С одной стороны, благодаря приобретению предприятий в других странах российские компании получают доступ к новым источникам ресурсов, технологиям и рынкам сбыта, что увеличивает их международную конкурентоспособность. Внешняя экспансия национального бизнеса также содействует укреплению геополитического влияния России и усилению ее позиций в глобальной экономике. Вместе с тем увеличивающийся отток капитала заметно ослабляет ресурсную базу роста и модернизации российской экономики. Следует отметить и недостаточно эффективную структуру зарубежных инвестиций, осуществляемых сегодня в основном в добывающие активы и по сути способствующих закреплению сырьевой направленности российской экономики. Все это определяет необходимость более активного участия государства в регулировании экспорта капитала из России.

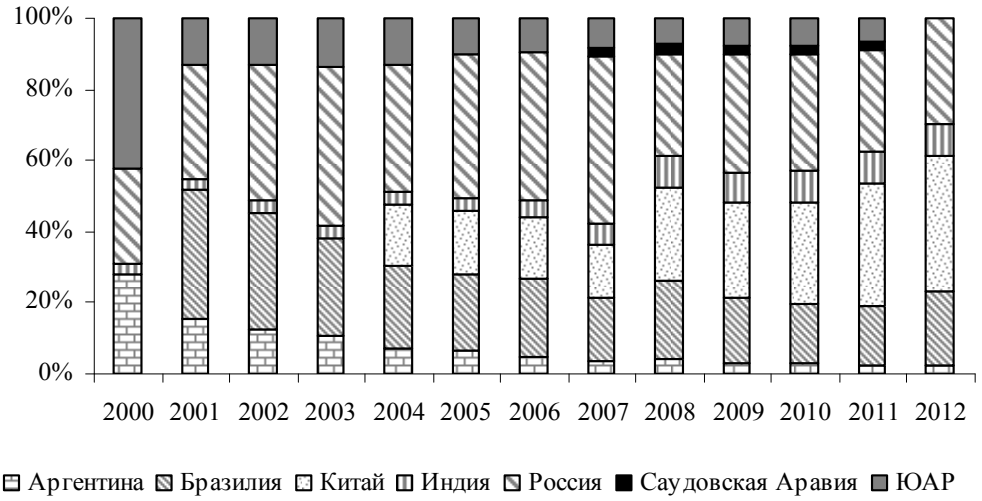


Рис. 1. Крупнейшие развивающиеся страны по размеру накопленных иностранных инвестиций за рубежом, 2000–2012 гг., % к общему объему прямых иностранных инвестиций развивающихся стран

Источник: составлено по данным Организации экономического сотрудничества и развития (http://stats.oecd.org/index.aspx?#).

1. Прямые инвестиции российских компаний за рубежом и их значение для национальной экономики

Масштабы экспорта частного капитала и прямых иностранных инвестиций из России. Россия стала осуществлять внешнеэкономическую экспансию еще в конце XIX в. и с тех пор уже более столетия стабильно входит в число стран – крупных экспортеров финансовых ресурсов. Исторически первые значительные инвестиции за рубежом связаны с вложением предпринимательского капитала в промышленность и сферу торговли ряда европейских и азиатских государств, в том числе Китая и Ирана.

С развитием рыночных отношений и либерализацией внешнеэкономической деятельности в современной России частный бизнес вновь стал играть важную роль в экспорте капитала из страны [Kobrin 2005: 82]. Однако в условиях продолжительного экономического спада и высокой финансовой нестабильности 1990-х гг. вывоз предпринимательского капитала почти сразу же приобрел характер массового нелегального бегства за границу. Тысячи предприятий в обход валютного и налогового законодательства выводили капитал из страны, размещая его в офшорных зонах и на счетах в западных банках либо инвестируя в зарубежную недвижимость и финансовые активы.

По оценкам экспертов, масштабы бегства капитала[1] из России в 1990-е гг. достигли 15–20 млрд долларов в год (см. рис. 2). Ежегодно путем сокрытия экспортной выручки, оплаты несуществующего импорта, предоставления фиктивных займов, а также проведения предложных операций с ценными бумагами из страны в непроизводственных целях выводились ресурсы, размер которых превышал половину всех капиталовложений в национальную экономику. С повышением макроэкономической стабильности и улучшением инвестиционного климата в первой половине 2000-х гг. нелегально вывезенные капиталы стали постепенно возвращаться в Россию, но уже в форме иностранных инвестиций и займов. Однако масштабы бегства капитала из страны и сегодня по-прежнему остаются очень высокими – на уровне 5–8 % к внешнеторговому обороту в год. Так, анализ платежного баланса России позволяет предположить, что даже в благополучный 2007 г. из России было вывезено по различным «серым схемам» не менее 44 млрд долларов.

На фоне массового бегства капитала из страны объем прямых зарубежных инвестиций отечественных предприятий в 1990-е гг. был крайне незначительным [Булатов 1999: 68–72]. По данным ЮНКТАД, к началу 2000 г. величина прямых инвестиций, накопленных российскими компаниями за границей, составляла лишь 20 млрд долларов, в полтора-два раза меньше, чем к тому времени имели Китай и Бразилия. Наращивание инвестиций за рубеж сдерживалось как относительной слабостью корпоративного сектора, в 1990-е гг., по сути, только начинавшего формироваться, так и жесткими валютными ограничениями в области движения капитала, серьезно затруднявшими публичную покупку российскими компаниями долей участия в иностранных предприятиях. Единственным регионом, в котором на всем протяжении 1990-х гг. отечественные корпорации регулярно приобретали промышленные активы, были государства СНГ, чему во многом способствовали тесные хозяйственные связи, географическая близость рынков, общность инфраструктуры, а также значительная недооцененность всех видов активов в этих государствах.

[1] Бегство капитала рассчитывается сотрудниками ИЭП имени Е. Т. Гайдара по методологии МВФ и представляет собой сумму «торговых кредитов и авансов», «своевременно не полученной экспортной выручки и не поступивших товаров и услуг в счет переводов денежных средств по импортным контрактам» и «чистых ошибок и пропусков».

Рис. 2. Масштабы бегства и оттока капитала частным сектором из России, 1994–2012 гг., млрд долларов США. Знак «–» означает вывоз капитала, «+» – ввоз

Источник: данные Росстата (http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=41396& referrerType=0&referrerId=947164) и Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара (http://www.iep.ru/index.php?option=com_bibiet&Itemid=50&catid=119 &lang=ru&task=showallbib).

Ускоренный рост российской экономики в 2000-е гг. и благоприятная внешняя конъюнктура способствовали быстрому укреплению финансового положения отечественных компаний, расширению масштабов их международных операций и многократному увеличению капиталовложений в развитие бизнеса за рубежом. Официально регистрируемые показатели прямых инвестиций из России в первой половине 2000-х гг. выросли в 3–4 раза по сравнению с предшествующим десятилетием и превысили отметку 10 млрд долларов в год.

Таблица 1

Топ-20 российских компаний по размеру зарубежных активов, 2012 г. (в млн долларов США)

№	Название группы компаний	Отрасль	Активы за рубежом
1	2	3	4
1	«Лукойл»	нефть/газ	29,159
2	«Газпром»	нефть/газ	21,767
3	«Евраз»	металлургия/горнодобыча	8,210
4	«Мечел»	сталелитейная промышленность / добыча металлических руд и угля / производство электроэнергии	6,365
5	«Совкомфлот»	транспорт	5,838
6	АФК «Система»	конгломерат	5,207
7	«Северсталь»	металлургия/горнодобыча	5,194
8	«Русал»	металлургия/горнодобыча	4,611
9	Новолипецкий металлургический комбинат	металлургия/горнодобыча	4,226

Окончание табл. 1

1	2	3	4
10	«Атомредметзолото»	добыча урана	3,731
11	ТНК-ВР	нефть/газ	2,940
12	ТМК	производство металлических труб	2,394
13	Магнитогорский металлургический комбинат	металлургия/горнодобыча	2,101
14	«Норильский никель»	цветная металлургия/добыча металлических руд	1,968
15	«Зарубежнефть»	добыча нефти/производство нефтепродуктов	1,834
16	NordGold	добыча золота	1,695
17	«Интер РАО ЕЭС»	производство и распределение электроэнергии	1,433
18	«Роснефть»	нефть/газ	1,045
19	FESCO	транспорт	747
20	«Акрон»	сельское хозяйство	721
ИТОГО			**111,186**

Источник: данные Института мировой экономики и международных отношений (http://www.imemo.ru/ru/conf/2013/16042013/16042013_doklad.pdf).

Настоящий всплеск посткризисной инвестиционной активности российских корпораций за рубежом произошел в 2011 г. Прямые иностранные инвестиции национальных предприятий, включая участие в капитале и реинвестирование доходов, в 2011 г. составили более 67,2 млрд долларов, втрое увеличившись по сравнению с 2006 г. При этом объем прямых инвестиций, накопленных российскими предприятиями за границей, достиг рекордных 362,1 млрд долларов (30 % ВВП страны), в 18 раз превысив показатель 2000 г. (рис. 3) [Цветков 2009: 115].

Быстрое наращивание зарубежных капиталовложений отечественных компаний обеспечило России место в тройке крупнейших международных инвесторов из числа развивающихся стран. По объему прямых инвестиций, накопленных за границей, Россия сегодня уступает лишь Китаю. При этом по темпам роста международных операций российские компании заметно опережают ТНК не только развивающихся, но и развитых государств. За последние три года отечественным предприятиям удалось удвоить размер своих зарубежных активов, а также более чем в два с половиной раза увеличить размеры выручки от собственных операций. В их подразделениях за рубежом трудится более 150 тыс. человек – вдвое больше, чем в начале 2000-х гг. [Там же]. Таким образом, масштабы глобальной экспансии национального капитала уже позволяют говорить о начале формирования за рубежом «второй экономики», охватывающей производственную и сбытовую деятельность российских компаний на внешних рынках.

В результате ускорившейся глобальной экспансии ведущие российские компании начали обретать черты, присущие мировым ТНК. Лидирующие позиции в России по размеру зарубежных активов занимают нефтедобывающие и металлургические компании: «Лукойл», «Газпром», «Северсталь» и «Русал». Совокупная величина заграничных активов указанных четырех компаний (табл. 1) по итогам 2011 г. достигла более 40 млн долларов. Наряду с сырьевыми компаниями и про-

изводителями металлов глобальные стратегии развития успешно реализуют крупнейшие российские телекоммуникационные холдинги, а также транспортные компании, занятые морскими перевозками [Кузнецов 2009: 5–14; 2012а: 18–28; 2012б: 34–36].

Вместе с тем объемы бизнеса отечественных предприятий за рубежом все еще далеко не соответствуют месту и роли России в мировой экономике. Доля прямых заграничных инвестиций, накопленных российскими компаниями, в их общемировом объеме не превышает 1,5 %, что в полтора-два раза меньше доли России в мировом ВВП и международной торговле. По масштабам деятельности на внешних рынках российские предприятия также заметно уступают ТНК из развитых и ряда развивающихся стран [Он же 2009: 5–14; 2012а: 18–28]. Так, всего две отечественные компании имеют за рубежом активы стоимостью более 10 млрд долларов и лишь одна по объему своих международных операций входит в первую десятку ТНК развивающихся стран. Крупнейшая по размеру внешних активов российская компания «Лукойл» в 2012 г. занимала только 68 место в рейтинге крупнейших корпораций мира журнала “Forbes”. При этом ее иностранные активы почти на порядок уступают зарубежным активам нефтедобывающих ТНК развитых стран [Он же 2007; 2011: 105–112].

Рис. 3. Накопленные и направленные прямые иностранные инвестиции Российской Федерации за рубеж, 1992–2012 гг., млн долларов

Источник: данные Организации экономического сотрудничества и развития (http://stats.oecd.org/index.aspx?#).

Таблица 2

Крупнейшие сделки по слиянию и поглощению в России в 2013 г.

Отрасль	**Актив**	**Продавец**	**Покупатель**	**Формат сделки**	**Размер пакета**	**Стоим., млн долл.**
1	2	3	4	5	6	7
ТЭК	ОАО «ТНК-ВР Холдинг»	Консорциум AAR, BP (на паритетной основе)	ОАО НК «Роснефть»	Внутренняя	96,51 %	**54980**
Связь	Tele2 Russia Holdings AB	Tele2 AB	ОАО «Банк ВТБ»	Внутренняя	100,00 %	**3550,0**
Энерг.	ОАО «Московская объединенная энергетическая компания» (МОЭК)	Департамент имущества г. Москвы	ООО «Газпром энергохолдинг»	Внутренняя	89,97 %, имущ. комплекс	**2966,2**
ТЭК	ООО «Таас-Юрях нефтегазодобыча»	Yakut Energy Limited (37,38 %) и др.	ОАО «НК «Роснефть»	Внутренняя	65,00 %	**2053,0**
ТЭК	ЗАО «Самара-Нафта»	Hess Corporation (90 %), Семен Кукес (10 %)	ОАО «Лукойл»	Внутренняя	100,00 %	**2050**
Транспорт	ООО «Национальная контейнерная компания»	First Quantum, Андрей Кобзарь	Группа Global Ports	Внутренняя	100,00 %	**1600,0**
ТЭК	Холдинг «Сибуглемет»	Валентин Бухтояров, Владимир Мельниченко, Анатолий Скуров	Структуры Ахмета Паланкоева	Внутренняя	Контр.	**1450,0**
ТЭК	ЗАО «Нортгаз»	R.E.D.I. Holdings Фархада Ахмедова (49 %), ЗАО «Нортгаз» (1 % в ходе допэмиссии)	ОАО «Новатэк»	Внутренняя	50,00 %	**1403**

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
Услуги	Coinmach Service Corp. и AIR-serv Group (США)	Нет данных	Фонд Pamplona Capital Management	In-out	100,00 %	**1400**
Связь	«Tele2 Россия»	ОАО «Банк ВТБ»	Консорциум инвесторов с участием банка «Россия» и структур Алексея Мордашова	Внутренняя	50,00 %	**1260**
ТЭК	ОАО НК «РуссНефть»	АФК «Система», ОАО «Сбербанк России»	Структуры, близкие к Михаилу Гуцериеву	Внутренняя	51,00 %	**1250**
Торговля	Торгово-развлекательная часть комплекса «Метрополис»	Capital Partners	Фонд Morgan Stanley Real Estate Investing	Out-in	Имущ. компл.	**1200,0**
Финансы	ОАО «Номосбанк»	PPF Group (19,9%), структуры Александра Мамута и Олега Малиса, группы «ИСТ», миноритарии (16 %)	Структуры ФК «Открытие»	Внутренняя	51,00 %	**1177,0**
Строит.	ООО «Международное логистическое партнерство»	ГК «Ренова» (Виктор Вексельберг)	Группа «БИН» Михаила Гуцериева	Внутренняя	100,00 %	**900**
Металл.	FerroChrome Furnaces Ltd. (ЮАР)	Аббас Моти (Abbas Moti)	Алибек Исаев	In-out	50,00 %	**800,0**

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
ТЭК	ОАО «Распадская»	Adroliv Investments Limited	Evraz plc	Внутренняя	41,00 %	**800,0**
Строит.	БЦ «Белые сады»	«ВТБ Капитал», TPG Holdings, CIC, AIG/Lincoln, Coalco Development	Millhouse Group	Внутренняя	Имущ. комплекс	**750,0**
IT	VK.Com Holdings Ltd (социальная сеть «ВКонтакте»)	Вячеслав Мирилашвили (40 %), Лев Левиев (8 %)	Консорциум инвесторов с участием United Capital Partners	Внутренняя	48,00 %	**720,0**
Торговля	ТРЦ «Метрополис»	Фонд Morgan Stanley Real Estate Investing	Hines CalPERS Russia Long Term Hold Fund (HCRLTH)	Out-in	50,00 %	**600,0**
Химич.	Bever Pharmaceutical Pte Ltd (Сингапур)	Bristley Enterprises Ltd	ОАО «Фармстандарт»	In-out	100,00 %	**590**
ТЭК	Exillon Energy	Максат Арип (29,99 %), Hanberg Finance Михаила Гуцериева (14,9 %), «Газпромбанк» (12 %)	Структуры Алексея Хотина (29,99 %), Александра Клячина (26,7 %)	Внутренняя	56,69 %	**555**
Финансы	ОАО Банк «Петрокоммерц»	Reserve Invest Holding Ltd (ИФД «Капиталъ»)	ФК «Открытие»	Внутренняя	79,40 %	**481,6**

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
Строит.	Проект строительства ТЦ River Mall	Банк Москвы	ООО «Практика Девелопмент» (Сергей Гордеев)	Внутренняя	Имущ. комплекс	**475,0**
ТЭК	ОАО «Пайяха»; ЗАО «Геотэкс»	Hopkirk Financial Corp; ЗАО «Прайм фаворит»	Независимая нефтегазовая компания	Внутренняя	По 100 %	**445,0**
Пищевая	Central European Distribution Corporation (CEDC, Польша)	Кредиторы и миноритарии компании	Roust Trading Ltd («дочка» «Русского стандарта»)	In-out	Консолидация 100 %	**440**
Металл.	ГОК «Восход», Тихвинский ферросплавный завод	ОАО «Мечел»	Yildirim Group	Out-in	Имущ. комплекс	**425**
ТЭК	ЗАО «Кама-Ойл»	Дмитрий Рыболовлев	ОАО «Лукойл»	Внутренняя	49,99 %	**400**
Финансы	ЗАО АКБ «Абсолют Банк»	Группа KBC	Структуры НПФ «Благосостояние»	Внутренняя	100,00 %	**389**
Строит.	МФК Palais an der Oper (Германия)	LBBW Immobilien Management и Accumulata Immobilien Development	Lenhart Global	In-out	Имущ. комплекс	**384,2**
Строит.	Westec Four Winds Limited (БЦ «Четыре ветра»)	AFI Development, «Снегири Девелопмент»	Millhouse Group	Внутренняя	100,00 %	**371,0**

Источник: рейтинг AK&M (http://www.akm.ru/rus/ma/ratings/2013.htm).

Отраслевая и региональная структура прямых зарубежных инвестиций российских компаний. По оценкам экспертов, в 2013 г. российские компании

вложили в покупку иностранных предприятий более 85,8 млрд долларов, заключив около 427 крупных сделок, из которых каждая пятая на сумму, превышающую около 100 млн долларов. Большая часть операций была связана с поглощением предприятий, занятых теми же видами деятельности, что и компании-покупатели. Таким образом, отечественные предприятия основной упор делали на расширение профильного бизнеса, а не на диверсификацию своей активности (табл. 2).

В 2013 г., несмотря на ухудшение конъюнктуры мировых финансовых рынков, российский бизнес продолжил активно наращивать присутствие за границей. Сумма сделок по покупке зарубежных активов, заключенных российскими компаниями, к январю 2014 г. уже превысила 40 млрд долларов. Как и в 2012 г., основной объем совершенных покупок приходился на ТЭК (рис. 4).

Приоритетными для развития зарубежного бизнеса российских компаний остаются страны СНГ, а также Западной и Восточной Европы. Первые выступают преимущественно источниками укрепления производственной и ресурсной базы отечественных компаний, вторые открывают доступ к новым потребителям и технологиям, помогая освоить производство продукции с более высокой добавленной стоимостью и глубокой степенью переработки, а также позволяют обойти тарифные и нетарифные ограничения Евросоюза в отношении импортируемых товаров. Сегодня на эти две группы стран приходится более 80 % зарубежных активов крупнейших отечественных корпораций (рис. 5).

Значительный интерес для национальных компаний представляет североамериканский рынок, открывающий уникальные возможности для сбыта выпускаемой продукции. Однако вход на этот рынок является одним из самых сложных и дорогостоящих в мире, что объясняет относительно небольшой объем российских инвестиций в предприятия США и Канады. Растет также стратегический интерес отечественных предприятий к рынкам стран Азии и Африки, которые со временем могут стать важным направлением глобальной экспансии российского капитала. Только за последние три года отечественные компании инвестировали в проекты, реализуемые в этих странах, более 5 млрд долларов.

Значение прямых иностранных инвестиций российских компаний для национальной экономики. Как отмечают специалисты, стремительное наращивание российскими компаниями объема прямых иностранных инвестиций оказывает противоречивое влияние на экономику страны. С одной стороны, приобретение внешних активов содействует повышению конкурентоспособности отечественного бизнеса, открывая для России новые возможности, связанные с углублением международной кооперации и диверсификацией производства, заимствованием передовых технологий и методов управления, доступом к новым источникам сырья и финансовых ресурсов. Одновременно это способствует улучшению качества корпоративного управления, повышению финансовой устойчивости отечественных предприятий за счет укрепления ресурсной базы и расширения рынков сбыта. Активная международная экспансия национальных корпораций самым положительным образом сказывается на общем усилении позиций России в мировой экономике и росте ее геополитического влияния.

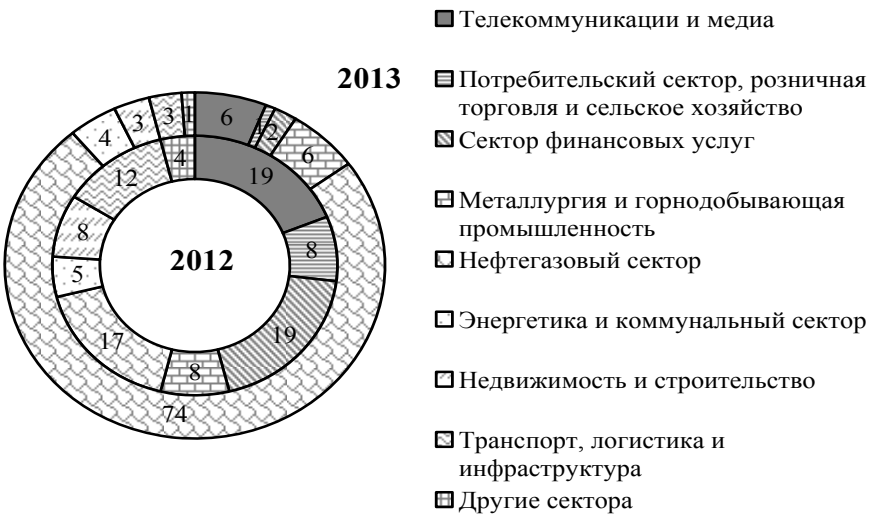


Рис. 4. Отраслевая принадлежность зарубежных активов, приобретенных российскими компаниями в 2012–2013 гг., % от общего объема сделок

Источник: рейтинг AK&M (http://www.akm.ru/rus/ma/ratings/2013.htm).

С другой стороны, в ситуации, когда многие отрасли российской экономики продолжают испытывать острую потребность в капитальных вложениях, масштабный вывоз финансовых средств, даже в форме прямых инвестиций, ослабляет ресурсную базу роста внутри страны, препятствуя скорейшей модернизации национальной промышленности. Так, в 2012 г. объем прямых инвестиций отечественных предприятий за рубеж достиг 17 % суммарной величины их внутренних капиталовложений. Это вдвое больше, чем у большинства развитых стран, в отличие от России не испытывающих серьезного дефицита инвестиций на цели своего социально-экономического развития. В то же время у других крупнейших развивающихся государств, как и Россия, нуждающихся в привлечении значительных капиталовложений в национальную экономику, относительные показатели, характеризующие международную инвестиционную активность корпоративного сектора, существенно ниже российских. Например, соотношение прямых инвестиций, накопленных за границей и привлеченных из-за рубежа, в 2012 г. в России составило 0,8, в то время как в Китае и Индии – в два-три раза меньше.

Необходимо отметить и недостаточно эффективную с точки зрения развития экономики России структуру прямых зарубежных инвестиций отечественных корпораций. Прежде всего вызывает озабоченность их явная сырьевая направленность, во многом способствующая консервации позиции России на мировом рынке как узкоспециализированного поставщика сырьевых ресурсов. Более половины всех заграничных активов страны сегодня приходится на нефтегазовый сектор и еще четверть – на металлургическую и горнодобывающую промышленность. В отличие от других ведущих развивающихся государств, в частности Китая и Индии, в России по-прежнему крайне мало компаний, активно развивающих современное промышленное производство и готовых для этого инвестировать в покупку высокотехнологичных предприятий за границей. Доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства российских ТНК не

превышает 5–7 %, что в пять-шесть раз меньше, чем у ведущих зарубежных корпораций. При этом расходы на НИОКР у последних могут достигать 15–20 % всей выручки и ежегодно исчисляться десятками миллиардов долларов, в то время как у отечественных ТНК аналогичные показатели на порядок ниже.

Еще одним негативным фактором является концентрация зарубежных активов у ограниченного числа крупных предприятий. Сегодня в России порядка двадцати компаний контролируют до 40 % всех заграничных активов. В развитых странах уровень концентрации в этой области как минимум вдвое меньше. В то же время малый и средний инновационный бизнес, в отличие от крупных сырьевых корпораций испытывающий значительные организационные и финансовые трудности с поиском зарубежных партнеров и выходом на внешние рынки, практически не представлен за рубежом. Очевидно, что это обстоятельство также не способствует решению приоритетной задачи диверсификации и технической модернизации национальной экономики.

Наконец, рост прямых капиталовложений за рубеж далеко не всегда сопровождается увеличением обратного притока средств в Россию в виде доходов от инвестиций. Это связано с тем, что зачастую в сделках по приобретению иностранных предприятий или долей в них покупателями выступают не сами российские компании, а их офшорные структуры, которые и аккумулируют впоследствии прибыль от вложений. Более того, дочерние иностранные компании нередко используются отечественными предприятиями для минимизации налогов, в частности путем применения во взаиморасчетах заниженных трансфертных цен, позволяющих укрыть большую часть прибыли за границей.

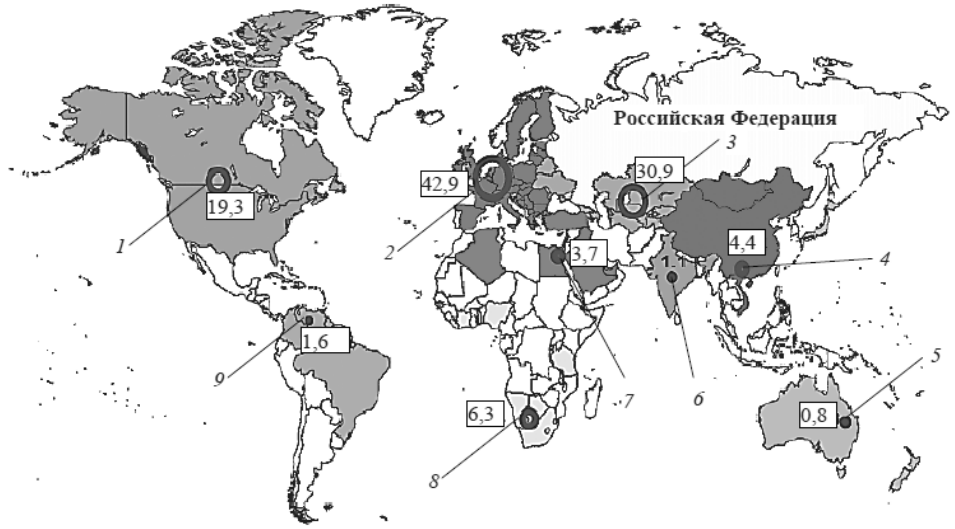


Рис. 5. География зарубежных активов крупнейших российских компаний в 2012 г., в %

Примечание: *1* – Северная Америка; *2* – Европейский союз; *3* – СНГ; *4* – Китай; *5* – Австралия и Океания; *6* – Индия; *7* – Ближний Восток и Северная Африка; *8* – Африка; *9* – Южная Америка.

Источник: данные Института мировой экономики и международных отношений РАН (http://imemo.ru/ru/conf/2013/16042013/16042013_doklad.pdf).

Недостаточная экономическая эффективность прямых инвестиций, осуществляемых национальными компаниями за рубежом, в значительной степени объясняется отсутствием в России действенных механизмов государственной поддержки и регулирования экспорта частного капитала, которые позволяли бы стимулировать движение по приоритетным для страны направлениям. В отсутствие системной политики содействие со стороны государства российским инвестициям за рубежом сводится в основном к лоббированию, нередко довольно успешному, крупных сделок с участием ведущих отечественных компаний, преимущественно госкорпораций. В остальных же случаях отечественный бизнес пытается пробиться на внешние рынки самостоятельно.

При этом российским компаниям зачастую приходится сталкиваться с серьезными барьерами, не позволяющими в полной мере осуществить задуманные инвестиционные планы и снижающими эффективность зарубежных капиталовложений. К числу таких барьеров относится в первую очередь сохраняющееся настороженное, а порой и просто прохладное отношение властей и деловых кругов западных стран к отечественному бизнесу, в действиях которого нередко усматриваются политические мотивы («рука Кремля»), стремление скупить за нефтедоллары стратегические активы с целью оказания впоследствии давления на западные страны. Подобное отношение зачастую оборачивается неприкрытыми дискриминационными действиями властей принимающих стран по отношению к инвестициям из России. Капиталовложения отечественных компаний за рубежом сдерживаются и не всегда гладкими внешнеполитическими отношениями России с некоторыми государствами, прежде всего странами Балтии и СНГ.

В результате, даже имея значительные финансовые ресурсы, российские компании далеко не всегда могут рассчитывать на успех в приобретении зарубежных активов. Стоимость несостоявшихся сделок по покупке отечественными ТНК крупных западных компаний оценивается в сумме, превышающей 40 млрд долларов. В их числе неудавшаяся попытка объединения «Северстали» с европейским металлургическим концерном *Arcelor*, приобретения «Газпромом» британской газораспределительной компании *Centica*, а также обмена активами между АФК «Система» и *Deutsche Telecom*.

Исправлять недостатки, присущие вывозу национального капитала за рубеж, необходимо в первую очередь за счет экономических методов. Запреты и ограничения в этой области малоэффективны. Они могут только ухудшить международную конкурентоспособность российских компаний, помешав им в полной мере использовать преимущества глобализации товарных и финансовых рынков. Более того, рост прямых инвестиций за рубеж следует поощрять, стимулируя, однако, их более эффективное применение. В этой связи все большее значение приобретает разработка государственной стратегии в области экспорта национального капитала, которая позволила бы качественно изменить структуру прямых инвестиций, накопленных за рубежом, в частности за счет повышения в ней доли капиталовложений в высокотехнологичные производства.

2. Динамика и особенности вывоза капитала российским банковским сектором

Масштабы и структура экспорта капитала российскими банками. Экспорт капитала российскими банками осуществляется как в виде прямых инвести-

ций в создание или покупку зарубежных структурных подразделений, так и путем вложения средств в иностранные финансовые инструменты, в том числе в ценные бумаги, депозиты в зарубежных банках, ссуды юридическим лицам – нерезидентам. В 1990-е и начале 2000-х гг. объемы вывоза средств национальными кредитными организациями, по данным Банка России, были относительно небольшими, составляя не более 3–4 млрд долларов в год. С 2005 г. экспорт капитала банковским сектором резко ускорился. По итогам 2013 г. он достиг 32 млрд долларов, увеличившись по сравнению с 2000 г. более чем в девять раз (рис. 6). Следует отметить, что по абсолютным показателям вывоза капитала российские банки уступают отечественным нефинансовым корпорациям и государству. При этом средние темпы роста вывоза капитала в 2000–2012 гг. существенно отставали от общей динамики активов банковского сектора, в результате чего доля иностранных вложений в совокупных активах кредитных организаций к концу периода заметно сократилась.

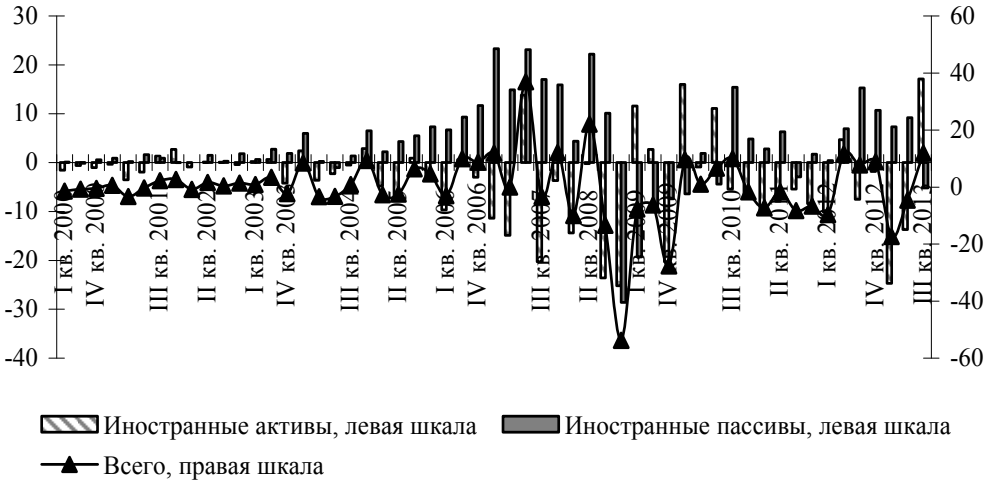


Рис. 6. Чистый ввоз/вывоз капитала банковским сектором в 2000–2013 гг., млрд долларов. Знак «–» означает вывоз капитала, «+» – ввоз

Источник: данные Росстата (http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=41396&referrerType=0&referrerId=947164).

Увеличение вывоза капитала отечественными банками в 2005–2013 гг. во многом стало следствием масштабного притока в это время иностранных финансовых ресурсов в российский банковский сектор. Так, в 2013 г. импорт капитала банками увеличился по сравнению с 2008 г. почти в два раза, составив 17,7 млрд долларов. Часть привлекаемых ресурсов, временно не использовавшихся кредитными организациями, размещалась в иностранных финансовых активах, как с целью получения инвестиционного дохода, так и для поддержания на требуемом уровне открытых валютных позиций и банковских нормативов. Таким образом, увеличение экспорта капитала отечественными банками в последние годы в определенной степени носило технический характер, связанный с необходимостью временного размещения свободных средств. Этот вывод подтверждается анали-

зом структуры вывоза капитала, в которой устойчиво не менее одной трети приходится на краткосрочные вложения, включая остатки на текущих счетах, депозиты и ссуду сроком до одного года.

Вместе с тем в 2005–2013 гг. в структуре вывоза капитала банками значительно выросла доля долгосрочных инвестиций в виде «длинных» депозитов в иностранных банках и кредитов, выданных нерезидентам на срок более одного года. Если в 2005 г. она составляла около 20 % общего объема экспорта средств, то в 2012 г. – уже примерно половину. Рост долгосрочных вложений во многом обусловлен быстрым развитием в последние годы сети зарубежных структурных подразделений российских банков, финансирование деятельности которых обычно осуществляется материнскими организациями путем размещения в них депозитов и ссуд. Кроме того, по мере увеличения прямых инвестиций из России растет объем кредитов, в том числе долгосрочных, выдаваемых банками иностранным подразделениям российских компаний. Международные кредитные операции банков способствуют расширению внешней экспансии национального бизнеса, хотя и, безусловно, несколько сужают их возможности финансирования российской экономики.

Прямые иностранные инвестиции национальных банков. Первые инвестиции в создание заграничных банков были осуществлены еще в царской России. Уже к концу XIX в. Московский международный торговый банк через многочисленные отделения в Европе и Азии занимался финансированием хлебной торговли страны. Персидский учетно-ссудный банк, учрежденный министерством финансов России, стал к началу XX в. главным финансовым посредником в русско-иранской торговле. Через Русско-Китайский банк до революции активно финансировалось строительство железных дорог на Дальнем Востоке и в Китае, в том числе Транссибирской магистрали.

СССР инвестировал значительные средства в создание и развитие сети зарубежных кредитных организаций (совзагранбанков), расположенных в крупнейших европейских финансовых центрах и занимавшихся наряду с обслуживанием внешнеторговых контрактов советских предприятий управлением золотовалютными резервами страны.

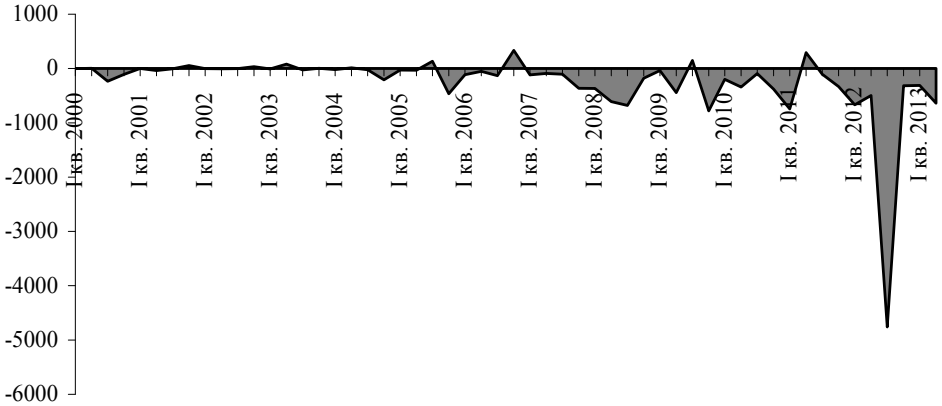


Рис. 7. Прямые банковские инвестиции за рубеж, 2000–2013 гг., млн долларов
Источник: Банк России (http://cbr.ru/statistics/?Prtid=svs&ch=PAR_7237#Checke dItem).

Своего рода третья волна банковской экспансии за рубеж из России приходится на середину 1990-х гг., когда в результате рыночных реформ сформировались и окрепли достаточно крупные национальные коммерческие банки. Ряд банков, порой несмотря на серьезное противодействие регулирующих властей принимающих стран, сумели открыть за рубежом свои филиалы, в частности на Кипре, в Швейцарии, Люксембурге, Нидерландах, Турции и некоторых офшорных центрах. Валютно-финансовый кризис 1998 г., болезненно сказавшийся на отечественном банковском секторе, серьезно затормозил продвижение банков за рубеж, заставив многих из них закрыть уже созданные иностранные подразделения. В результате к 2000 г. за границей функционировали только четыре филиала российских банков и порядка 50 представительств, не имевших права заниматься банковской деятельностью.

В начале 2000-х гг. инвестиционная активность российских банков за рубежом в целом была невысока, хотя отдельные довольно крупные сделки происходили. Так, «Альфа-Банк» в 2001 г. приобрел 100 % акций Амстердамского торгового банка (Нидерланды), став первым частным отечественным банком – обладателем «дочки» в ЕС.

Динамика прямых банковских инвестиций за рубеж заметно ускорилась (рис. 7) в 2004–2005 гг. По мере наращивания финансовых возможностей ведущие российские банки стали все более активно вкладывать средства в расширение своего международного присутствия как путем покупки действующих иностранных организаций, так и создавая за рубежом дочерние организации и филиалы «с нуля». При этом кардинально изменились характер и мотивы экспансии. Если в 1990-е гг. банки, открывая филиалы и представительства в других странах, в основном руководствовались задачами привлечения иностранного капитала, а также имиджевыми соображениями, то сегодня они ставят перед собой масштабные цели освоения новых перспективных рынков банковских услуг, региональной диверсификации бизнеса, обеспечения комплексного финансово-банковского сопровождения трансграничных проектов и сделок национальных корпораций.

В начале 2014 г. большинство ведущих российских банков уже располагало собственными дочерними банками за границей. Наиболее последовательную политику расширения присутствия на внешних рынках проводит группа ВТБ, у которой за рубежом работает уже почти одна пятая часть активов. За последние 4 года группой созданы дочерние структуры в Украине, Беларуси, Армении и Грузии, в развитие которых инвестировано более 400 млн долларов, консолидировано участие в капитале росзагранбанков в Западной Европе, открыты филиалы в Индии и Китае, а также учреждены дочерние банки во Вьетнаме и Анголе. Сегодня ВТБ способен оказывать качественную финансовую поддержку отечественному бизнесу более чем в пятнадцати странах СНГ, Западной Европы, Азии и Африки. При этом ВТБ намерен продолжить активную зарубежную экспансию, рассчитывая к 2020 г. стать первым и единственным в мире кредитно-финансовым институтом, предоставляющим банковские услуги практически на всем постсоветском пространстве.

Расширять присутствие за границей намерены и другие крупные российские банки. В частности, «Сбербанк» уже заявил о своих планах открыть новые отделения в странах СНГ, а также филиалы в Индии и Китае. «Газпромбанк» собирается инвестировать несколько сотен миллионов долларов в создание дочерних

банков в странах ближнего зарубежья, а также учредить до конца 2015 г. финансовую компанию в Лондоне, которая обеспечит его клиентам доступ к международным рынкам капитала.

Приоритетным направлением внешней экспансии российских банков сегодня являются страны СНГ и Западной Европы. Рынки государств СНГ привлекают банки в первую очередь привычной предпринимательской средой и возможностью быстрого наращивания объемов бизнеса в условиях низкой конкуренции на местных рынках банковских услуг. Не случайно, открывая отделения в странах ближнего зарубежья, отечественные кредитные организации рассчитывают заниматься не только обслуживанием компаний из России, но и активно работать с местным бизнесом и населением.

Серьезным сдерживающим фактором экспансии, однако, являются высокие политические риски инвестирования в этих странах. Развитые рынки рассматриваются российскими банками и их клиентами прежде всего как источники долгосрочных финансовых ресурсов. Поэтому при выходе на них банки основной упор делают на инвестиционных услугах. Работа в ЕС, однако, затрудняется высоким уровнем затрат на создание и поддержание бизнеса, а также весьма настороженным отношением местных регулирующих органов к финансовым институтам из России. В то же время рынки развивающихся стран Азии и Африки пока еще малознакомы большинству российских банков и практически не осваиваются ими.

Несмотря на быстрый рост зарубежных инвестиций российских банков, масштабы их присутствия за границей по-прежнему существенно отстают от потребностей отечественных предприятий в финансовом сопровождении их деятельности на внешних рынках. В отличие от развитых стран, где национальный банковский капитал выступает для бизнеса главной опорой в его международной экспансии, российские компании все еще лишены необходимой финансовой поддержки со стороны отечественных кредитных институтов за границей. В такой ситуации преимуществами глобализации сегодня может воспользоваться только крупный российский бизнес, напрямую работающий с западными банками, тогда как для более мелких компаний выход на внешние рынки сильно затруднен.

Представляется, что поддержка, в том числе финансово-страховая, международной экспансии национальных банков могла бы стать одним из приоритетных направлений государственной политики в банковской сфере. Она содействовала бы не только продвижению отечественных предприятий на зарубежные рынки, но и более широкому вовлечению рубля в международные расчеты и его становлению как мировой валюты, что является одной из важнейших задач России во внешнеэкономической сфере [Кондратов 2012: 367–403; Salikhov, Agibalov 2010].

Литература

Булатов А. Параметры и оценка масштабов утечки капитала из России // Деньги и кредит. 1999. № 12. С. 68–72.

Цветков В. А. Международные операции российских компаний: проблемы и перспективы // Экономика. Налоги. Право. 2009. № 2. С. 115–123.

Кузнецов А. В. Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект. М. : КомКнига, 2007.

Кузнецов А. В. Движущие силы интернационализации отечественного бизнеса. Россия в мировой экономике и международных отношениях (Мировое развитие. Вып. 5). М. : ИМЭМО РАН, 2009. С. 5–14.

Кузнецов А. В. Нужна ли государственная поддержка российских инвестиций за рубежом? // Международная жизнь. 2011. № 7. С. 105–112.

Кузнецов А. В. Российские прямые инвестиции в странах СНГ // Международные процессы. 2012а. Т. 29. № 2(29). С. 18–28.

Кузнецов А. В. За рубеж – вторым эшелоном // Прямые инвестиции. 2012б. № 7. С. 34–36.

Кондратов Д. Становление российского рубля как международной валюты // Экономический журнал ВШЭ. 2012. Т. 16. № 3. С. 367–403.

Kobrin S. J. The Determinants of Liberalisation of FDI Policy in Developing Countries: A Cross-Sectional Analysis, 1992–2001 // Transnational Corporations. 2005. Vol. 14. No. 1. Pp. 67–98.

Salikhov M., Agibalov S. The Rouble as the Settlement Currency of the CIS // Eurasian Integration Yearbook 2010 / Eurasian Development Bank. Almaty, 2010.

Vujacic J. Prednosti i Nedostaci Stranih Direktnih Investicija za Zemlje u Tranziciji // Tržiste. Novac. Kapital. Beograd, 2002. G. 34. N 2. Pp. 52–67.

Zschiedrich H. Ausländische Direktinvestitionen: Segen oder Fluch? // Wirtschaft und Geschichte. Wien, 2004. Jg. 30. H. 1. S. 45–71.

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУКОЙ – ХИМЕРА ИЛИ ТРЕБОВАНИЕ ЖИЗНИ?

Саямов Ю. Н.[*]

Статья фокусирует внимание на вопросе о глобальном управлении наукой, которое рассматривается как задача международного характера и одна из целей развития. Глобальное управление наукой предстает жизненной необходимостью в связи с растущей потребностью совместного поиска научных решений глобальных проблем, новых рисков и вызовов, с которыми сталкивается человечество. Высказывается ряд идей и предложений, которые, по мнению автора, могли бы содействовать достижению цели глобального управления наукой.

Ключевые слова: *наука, глобализация, глобальное управление.*

The article draws attention to the issue of the global governance of science considered here as a task of international character and one of development goals. The global management of science appears to be a life necessity due to the growing need to jointly search for global scientific responses to the global problems, new risks and challenges that mankind is facing. In conclusion some ideas are expressed and proposals given how, in the author's opinion, to foster the goal of the global governance of science.

Ключевые слова: *science, globalization, global governance.*

Введение

Идея править миром, вероятно, так же стара, как и сам мир. В начале истории мир человека был мал, ограничиваясь ареалом его обитания. Первые речные цивилизации в Древнем Египте вдоль реки Нил, в Месопотамии, в так называемом «плодородном полумесяце» рек Тигра и Евфрата, в Древнем Китае и Древней Индии по Желтой реке и Инду, не говоря уже о цивилизациях Мексики и Перу на Американском континенте, которые только еще предстояло открыть, существовали изолированно, ничего не зная друг о друге.

Конец изолированного существования народов и начало их общей глобальной истории наступили примерно 36 веков тому назад, когда египетский фараон XVIII династии Тутмос I предпринял завоевательный поход в Сирию и достиг Месопотамии, впервые перебросив мост между двумя великими цивилизациями древности.

По мнению известного французского ученого Гастона Шарля Масперо[1], это стало началом той всемирной исторической драмы, которая с тех пор непрерывно разыгрывается на глобальной сцене, меняя лишь свое содержание, актеров и внешние формы проявления.

[*] Саямов Юрий Николаевич – к. и. н., д. п. н., заведующий кафедрой ЮНЕСКО факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: y.sayamov@yandex.ru.

[1] Гастон Шарль Масперо (1846–1916) – французский ученый, исследователь древних цивилизаций.

С наступлением поры Великих географических открытий, проложивших пути между цивилизациями, обмен знаниями приобретает все более значительные размеры. Возможно, именно в этой связи сэр Фрэнсис Бэкон[2] выдвинул свой знаменитый тезис «Scientia potentia est» («Знание – сила»).

Однако что такое знание и что такое наука, осталось до наших дней предметом для дискуссий, равно как и понятия «научное управление» и «управление наукой».

В соответствии с отчетом группы экспертов Европейской комиссии по глобальному управлению наукой [Global… 2009], «наука широко понимается как специальный вид знания вместе с определенным набором практик и культур ее производства».

На латыни «наука» означает «знание». Наука, являясь промыслом человека, создает и формирует знание. Людей, занимающихся наукой, мы называем учеными, в то время как наука сама может рассматриваться как то, что делают ученые.

Сегодня уже широко признается, что наука принадлежит всему человечеству и представляет собой главную движущую силу глобализации.

Появилось понятие глобальной науки. «Глобальные процессы и возникновение информационного общества породило понятие Глобального мира знаний и соответственно так называемого “общества знаний”» [Ilyin, Ursul 2012: 107].

Общество знаний означало расширение и ускорение обмена знаниями, трансфера и интеграции, ведущих к глобализации когнитивной деятельности.

Менеджмент науки все более приобретал характерные черты задачи международного характера, выходящей за пределы национальных границ. Усиливалось ощущение, что нарастает потребность в некоем глобальном менеджменте науки в результате ее меняющейся географии.

Исторически наука концентрировалась вокруг небольшого количества стран. Сегодня большее количество людей занимаются наукой и создают больше знаний в большем количестве стран. Традиционные центры науки – Франция, Германия, Великобритания, Италия – обнаружили в XX в., что на глобальную арену вышли новые быстро развивающиеся научные державы: Соединенные Штаты Америки, которые привлекли и аккумулировали потенциал ученых всего мира, и Советский Союз, вобравший в себя богатое научное наследие России и сумевший добиться новых выдающихся научных достижений. Они образовали научные полюсы биполярного мирового порядка, сложившегося после Второй мировой войны.

Крах биполярной системы, наступивший после распада СССР в 1991 г., совпал по времени с возникновением новых мировых научных держав и центров. В предисловии к Докладу ЮНЕСКО о науке 2010 г. Генеральный директор ЮНЕСКО И. Бокова подчеркнула, что триада из Европейского союза, Японии и Соединенных Штатов, глобально доминировавшая в науке и технологиях, «постепенно уступает дорогу многополярному миру с растущим числом публичных и частных исследовательских центров на всем протяжении от Севера до Юга. Вышедшие раньше или в последнее время на мировую арену науки и технологий новые участники, включая Республику Корея, Бразилию, Китай или Индию, создают более конкурентную глобальную среду посредством развития своего потенциала в промышленной, научной и технологической сферах» [UNESCO… 2010: XVII].

[2] Фрэнсис Бэкон (1561–1626) – английский ученый, философ и государственный деятель.

Пример мощной поддержки и продвижения науки был создан в Советском Союзе в период между двумя мировыми войнами, когда ускоренное научное развитие стало государственным приоритетом и пользовалось всемерным финансовым, материальным и моральным содействием вместе с постоянным вниманием к этой сфере и контролем со стороны высшего руководства партии, государства и правительства. В результате были получены передовые технологии, которые помогли победить Гитлера, создать атомную бомбу, запустить первый в мире спутник Земли, а вскоре за ним послать в космос первого человека.

Научные достижения соперника заставили Соединенные Штаты предпринять срочную мобилизацию своего потенциала, с тем чтобы поднять уровень и престиж американской науки. Научное развитие программы «лунной гонки» позволило наконец Соединенным Штатам занять лидирующие позиции в сфере науки и технологий, в то время как Советский Союз был отброшен далеко назад разрушившим страну бедствием под названием «перестройка».

Несколько позже Китай стал обретать титул следующей научной сверхдержавы. В своем исследовании два британских ученых проанализировали программу научного развития Китая, предусматривающую инвестирование в национальную сферу науки и технологий беспрецедентной суммы в более чем 122 миллиарда долларов США в период до 2020 г. [Wilsdon, Keely 2007].

Другим быстроразвивающимся гигантом является Индия. В американских и английских научных лабораториях и центрах много ученых индийского происхождения. И Китай, и Индия создают условия для того, чтобы обратить вспять процесс «утечки мозгов» и побудить ученых к возвращению на родину.

Рост науки и техники во всем мире порождает новые вызовы и новые потребности в глобальном управлении этим процессом. Их еще более акцентирует появление науки высокого уровня в новых местах, отчасти еще не готовых к этому, где менеджмент науки, как внутренний в этих странах, так и внешний со стороны глобального сообщества, становится все более необходимым.

Глобальное управление и наука

Многие ученые активно разрабатывают проблему глобального управления. Обстоятельная дискуссия по этим вопросам, развернутая на страницах журнала «Век глобализации», подтолкнула, как представляется, развитие интереса и внимания к отдельным аспектам этой темы [см., например: Вебер 2009; Дробот 2011; Чумаков 2010; 2012 и др.].

Обсуждение проблемы глобального управления перешло в другие научные публикации, распространилось в качестве все более широко обсуждаемой темы на научных форумах и конференциях. Декан факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова профессор И. В. Ильин выступил с программной статьей «Формирование глобальных политических процессов и глобального управления» [Ильин 2011].

Известный отечественный исследователь проблемы глобального управления профессор А. Н. Чумаков в научном сборнике конференции в Ростове-на-Дону отмечает, что «тема глобального управления миром сегодня становится центральной в системе наиболее важных задач человечества». Нельзя не согласиться с его утверждением о том, что «под влиянием процессов глобализации мировое сообщество практически по всем параметрам общественной жизни все больше становится единой целостной системой, тогда как механизмов управления, адек-

ватных этой целостности, нет». Это противоречие автор рассматривает в качестве «главного противоречия современной эпохи» [Философская… 2012: 17].

В обсуждение включились профессора А. Д. Урсул, И. И. Абылгазиев и другие ведущие ученые факультета глобальных процессов, что позволяет в известной степени говорить о формировании на его базе отечественной школы научных исследований по проблеме глобального управления.

Однако тема глобального управления наукой пока еще остается менее обсуждаемой в научном сообществе, и в этой связи включение ученых факультета в формирование проекта глобального управления наукой под эгидой ЮНЕСКО и ее кафедры представляется существенным шагом вперед в направлении ее изучения.

Наука и бюрократия

Если обратиться к понятию бюрократии только как к способу организации работы, избегая обычной отрицательной коннотации, ясно предстанут многочисленные национальные и международные отношения зависимости от нее науки.

В национальном контексте наука зависит от бюрократии и принятия решений на уровне:

– президента государства (премьер-министра, федерального канцлера, короля или другого высшего правителя) и его администрации;

– правительства страны (федерального правительства) (*они устанавливают правила и инициируют законы для всей страны, затрагивающие науку*);

– национального (федерального) парламента (*он принимает национальные [федеральные] законы, затрагивающие науку*);

– национального (федерального) министерства науки и других министерств, национальных (федеральных) агентств и прочих ведомств правительственного характера (*они наблюдают за исполнением законов и создают подзаконные акты, инструкции и положения, затрагивающие науку*);

– губернатора (правителя) на локальном уровне (главы региона) и его администрации (*они устанавливают правила для региона и инициируют местные законы, затрагивающие науку*);

– локального (регионального) парламента (*принимает локальные [региональные] законы, затрагивающие науку*);

– локального (регионального) министерства науки и других министерств, локальных (региональных) агентств и прочих ведомств правительственного характера (*они наблюдают за исполнением национальных и региональных законов и создают подзаконные акты, инструкции и положения, затрагивающие науку*);

– правительства города (*оно создает правила и инициирует законы города, затрагивающие науку*);

– парламента (законодательного собрания) города (*принимает законы города, затрагивающие науку*);

– районных и других территориальных властей (*устанавливают правила для данной территории, способные затрагивать науку*);

– муниципальных властей (*принимают решения по организации жизни на территории муниципального образования, способные затрагивать науку*).

Таким образом, в национальном плане наука зависит от властей по меньшей мере на десяти различных уровнях.

Помимо этого наука имеет свою собственную внутреннюю бюрократию:

– национальные органы, академии, союзы с их административными структурами, решениями, предписаниями, регуляциями;

– директораты научно-исследовательских образований (институтов, лабораторий, центров);

– ректоры, деканы, заведующие кафедрами и отделами, а также их аппараты в университетах и других высших учебных заведениях, ведущих научные исследования.

Между вышеназванными компонентами национальной научной бюрократии, а также между ними, с одной стороны, и государственно-правительственной бюрократией – с другой, нередко возникают противоречия в отношении менеджмента науки.

Отношения между наукой и национальной бюрократией почти всегда являются весьма сложными и амбивалентными.

Что касается ученых, они нуждаются в признании, моральной и материальной поддержке. Тем не менее они часто не соглашаются с бюрократическим вмешательством в науку и попытками бюрократов учить их, как ею заниматься.

В отношении бюрократии, ее представителей и структур надо отметить, что они, несомненно, нуждаются в творческой науке, способной производить реальные и имеющие высокую цену результаты, с тем чтобы оправдать государственную и правительственную политику в этой сфере. В то же время они пытаются подчинить себе науку и формировать ее в таком виде, который она должна иметь по их представлениям.

Огромная бюрократическая машина, даже стремясь продвинуть науку, может подчас душить ее в этом процессе. Некоторые видят выход из подобных ситуаций в расширении международного управления наукой, если национальные государства согласятся с приоритетом международных регуляций.

Международный менеджмент науки

В международном контексте менеджмент мировой науки выражается в деятельности международных образований и структур:

– межправительственного характера (ММПО);

– неправительственного характера (МНПО).

Среди первых становой хребет существующей системы образует собой Организация Объединенных Наций, созданная после Второй мировой войны, с тем чтобы гарантировать мир и продвигать социальное и экономическое развитие, включая науку.

Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, образованная вслед за ООН, когда на Уставе последней буквально еще не просохли чернила, стала непосредственно ответственной за науку и тем самым наиболее важной организацией для науки и ее международного менеджмента в практическом смысле.

Недавно важность ООН и ее специализированного учреждения ЮНЕСКО для мировой науки была вновь подтверждена созданием в 2013 г. Научного консультативного совета по вопросам науки в современном мире при Генеральном секретаре ООН в целях усиления связи между мировой политикой и наукой. 26 всемирно известных ученых, представляющих естественные, социальные и гуманитарные науки, были приглашены Генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном принять участие в работе этого Научного консультативного совета. Совет имеет

своей целью разработку и формулирование рекомендаций для мирового сообщества по вопросам науки, технологий и инноваций в целях устойчивого развития, которые могли бы быть использованы Генеральным секретарем и руководителями организаций ООН. ЮНЕСКО разместила в своей штаб-квартире в Париже секретариат Совета и приняла обязанности по обеспечению его деятельности.

«Создание Научного консультативного совета продолжает широкую консультативную работу, доверенную ЮНЕСКО Генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном, – отметила Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова. – В нем собрались ученые мирового значения, чтобы действовать в качестве глобальной инстанции для улучшения связей между наукой и публичной политикой» [UN Secretary-General's…].

Совет стал первым подобным органом, созданным Генеральным секретарем ООН, с тем чтобы оказывать влияние на формирование действий мирового сообщества по продвижению науки и устойчивого развития. Инициатива его создания обосновывалась в докладе Генерального секретаря ООН «Устойчивость людей, устойчивость планеты: будущее, достойное выбора» на встрече высокого уровня по вопросам глобального устойчивого развития в январе 2012 г. В этом докладе содержалась рекомендация выступить с глобальной научной инициативой усиления совокупности возможностей, способов и методов взаимодействия политики и науки.

Совет занимается вопросами науки в широком диапазоне, включающем в себя естественные науки, инженерию, технологии, социальные и гуманитарные науки, этику, проблемы поведения, медицину, экономику, экологию, сельскохозяйственные науки.

Его задачами являются:

– обеспечивать соответствующее отражение новейших научных достижений в решениях высокого уровня в системе ООН, предоставляя рекомендации мировому сообществу в отношении приоритетов науки для устойчивого развития, которые необходимо воодушевлять и поддерживать;

– предоставлять консультационное содействие по вопросам новейших процессов и явлений в мировой науке, имеющих значение для устойчивого развития;

– выявлять пробелы в мировой науке, которые можно было бы восполнить вне системы ООН посредством национальных или международных научно-исследовательских программ и проектов;

– давать свои рекомендации в отношении менеджмента, публичной прозрачности и понимания науки.

Создание Совета и первые результаты его деятельности могут рассматриваться как практические шаги в направлении создания системы для международного менеджмента науки в интересах ускорения движения к миру и устойчивому развитию.

В ходе официального визита в Россию по случаю 60-летия участия нашей страны в деятельности ЮНЕСКО Генеральный директор этой организации Ирина Бокова посетила 24 апреля 2014 г. Российскую академию наук. На встрече с президентом РАН, членом Научного консультативного совета при Генеральном секретаре ООН академиком Владимиром Фортовым была затронута тема глобального управления наукой, которую Россия обсуждает с ЮНЕСКО со второй половины 90-х гг. прошлого столетия.

Председатель Правительства Российской Федерации того времени Виктор Черномырдин обратился 27 октября 1997 г. с письмом к Генеральному директору ЮНЕСКО Федерико Майору, предложив совместно создать международный проект по менеджменту науки под эгидой ЮНЕСКО.

В своем ответе Генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор приветствовал предложение о «создании международного института, который стремился бы разработать универсальную модель для реформы научной инфраструктуры в духе мира».

В развитие этой инициативы Генеральный директор ЮНЕСКО Ф. Майор, президент Российской академии наук Ю. Осипов, министр науки и технологий Российской Федерации В. Булгак и председатель Российской национальной комиссии по делам ЮНЕСКО В. Фортов выступили с совместным Призывом, в котором отмечалось, что «на пороге нового тысячелетия человечество осознало яснее, чем когда бы то ни было ранее, что существует необходимость превращения науки из механизма, множащего опасные технологии, в инструмент на службе мира и благополучия наций.

Международное сотрудничество, чувства солидарности и ответственности, испытываемые мировым научным сообществом, всеми теми, кто участвует в науке и использовании ее достижений, способны проложить путь к этой благородной цели.

Для ее достижения большое значение могло бы иметь создание международной структуры, предложенной российскими учеными, которая стремилась бы разработать универсальную модель для реформы научной инфраструктуры в духе мира» [Документы… 1998: 22–29].

Однако вскоре правительство Черномырдина ушло в отставку и проект был отложен. Тем не менее инициатива продолжала жить и набирать силу в мировом научном сообществе, что выразилось, в частности, в развитии работы Сектора науки ЮНЕСКО по исследованию ситуации, в которой оказалась наука, и по проведению своего рода инвентаризации научного потенциала и научно-исследовательских организаций разных стран во всем мире. Это вело к разработке подходов и формированию понимания, как организовать международный менеджмент науки.

Понятие международного менеджмента науки включает в себя целую систему действий, взглядов и политики в отношении организации, поддержки и регулирования научных процессов и продуктов. Управление наукой может быть глобальным в двух разных смыслах: как применяемым ко всей совокупности науки и как выходящим за рамки национальных границ повсюду в мире.

Глобальное и международное управление

Исследователи нередко разделяют понятия «глобальное управление» и «международное управление», указывая на различия между ними. «В контрасте с международным управлением, глобальное управление характеризуется уменьшающейся ролью государства и увеличивающимся влиянием негосударственных участников в процессах утверждения норм и правил и мониторинга соответствия. Кроме того, глобальное управление приравнивается к многоуровневому управлению, означающему, что управление осуществляется не только на национальном и международном, но и на субнациональном и локальном уровнях. В то время как в международном управлении адресатами и создателями норм и правил являются

государства и межгосударственные институты, в глобальном управлении в качестве таковых выступают негосударственные участники» [Global… 2001: 2].

Таким образом, глобальное управление наукой подразумевает включение в этот процесс негосударственных участников и подчеркивает характер науки как негосударственного транснационального социального института.

На самом деле международные организации неправительственного сектора становятся все более активными участниками мировых процессов, включая науку. Существующие системы отношений и сотрудничества ООН и ЮНЕСКО с международными неправительственными организациями поддерживают и продвигают участие последних в обсуждении актуальных проблем и выработке решений. Список МНПО, имеющих официальные отношения с ООН и ЮНЕСКО, охватывает сотни организаций. Самые важные из них, главным образом так называемые «зонтичные структуры», представляющие собой объединения союзов или союзы объединений, сосредоточены в высших категориях I (ООН) или A (ЮНЕСКО). Особое значение для науки и ее менеджмента на глобальном уровне имеют такие МНПО, как:

– Международный совет научных союзов (ICSU);
– Международный социальный научный совет (ISSC);
– Всемирная федерация научных работников (WFSW);
– Совет международных организаций медицинских наук (CIOMS);
– Международная ассоциация университетов (IAU);
– Международный совет по образованию взрослых (ICAE).

Все они отнесены к высшей категории A сотрудничества ЮНЕСКО с международными неправительственными организациями и в числе своих заявленных целей указывают развитие и управление наукой на глобальном уровне [Directory…].

Внутреннее и внешнее управление наукой

Занимаясь наукой, ученые применяют множество способов и методов для производства нового знания, в числе которых имитация, системное моделирование, структурный анализ, исследования, экспериментирование и многое другое.

Люди науки осуществляют свой собственный контроль за качеством научной продукции, которую они производят, при помощи экспертных оценок и репликации, а также посредством участия в научных встречах и обсуждениях, конференциях, презентациях, профессиональных публикациях.

Они находятся в положении, позволяющем лучше судить о научных и исследовательских приоритетах, влиять на обсуждение, предоставление грантов и поддержки для продвижения их одаренных коллег.

В то же время в научном сообществе являются достаточно обычным делом случаи соперничества, связанного с этим очернения коллег и других отвратительных проявлений борьбы ученых и их школ за достижение своих целей любыми средствами, что нередко компрометирует внутреннюю регуляцию менеджмента науки, предстающую в свете этого сомнительной и ненадежной.

Понятие внешнего управления наукой в стране используется здесь применительно к руководству наукой не учеными, а главным образом бюрократами разных уровней. Такое внешнее управление наукой в стране включает в себя:

– введение правил, норм и стандартов, регулирующих работу ученых и их организаций;

– поддержку и финансирование исследований по приоритетным направлениям, определенным в качестве таковых теми или иными бюрократическими структурами в соответствии с их пониманием национальных интересов и задач в сфере науки. В некоторых странах существует так называемый «государственный заказ» на исследования по темам и технологиям, представляющим интерес для государства;

– патентирование научных открытий и предоставление ученым сертификатов и прав собственности на произведенные ими научные знания и разработанные инновации, а также присвоение им научных степеней, званий и государственных наград;

– определение научной деятельности в желательном для власти направлении, часто при сопутствующем ограничении свободы творчества и научных исследований ученых.

Между внутренним и внешним управлением наукой могут возникать противоречия, способные иметь своим следствием напряжения и конфликты. Люди, занимающиеся наукой, обычно чувствительны к внешнему вмешательству, особенно если они ощущают несправедливость, нечестность или неуважение со стороны тех, по отношению к кому они ставятся в подчиненное или зависимое положение.

Принимая во внимание силу науки, которую она имеет или может иметь в обществе и над ним, надо признать необходимость социального контроля в отношении науки и инноваций. Гражданское общество, однако, должно не ограничивать производство нового знания, а участвовать в управлении его использованием в нужных для общества целях.

Существует понятие линеарной модели науки, прочерчивающей путь для ее результатов через технологическое применение к социальным выгодам и преимуществам. В соответствии с этой моделью правительство обеспечивает ученых всем необходимым по части финансирования, материальной стороны и организации исследований, предоставляя им возможность самим решать, как достичь наиболее высоких результатов, и сокращая до минимума государственное вмешательство.

В настоящее время линеарная модель научного развития, характерная для времен Рузвельта и Сталина, все более замещается теми или иными режимами регулирования, часто обнаруживающими свою некомпетентность и неспособность управлять наукой.

Осознание существующей опасности использования науки в разрушительных целях, кульминацией которого стала трагедия Хиросимы и Нагасаки, испытавших весь ужас американской атомной бомбардировки и катастрофических последствий применения нового оружия массового уничтожения, сделало проблему управления наукой глобальной. Оно подвигло выдающихся ученых мира Альберта Эйнштейна и Бертрана Рассела обратиться в своем знаменитом манифесте ко всем занимающимся наукой с призывом к ответственности в отношении результатов своих научных исследований и требованием говорить обществу правду, если они несут угрозу людям, как стала опасной для дальнейшего существования человечества открывшаяся ядерная эра.

Технологические катастрофы, достигающие размеров глобально опасного ядерного бедствия в Чернобыле, обозначили необходимость предотвращающего риски менеджмента науки. Новые угрозы стали реальностью с появлением проблемы биоэтики и генетического инжиниринга. Генно-модифицированные растения и животные, служащие продуктами питания для людей, могут незаметно

и необратимо изменить природу последних на пути к их вырождению как биологического вида. Особую опасность представляют собой эксперименты с генной инженерией в отношении человека.

Размышления по поводу менеджмента науки в контексте ее глобализации сами все больше приобретают глобальный характер. Общество постоянно движется в направлении растущей зависимости от науки и ее результатов. Политика, экономика и наука все теснее переплетаются между собой. В обществе растет вера в науку.

Доверие общества к науке отчасти подрывают преувеличиваемые надежды на возможность решения всех его проблем, в том числе глобальных проблем голода и бедности, научными средствами, путем применения того же генного модифицирования или нанотехнологий.

Наука, особенно в таких наиболее важных областях ее применения, как оборона, безопасность, энергетика, электроника и информация, обозначаемая применительно к ним специальным термином «мандатная наука», нуждается в некоем глобальном управлении, с тем чтобы его средствами предотвращать возможные конфликты развития, способные при определенных обстоятельствах стать глобально опасными.

Действительно, глобальный менеджмент науки предстает как жизненная необходимость на фоне растущей потребности в совместном поиске научных решений глобальных проблем, новых угроз и вызовов, стоящих перед человечеством.

Как приблизиться к цели глобального управления наукой

В любом случае возникает вопрос: что конкретно можно сделать для того, чтобы приблизиться к цели глобального управления наукой? Притом что предложений в этом отношении может быть немало, представляется целесообразным, исходя из логики данной статьи, сосредоточиться на возможностях ЮНЕСКО как главной международной межправительственной организации, непосредственно отвечающей за науку в системе ООН, с широким участием неправительственного сектора, представленного организациями списка ЮНЕСКО и другими соответствующими этой задаче научными структурами, желающими внести свой вклад в продвижение к цели глобального управления наукой на принципах ООН и ЮНЕСКО.

Для продвижения к этой цели могла бы быть использована международная структура под эгидой ЮНЕСКО – как специально созданная, так и выбранная из числа существующих.

Действия за глобальное управление наукой должны быть развернуты в международное движение заинтересованных ученых, общественности и их организаций, опирающихся на структуру типа всемирного фонда.

Должен быть задействован потенциал ЮНЕСКО, включая возможности более 650 кафедр ЮНЕСКО, работающих сегодня более чем в 120 странах мира и охватывающих своей деятельностью сотни университетов и других научно-исследовательских учреждений. Им может быть доверена разработка предложений по рассматриваемому вопросу.

На основе самого широкого и открытого обсуждения в научной среде может быть также создана своего рода Дорожная карта для движения к глобальному управлению наукой на универсальных принципах Уставов ООН и ЮНЕСКО, которую было бы важно принять на представительном международном форуме.

Подобный форум мог бы быть организован как всемирная конференция ЮНЕСКО по глобальному управлению наукой, если государства-члены, Исполнительный совет и Генеральная конференция Организации утвердят его проведение.

Всемирная конференция по глобальному управлению наукой могла бы также быть созвана под эгидой ООН и ЮНЕСКО специально образованным для этой цели международным подготовительным комитетом.

ЮНЕСКО, располагая своими кафедрами как эффективным инструментом глобального применения, могла бы использовать их всемирную сеть для того, чтобы поддержать идею глобального управления наукой и внести свой вклад в разработку ее принципов.

Глобальная мобилизация в пользу идеи глобального управления наукой могла бы быть осуществлена немалыми силами и средствами научных союзов и объединений ученых на местном, региональном, национальном и международном уровнях.

Масштаб задачи отвечает ее важности в глобальном формате.

Заключение

Суммируя вышеизложенное, представляется целесообразным выделить наиболее важные положения:

- Глобальные процессы создали глобальное общество знания и определили новую глобальную роль науки как главной движущей силы развития.
- Глобальное управление наукой предстает в виде жизненной необходимости в связи с растущей потребностью совместного поиска научных решений глобальных проблем, новых рисков и вызовов, стоящих перед человечеством.
- Наука, подвергающаяся сегодня бюрократическим процедурам и решениям на национальном уровне, должна продвигаться к международному менеджменту, основанному на деятельности международных универсальных и научных организаций и структур как межправительственного, так и неправительственного характера.
- Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), непосредственно ответственная за науку в системе ООН и тем самым наиболее важная международная организация для всего комплекса вопросов глобального управления наукой, могла бы предоставить свою эгиду для создания универсальной платформы и практической структуры проекта с широким участием неправительственного сектора, представленного международными научными организациями и другими соответствующими данной задаче научными структурами, готовыми внести свой вклад в продвижение к цели глобального управления наукой.
- Всемирная конференция по глобальному управлению наукой могла бы быть созвана для того, чтобы разработать, обсудить и принять программу практических действий в виде своего рода Дорожной карты на пути к глобальному управлению наукой на принципах Уставов ООН и ЮНЕСКО.
- Особая важность ООН и ЮНЕСКО в контексте перспектив глобального управления мировой наукой была подтверждена созданием и деятельностью Научного консультативного совета при Генеральном секретаре ООН в целях укрепления связей между наукой и политикой.

• В неправительственной сфере действия за глобальное управление наукой могли бы быть развернуты в движение заинтересованных ученых и их организаций на базе поддерживающей структуры типа фонда.

• Кафедры ЮНЕСКО, представляющие собой эффективный инструмент глобального применения, и их всемирная сеть могли бы быть использованы для продвижения идеи глобального управления наукой и дальнейшей разработки ее принципов.

Литература

Вебер А. Б. Современный мир и проблемы глобального управления // Век глобализации». 2009. № 1. С. 3–15.

Документы Центра проектов Ассоциации международного сотрудничества. М., 1998. Т. III.

Дробот Г. А. Проблема глобального управления в контексте теории международных отношений // Век глобализации. 2011. № 2. С. 41–52.

Ильин И. В. Формирование глобальных политических процессов и глобального управления // Вести Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. № 1.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–15.

Чумаков А. Н. Проблема управления как повод для дискуссии // Век глобализации. 2012. № 2. С. 32–43.

Философская инноватика и глобальные проблемы современного общества: сб. науч. тр. / под ред. А. М. Старостина. Ростов н/Д., 2012.

Directory of International Nongovernmental Organizations (INGO's) in Official Relationship with UNESCO. Vol. I: Category A and B (and Index). Brussels : Union of International Associations.

Global Governance of Science – Report of the Expert Group on Global Governance of Science to the Science, Economy and Society Directorate, Directorate-General for Research, European Commission. Brussels, 2009.

Guston D. H. Between Politics and Science. New York : Cambridge University Press, 2000.

Ilyin I. V., Ursul A. D. Globalistics: New Investigative Trends in Science // Globalistics and Globalization Studies. 2012. P. 107.

UNESCO Science Report 2010.

UN Secretary-General's Scientific Advisory Board to Strengthen Connection between Science and Policy [Электронный ресурс]. URL: http://en.unesco.org/post2015/news/un-secretary-general%E2%80%99s-scientific-advisory-board-strengthen-connection-between-science-and#sthash.6nMKD9jY.dpuf.

Wilsdon J., Keely J. China – the Next Science Superpower. London, 2007.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ГЛОБАЛИСТИКА. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

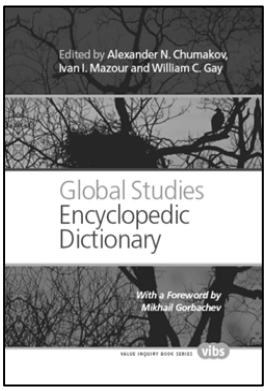
Гл. ред. А. Н. Чумаков, И. И. Мазур, В. Гэй.
Предисловие М. С. Горбачева. – Амстердам – Нью-Йорк:
Изд-во «Родопи», 2014. – 531 стр.

Масштабный международный проект, инициированный в России и длившийся более 10 лет, завершился публикацией в известном издательстве «Родопи» фундаментального труда:

Global Studies Encyclopedic Dictionary
Edited by Alexander N. Chumakov, Ivan I. Mazour and William C. Gay
Assistant Editor USA, Michael T. Howard
Assistant Editors Russia, Anastasia V. Mitrofanova and Vladimir M. Smolkin
Editorial Assistant USA, Jonathan P. Branch
With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Amsterdam/New York, NY 2014. XI, 531 pp.

Это переводное издание одноименного Энциклопедического словаря, опубликованного в России в 2006 г.[1] Значимость данного события определяется не только тем, что в написании статей для английской версии Словаря приняло участие более 300 авторов из 50 стран мира, но и тем, что идея, а также первое издание столь уникального проекта появились в России задолго до того, как такая книга впервые увидела свет на Западе. Таким образом, теперь научные тексты почти двухсот ведущих российских ученых в области глобалистики, которые вместе с текстами авторитетных зарубежных специалистов составили содержание внушительного справочного издания, стали достоянием широкой мировой общественности. По существу это первый такой большой «десант» российской научной мысли за пределы нашей страны. Ниже публикуется информация от издательства «Родопи» о Словаре и форма заказа на его приобретение.

Global Studies Encyclopedic Dictionary



Edited by Alexander N. Chumakov, Ivan I. Mazour and William C. Gay

Assistant Editor USA, Michael T. Howard

Assistant Editors Russia, Anastasia V. Mitrofanova and Vladimir M. Smolkin

Editorial Assistant USA, Jonathan P. Branch

With a Foreword by Mikhail Gorbachev.

Amsterdam/New York, NY 2014. XI, 531 pp. (Value Inquiry Book Series 276)

ISBN: 978-90-420-3854-7 Bound €108,-/US$151,-

ISBN: 978-94-012-1097-3 E-Book €97,-/US$136,-

Online info: http://www.rodopi.nl/senj.asp?BookId=VIBS+276

[1] Глобалистика: Международный, междисциплинарный, энциклопедический словарь / Гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М. – СПб. – Нью-Йорк: Элима, Питер, 2006.

This book provides brief expositions of the central concepts in the field of Global Studies. Former President of the Soviet Union Mikhail Gorbachev says, "The book is intelligent, rich in content and, I believe, necessary in our complex, turbulent, and fragile world." 300 authors from 50 countries contributed 450 entries. The contributors include scholars, researchers, and professionals in social, natural, and technological sciences. They cover globalization problems within ecology, business, economics, politics, culture, and law. This interdisciplinary collection provides a basis for understanding the concepts and methods within global studies and for accessing lengthier and more technical research in the field. The articles treat such important topics as the biosphere, ozone depletion, land resources and pollution, world health challenges, education, global modeling, sustainable development, war, weapons of mass destruction, and terrorism. The book also promotes academic cooperation, political dialogue, and mutual understanding across diverse traditions and national identities that are needed to engage successfully the many daunting challenges of globalization.

ORDER FORM

Please send me …….... copy / copies **Global Studies Encyclopedic Dictionary.**
Postage: First item € 7/US$ 9,80 every subsequent item € 4/US$ 5,60 all countries
(USA: € 5/US$ 7,- resp. € 2,50/US$ 3,50)

Shipping/Billing Address

Name _____
_____
E-mail: _____
Address _____
_____
City/State _____
Country _____

Your e-mail details will be added to or updated on the Rodopi mailing list for information about other products and services provided by Rodopi. Please tick here if you do not wish to receive such mailings: ☐
We do not rent or sell our mailing list to other companies

Mode of payment

☐Check enclosed (only checks in US$ and GBP, for USA, UK banks only) ☐Please Bill

☐Visa Card / ☐Master Card / ☐American Express Card nr.: _____

Exp. Date: _____ Please also provide the last three digits of the security code given on the back of your card: _____

Please note that the exchange rate is subject to fluctuations.

Rodopi

USA/Canada: 228 East 45th Street, 9E, New York, NY 10017, USA
Tel. 800-225-3998, Fax 800-853-3881, Call toll-free (U.S. only) 1-800-225-3998
All Other Countries: Tijnmuiden 7, 1046 AK Amsterdam, The Netherlands
Tel. ++ 31 (0)20 611 48 21, Fax ++ 31 (0)20 447 29 79

orders@rodopi.nl **www.rodopi.nl**

VEK GLOBALIZATSII

[AGE OF GLOBALIZATION]

Journal of Global Studies

Contents

Theory

Leonid E. Grinin. The New World Order and the Epoch of Globalization (pp. 3–17).

Akop P. Nazaretyan. The Nonlinear Future: Singularity of the Twenty-First Century as an Element of Megahistory (pp. 18–34).

Alexander N. Chumakov. Cultural and Civilization Gaps in the Global World (pp. 35–47).

Processes of globalization

Mehdi Sanai. Globalization and Multiculturalism: Changing Concepts and Foundations (pp. 48–58).

Alexey A. Moiseev. The Phenomenon of Globalization and International Community (pp. 59–72).

Alexander D. Dumnov, Nikolay G. Rybal'sky. Macroeconomic Values Based on the Ecosystem Accounting as the Major International Task (pp. 73–89).

Martin Glen T. Globalization and the Earth Constitution: Key Stages in the Struggle for Human Liberation (pp. 90–107).

Global issues

Vladimir G. Makarov. International Transfer of Nuclear Technologies as a Threat to the Nuclear Non-Proliferation Regime (pp. 108–118).

Natalya V. Schennikova. Language Factor of Globalization (pp. 119–129).

Yuliya V. Zin'kina. The Malthusian Trap in the Age of Globalization? (pp. 130–142).

Nature, society, and humans

Vladimir A. Grachev. V. I. Vernadsky's Scientific Research as the Basis for the New World View and Sustainable Development (pp. 143–157).

Marianna D. Napso, Maryana B. Napso. The Right of the Individual and the Right of the People for Originality in the Realities of Globalization (pp. 158–169).

Iskander Kh. Davlatov. The Economic Nature of Globalization and its Influence on the Banking System of Tadjikistan (pp. 170–182).

Alexander V. Katsura. Modern Confucianism: Global Motives (pp. 183–189).

Russia in the global world

Dmitriy I. Kondratov. International Investments of the Russian Companies and Financial Institutions (pp. 190–208).

Yuri N. Sayamov. The Global Governing of Science – A Chimera or Vital Necessity? (pp. 209–220).

Scientific life

Global Studies Encyclopedic Dictionary (pp. 221–222).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегль 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегль 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой… 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. 2003. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: http://www.census.gov/ipc/www/world.html (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации».
2(16), 2015. – 224 с.

Ответственная за выпуск *Е. В. Еманова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г.

© Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 20.08.2015. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,06.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10